

Воронежский Государственный Университет
Факультет международных отношений
Кафедра международных отношений и регионоведения
Научное Общество Факультета международных отношений
Российская ассоциация исследователей Иберо-Американского мира

**ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ
В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

VII

Воронеж
2010

ББК 66.3
УДК 323.2
П 50

Редакционная коллегия: проф., д.полит.н А.А. Слинько (пред.), доц., к.и.н. В.И. Сальников (секретарь ред.коллегии), преп., к.и.н. М.В. Кирчанов (сост.)

Политические изменения в Латинской Америке: история и современность / ред. А.А. Слинько, сост. М.В. Кирчанов. – Воронеж: Факультет международных отношений Воронежского государственного университета, 2010. – Вып. 7. – 119 с.

В настоящий сборник вошли статьи российских и зарубежных исследователей, посвященные проблемам политических процессов в современной Латинской Америке, политической динамике в регионе, отношениями между странами Южной Америки, особенностям развития правого спектра политического поля, гуманитарным и социальным исследованиям в Бразилии.

Латинская Америка – политические процессы – международные отношения – гуманитарные исследования – Бразилия – Перу – Колумбия

ISBN: 5-00-001727-7
ISBN: 11-04-2010-07-3

ББК 66.3
УДК 323.2
П 50

© Авторы, 2010
© Перевод, 2010
© Факультет международных отношений ВГУ, 2010
© Воронежское отделение РАИИАМ, 2010
© <http://ejournals.pp.net.ua> 2010

**Universidad Estatal de Voronezh
Facultad de Relaciones Internacionales
Departamento de Relaciones Internacionales y Estudios Regionales
Sociedad Científica de la Facultad de Relaciones Internacionales
Asociación Rusa de los investigadores del mundo Iberoamericano**

**Universidade do Estado da Voronezh
Faculdade de Relações Internacionais
Departamento de Relações Internacionais e Estudos Regionais
Sociedade Científica da Faculdade de Relações Internacionais
Associação Russa de Investigadores del mundo Ibero-americano**

**Voronezh State University
Department of Interantional Relations
Chair of Interantional Relations and Regions Studies
Scientific Society of Department of Interantional Relations and Regions Studies
Russian Association for Iberian and American Studies**

**ACONTECIMIENTOS POLÍTICOS EN AMÉRICA LATINA:
PASADO Y PRESENTE**

VII

**EVOLUÇÃO POLÍTICA NA AMÉRICA LATINA:
PASSADO E PRESENTE**

**Voronezh
2010**

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>И. Афанасьева</i> , Основные проблемы внутренней политики Перу в период правления А. Фухимори: специфика национальной модели авторитаризма	5
<i>Н.А. Коротких</i> , Левые движения во главе Уругвая: проблемы и противоречия	11
<i>М.В. Кирчанов</i> , Авторитарный политический эксперимент в Латинской Америке: правая модернизация и левая стагнация	15

Латинская Америка и мир

<i>Иммануил Валлерстайн</i> , США и международный политический курс Бразилии	26
<i>А.В. Погорельский</i> , Россия и Латинская Америка: новые горизонты сотрудничества	30
<i>Е.А. Щеблыкина</i> , Латинская Америка – ЕС: проблемы взаимодействия	40

Пространства несогласия: протестные формы политического участия в Латинской Америке и России

<i>Иммануил Валлерстайн</i> , Перевороты в Латинской Америке: Администрации Дж. Буша и Б. Обамы	48
<i>Жоау Педру Стедиле</i> , Движение безземельных крестьян, Бразилия и борьба за землю	51
<i>М.В. Пулькин</i> , Происхождение социальных конфликтов в XVIII – начале XX века: по материалам Олонецкой губернии	54
<i>М.В. Кирчанов</i> , Восстание как акт, бунтарь как социальная роль: социальная перформативность в истории Бразильской Империи	69
<i>Джэймс Петрас</i> , «Революционные вооруженные силы Колумбии – Армия Народа»: цена односторонних гуманитарных инициатив	85
<i>Т.А. Воротникова</i> , «Социальные войны» в Боливии: с чего начинались и к чему привели?	90

Критика и библиография

<i>Кэтрин А. Слоан</i> , Женщины Юкатана: у революции нет одежды	101
Современная отечественная латиноамериканистика: «второе издание» российского неомарксизма	105
<i>Роджер П. Дэвис</i> , Системы и динамика развития общин коренного населения	109
<i>К.В. Беденко</i> , Фундаментальное исследование о Бразилии	113

Латиноамериканистское сообщество

<i>К. Бельвебер</i> , Латиноамериканские исследования на факультете международных отношений ВГУ	116
---	-----

ИССЛЕДОВАНИЯ

И. Афанасьева

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ ПЕРУ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ АЛЬБЕРТО ФУХИМОРИ:

**специфика национальной
модели авторитаризма**

Анализируя особенности политической жизни того или иного государства, всегда рассматриваются два неразрывно связанных аспекта – это внутренняя и внешняя политика. Каждый из них может иметь несколько направлений и областей распространения. Говоря о внешней политике Японии нельзя пройти стороной ее отношения с государствами, где проживают сообщества этнических японцев. Дело в том, что в странах, где эти сообщества существуют уже давно и численность японского населения довольно высокая, этнических японцев можно встретить и в органах государственной власти. Ярким примером в этом случае является Перу.

В этом государстве, на 24 миллиона населения приходится 80 тысяч этнических японцев, которые также являются гражданами Перу¹. Это второе по величине сообщество японцев после бразильского. Но, несмотря на это существует ряд проблем, связанных с существованием этнических японцев в Перу. Первые иммигранты из Японии работали на плантациях хлопка и сахарного тростника, где сталкивались с массовой дискриминацией, в том числе и касательно оплаты труда². К началу Второй мировой войны сообщество этнических японцев (на тот момент насчитывающее 15 тысяч человек) стало самым процветающим в Лиме. Хотя во время войны японцы сильно пострадали от рук националистов, которые атаковали их бизнес, и от представителей официальной власти, которые депортировали полторы тысячи японцев. Атаки расистов на этнических японцев продолжались вплоть до 1950-х годов³.

В 1990 г. 49-летний Альберто Фухимори, инженер-агроном, скромный, мало кому известный ректор столичного сельскохозяйственного университета Ла Молина, этнический японец, не принадле-

жащий к элите, неожиданно для многих оказался на вершине пирамиды власти в Перу. Предложив понятную большинству электората программу вывода страны из тяжелой экономической и политической ситуации, пообещав покончить с разгулом терроризма и засильем наркобизнеса, он во втором туре выборов одолел считавшегося фаворитом всемирно известного писателя Марио Варгаса Льюсу⁴. После того как президентом Перу стал Альберто Фухимори перуанцев японского происхождения и этнических японцев стали убивать на улицах, похищать и в целом люто ненавидеть. Это во многом было связано с политикой самого президента. Да и само японское сообщество раскололось на два лагеря: тех, кто против политики диктатора, и те, кто ее поддерживал.

Тогда, перуано-японское сообщество его на выборах не поддержало. А все потому, что опасалось всплеска расизма со стороны основных левых группировок. Но не смотря ни на что, вступив в должность, Фухимори решительно и энергично, без раскачки, взялся за вывод страны из острейшего социально-экономического кризиса и сумел добиться впечатляющих успехов. Запущенные рыночные механизмы неолиберальной модели, хотя и не без пробуксовки, стали давать ощутимые результаты. Удалось справиться с гиперинфляцией, заметно улучшить показатели роста ВВП и значительно увеличить объем иностранных инвестиций, осуществить масштабную приватизацию неэффективных предприятий государственного сектора. Эти меры помогли смягчить социальные проблемы: произошло снижение безработицы, повышение минимальной зарплаты и пенсий⁵.

Однако впечатляющие экономические успехи сопровождались отнюдь не безупречной внутривластной стратегией. Реформы осуществлялись жесткими методами и вызывали серьезное недовольство ряда влиятельных перуанцев. Натолкнувшись на сопротивление части правящей элиты, Фухимори пошел на чрезвычайные меры. После прихода к власти Фухимори оппозиционные ему левоцентристские партии ФРЕДЕМО и АПРА сохраняли за собой большинство в обеих палатах парламента. Фухимори считал, что такой состав Конгресса мешает ему проводить неолиберальные экономические реформы и ограничивает его полномочия. Поэтому 5 апреля 1992 президент инициировал «самопереворот» (autogolpe, также называемый «Фухипереворотом»), который являлся свержением собственного правительства с целью расширить собственные полномочия и распустить Конгресс. Распустив Конгресс, в ноябре 1992 президент провёл новые выборы, добившись большинства для созданной перед выборами собственной партии. Таким образом, Фухимори получил практически неограниченную авторитарную власть, которую закрепил проведённый в октябре 1993 референдум по новой конституции, серьезно расширившей полномочия президента⁶.

Новая конституция закрепила рыночную направленность экономики и упростила процесс приватизации стратегических секторов. Го-

сударству отводилась лишь регулирующая функция, прежде всего, в области обороны, здравоохранения, образования и инфраструктуры. В соответствии с конституцией, были приватизированы некоторые ключевые предприятия, например, крупнейший нефтеочистительный завод страны. В ходе борьбы с политическими противниками и повстанцами режим, опираясь на вооруженные силы и тайные службы, совершал многочисленные нарушения прав человека. Расправы, незаконные аресты, пытки. В 1995 правительство предоставило амнистию всем лицам, нарушившим права человека «в рамках антитеррористической кампании». Фухимори удалось разбить основные силы «сендеристов» и других повстанцев⁷.

Естественно такие действия со стороны властных структур, к тому же управляемых президентом-японцем, не могли не создать резонанса среди националистических группировок. В декабре 1996 отряд "Революционного движения «Тупак Амару» (МРТА) захватил японское посольство, в котором находилось множество официальных лиц правительства, и удерживал его до апреля 1997, добиваясь освобождения политзаключенных. Здание было взято штурмом войсками, а лидеры МРТА убиты.⁸

Складывается такое впечатление, что власть и националисты мстили друг другу. В 1995–1998 власти провели стерилизацию более 250 тыс. женщин (многих из них – насильно). С помощью draconических мер в экономике и сокращения социальных расходов режим добился того, что уровень инфляции к началу 1993 сократился до 57%, а в 1994 – до 29%. В то же время, политика Фухимори вызвала дальнейшее падение уровня жизни: более 50% населения жили в условиях бедности (в том числе 20% – в полной нищете⁹). Не смотря ни на что в 1995 Фухимори провел президентские и парламентские выборы. Набрал более 64% голосов, он легко победил своего главного соперника – бывшего генерального секретаря ООН Хавьера Переса де Куэльяра, выдвинутого оппозиционным движением "Союз за Перу". Правящий блок «Перемены-90 – Новое большинство» завоевал 67 из 120 мест в парламенте.¹⁰

В конце 1990-х диктатор стал готовиться к переизбранию на новый срок. В 1997 г. у президента возник конфликт с Конституционным судом по вопросам трактовки перуанской Конституции, не позволявшей Фухимори выдвигаться на третий срок. Он завершился отставкой четырех из семи членов суда, отказавших главе государства в праве выставить свою кандидатуру на выборах 2000 г. Был принят закон о «подлинной интерпретации Конституции», который устанавливал, что первым сроком пребывания Фухимори на президентском посту следует считать не 1990–1995, а 1995–2000 гг. В ходе этих манипуляций Фухимори расчистил себе дорогу к избранию на третий срок и подмял под себя остальные ветви власти, низведя их до положения послушного исполнителя собственной воли. Тем самым режим приобрел авторитарные черты при сохранении формального демокра-

тического обрамления. Ставка была сделана на силовые институты. Армия и спецслужбы превратились в самодостаточные, никем не контролируемые, закрытые структуры¹¹.

Упоение экономическими достижениями вскружило голову Фухимори, позволило уверовать в «мессианское предназначение». В 2000 г. он без всяких колебаний принял участие в очередных, третьих для себя президентских выборах. Новой победы, которую можно назвать «пирровой», он добился преимущественно за счет административного ресурса, манипуляции бюллетенями, подлогов, подтасовки итогов голосования. В высшем законодательном органе правящему блоку для обладания большинством не хватило нескольких мандатов. Однако к моменту избрания его руководства проправительственная фракция внезапно резко «подросла». Как выяснилось позднее,¹² это произошло вследствие беззастенчивого подкупа парламентариев.

Фухимори вновь вступил в должность, но режим уже трещал по швам. Оппозиция наращивала давление, протесты выплеснулись на улицы. Накануне инаугурации в Лиме состоялся беспрецедентный многотысячный мирный марш, в котором участвовали жители со всех уголков страны.

Тучи сгущались, и гром грянул. Переход кризиса в горячую фазу был связан с показом по телевидению 14 сентября 2000 г. видеопленки с записью эпизода дачи взятки руководителем Службы национальной разведки Владимиром Монтесином депутату парламента Альберто Коури. Коррупционный скандал послужил детонатором политического кризиса. Монтесинос бежал за границу, а спустя несколько дней последовало заявление Фухимори о сокращении периода президентства до года и о намерении провести досрочные выборы.¹³

И тут случилось невероятное. Глава государства сделал беспрецедентный ход. Возвращаясь с саммита АТЭС, президент Фухимори внезапно совершил визит на историческую родину, в Японию, и попросил политического убежища. Затем по факсу прислал заявление об отставке. Возмущению парламентариев не было предела. В ходе бурных, эмоционально окрашенных дебатов, длившихся 12 с лишним часов, выступили 75 законодателей. За предложение сместить Фухимори с поста президента из-за «моральной неспособности руководить государством» проголосовали 62 депутата, против – 9, воздержались – 9. Он пожизненно лишался права занимать выборные должности. В феврале 2004 г. Конституционный суд признал законным это решение.¹⁴

Япония приютила беглого президента, и выдавать не собиралась. Сын японских эмигрантов в Перу, Фухимори в декабре 2000 года получил японское гражданство. Токио отказывается выдавать его в руки перуанских властей, поскольку по закону имеет право не выдавать своих граждан иностранным правительствам. Интерпол выдавал ордер на его арест, в Перу добивались его экстрадиции, обвиняя его в преступлениях против человечества, но все тщетно. Такое положение вещей могло повлечь за собой жесткое дипломатическое противо-

стояние между Лимой и Токио, поскольку законы Японии не предусматривают выдачу иностранному государству японских граждан.

Но тут вдруг снова случился казус. Фухимори заявил, что собирается баллотироваться на президентский пост Перу в 2006 году. Это стало настоящей сенсацией. Надеясь на успех, Фухимори приехал в Чили. Но глупо было надеяться, что этот опрометчивый поступок окажется верным. Чилийский суд экстрадировал в Лиму перуанского экс-президента. На родине бывшего лидера осудили за коррупцию, систематические нарушения прав человека и произвол спецслужб в годы его правления. Впрочем, его возвращения в Перу с нетерпением ожидали и многочисленные сторонники, которым два президентских срока Альберто Фухимори запомнились как период политической стабильности, а также успешной борьбы с терроризмом и олигархами.

"Я вас уверяю, что фухиморизм снова станет силен, как в былые годы. Меня поддерживает множество людей, а если я вдруг окажусь не у дел, то у меня обязательно будет политический преемник", —¹⁵ рассказывал чилийским журналистам Фухимори. И что бы вы думали? 32-летняя Кейко Фухимори, дочь бывшего президента Перу Альберто Фухимори, управлявшего страной более десяти лет, объявила о намерении выставить свою кандидатуру на предстоящих в 2011 году всеобщих выборах.

Для реализации своих планов в ближайшее время младшая Фухимори, ставшая депутатом перуанского парламента, создаст новую политическую партию "Сила 2011", кандидатом от которой она уже будет выдвигаться на президентские выборы. ¹⁶В беседе с журналистами Кейко дала понять: помимо продвижения своей кандидатуры она предпримет все возможное для того, чтобы все-таки основным кандидатом в президенты от новой партии стал ее отец. Несмотря на неприятности своего отца, Кейко не теряет надежды на его возвращение в политику. "Я иду на президентские выборы для того, чтобы доказать: мой отец невиновен. Народ Перу уважает его, и данные опросов общественного мнения это подтверждают",¹⁷ - заявила она. Кажется совершенно невероятной затеей. Даже несколько шизофриничной. После всего, что сотворил Фухимори-отец, с трудом верится, что даже дочь сможет занять пост президента. Однако политические оппоненты Кейко опасаются, что создание новой партии, главной целью которой станет объединение многочисленных сторонников Фухимори-отца и Фухимори-дочери, приведет к появлению в стране серьезной силы, способной оказывать давление на судебные органы с целью пересмотра дела экс-президента. И тогда возвращение Фухимори в политику станет уже более реальным.

¹ "Japanese Immigration Statistics". – (www.DiscoverNikkei.org).

² Jrie T. History of the Japanese migration to Peru. – *Hispanic American Historical Review*. – 1951. - № 4. - 648-664 p.

³ Japanese Latin Americans. – (<http://www.mofa.go.jp/region/latin/peru/index.html>).

-
- ⁴ Дабаян Э.Казус Фухимори/Э.Дабаян. -
(<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=40&tek=3125&issue=94>).
- ⁵ Komai H. Japanese policies and realities. – United Nations. – 2007.
- ⁶ Дабаян Э.Казус Фухимори/Э.Дабаян. -
(<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=40&tek=3125&issue=94>).
- ⁷ Maidment R. Culture and society in the Asia-Pacific. – 2005. – 80 p.
- ⁸ The Incident at the Official Residence of the Japanese Ambassador to the Republic of Peru. – (<http://www.mofa.go.jp/region/latin/peru/incident/index.html>)
- ⁹ “Japanese Immigration Statistics”. – (www.DiscoverNikkei.org).
- ¹⁰ Komai H. Japanese policies and realities. – United Nations. – 2007.
- ¹¹ Masterson D., Sayaka F.-C. The Japanese in Latin America: The Asian Experience. – University of Illinois Press. – 2004.
- ¹² Дабаян Э.Казус Фухимори / Э.Дабаян. -
(<http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=40&tek=3125&issue=94>).
- ¹³ Komai H. Japanese policies and realities. – United Nations. – 2007.
- ¹⁴ Masterson D., Sayaka F.-C. The Japanese in Latin America: The Asian Experience. – University of Illinois Press. – 2004.
- ¹⁵ Габуев А. Фухимори вернули родине/А. Габуев. –
(<http://www.kommersant.ru/doc.aspx?DocsID=807376&ThemesID=93>).
- ¹⁶ Косарев Д. По стопам отца. – Российская газета. - № 4563. – 2008.
- ¹⁷ Косарев Д. По стопам отца. – Российская газета. - № 4563. – 2008.

ЛЕВЫЕ ДВИЖЕНИЯ ВО ГЛАВЕ УРУГВАЯ: проблемы и противоречия

Быстрое разочарование многих латиноамериканских стран в неолиберальных методах, применение которых не помогло покончить с бедностью и слаборазвитостью их стран и обеспечить высокие темпы роста их экономик, привело к тому, что произошел, так называемый, «левый поворот» стран Латинской Америки. Среди левых правительств, количество которых увеличилось в начале 21 века, различаются популистские движения в Венесуэле, Эквадоре и Боливии, в то время как в Бразилии, Уругвае и Чили к власти пришли движения социал-демократического типа.

Уругвай не стал исключением и с 2004 г. президентом становится Табаре Васкес, представитель левоцентристов. Затем в 2009 г. президентом Уругвая стал Хосе Мухика представитель фракции Движения народного участия партии Широкий фронт. Личность далеко не однозначная, так как он был активистом леворадикального движения Тупамарос.

В восстановленной демократии Уругвая сложилась трехпартийная система, которая выражает весь спектр политических движений и течений в силу специфичной партийной структуры. Каждая партия включает в себя множество фракций. Такая специфика привела к тому, что выборы проводятся на двух уровнях, сначала в рамках партии между кандидатами от каждой фракции, затем уже на общенациональном уровне.

Широкий фронт, является социал-демократической партией, в которую на начало 2010 г. входит около 12 крупных фракций¹, которые выражают весь спектр левых сил: от левоцентристов до леворадикалов. Широкий фронт был создан в 1971 г. на основе социальной и коммунистической партий, затем ряды пополнялись за счет противников диктатуры, в том числе и тех группировок, которые были за свержение строя насильственным путем. Среди них наиболее известным было движение Тупамарос, сторонники которого после нескольких десятилетий использования «городской герильи» объявили о намерении прийти к власти с помощью легальных политических методов. В результате, Движение народного участия, созданное на базе Движения национального освобождения-Тупамарос, является одним из наиболее влиятельных в блоке. Однако на формирование политических сил большое влияние оказало то, что партии были интегрированы в

систему представительной демократии, они находились в условиях конкуренции с другими партиями, и все они, в свою очередь, так или иначе, контролировались. Именно поэтому левые совершили переход, выбрав умеренность в идеологии и заняв центристскую позицию.

В оппозиции находятся традиционные партии Национальная партия (Бланко) и партия Колорадо, которые сохраняли власть в общей сложности около полутора веков вплоть до 2004 г. Национальная партия представляет консервативное течение, которое старается привлечь все слои населения, но базой являются предприниматели и обеспеченные слои. Тогда как в Колорадо входят мелкие предприниматели и интеллигенции, и включает правое, центристское и социал-демократическое течение, которое преобладает в основных фракциях.

В целом, для Уругвая характерно то, что партии стараются сотрудничать друг с другом и участвуют в формировании коалиционного правительства. Президент Табаре Васкес опирался на блок Прогрессивная встреча в составе Широкого фронта и центристская коалиция Новое большинство.

Успеху Х. Мухики в 2009 г., среди прочих факторов, способствовала политика Т. Васкеса, направленная на решение социальных проблем, расширение международных связей и сохранение демократических принципов, что было продемонстрировано отказом Т. Васкеса от реформирования конституции для получения возможности выдвижения на второй срок.

Именно сложившаяся партийная система и необходимость соблюдения баланса сил может предотвратить возможный левый поворот или популизм, так как чрезмерный левый крен становится нецелесообразен, так как может значительно сократить избирательную базу. Более того, действия Х. Мухики показывают, что основополагающими при его правлении будут национальные интересы и развитие страны, что он будет достигать, придерживаясь прагматичного курса предыдущего президента.

После избрания Хосе Мухика провел ряд встреч с основными противниками на выборах – Луисом Лакалье (президент 1990-1995 гг.) от Национальной партии и Педро Бордаберри лидером правоцентристской партии Колорадо. Таким образом, Хосе Мухико начал осуществлять соглашения с оппозиционными партиями для достижения парламентского большинства: так как у Широкого фронта 16 из 30 мест в Сенате и 50 из 99 в Палате представителей. Причиной тому служит наличие задач, решение которых требует совместного участия и поддержку абсолютного большинства в парламенте. Политика президента, направленная на сотрудничество с оппозицией, по словам политолога Адольфо Гарсе (Adolfo Garcé): «Это больше чем расчет, это убеждение. Это манера ведения политики» и добавил в отношении его прошлого в Тупамарос «любой, кто знаком с убеждениями Тупамарос, знает это»².

Более того, сотрудничество с оппозицией необходимо, так как Широкий фронт выиграл выборы не с абсолютным большинством. Но с другой стороны, привлечение оппозиции к формированию кабинета послужила началом противоречий внутри партии. Именно поэтому перед президентом стоит сложная задача – одновременно обеспечить консенсус в Широким фронте и обеспечить сотрудничество с оппозицией. Именно политика противостоящих блоков может сделать политику правительства более инновационной и восстановить традиционную для Уругвая политику «компромиссного президентства» (*presidencialismo de compromiso*), то есть когда президент проводит свои решения посредством заключения парламентских соглашений и договоренностей на разных уровнях.

В отличие от Табаре Васкеса, который одержал победу на выборах в первом туре и проявлял сильное влияние и единоличное лидерство в партии и правительстве, Х. Мухика, как представитель фракции должен будет действовать в рамках соблюдения баланса сил, в атмосфере соперничества интересов различных партий, как среди левых, так и в самом правительстве. Именно поэтому есть большая вероятность того, что вторая легислатура Широкого фронта пройдет в сложной обстановке.

До 2008 г. правительство сумело обеспечить стабильность экономики, налоговое равновесие и открытие рынка, что способствовало повышению конкурентоспособности и притоку частных инвестиций, в том числе из-за рубежа. Это было осуществлено во многом благодаря министру финансов Данило Астори. Таким образом, поставленная цель по преодолению бедности путем разработки специальной социальной программы, также ликвидации безработицы и смягчении последствий экономического упадка 1999-2002 гг.

Особое место занимают социальные программы, направленные на улучшение качества жизни широких слоев населения. Одним из направлений которых является улучшение качества образования. Среди наиболее громких инициатив участие Уругвая в программе «Каждому ребенку компьютер/One Laptop Per Child». В результате, 362 тысячи школьников и 18 тысяч учителей³ бесплатно получили портативные компьютеры с подключением к интернету. На этот проект, осуществляемый с 2007 году, правительство Уругвая потратила менее чем 5 % от годового образовательного бюджета, это говорит о масштабах бюджета, заложенного на образование и значении, которое придается развитию человеческих ресурсов в соответствии с новыми мировыми тенденциями.

При президенте Табаре Васкесе было проведено несколько расследований преступлений хунты, которая установила правоавторитарную диктатуру с 1973-1985 гг. В результате чего бывшие президенты Грегорио Альварес и Хуан Мария Бордаберри были приговорены к лишению свободы. По всей видимости, этот курс будет продол-

жен действующий президент Хосе Мухика, так как во время репрессий было убито множество активистов из Тупамарос.

В целом, общей целью реформ здравоохранения, пенсионного обеспечения и других является обеспечение социального равенства всех граждан и повышение уровня жизни в стране, до уровня середины 1990-х годов. А в политической сфере приоритетом остается поддержание согласия в стране, соблюдение демократических традиций и искоренение последствий военного правления 1973-1985 гг.

В условиях глобализации различия между правыми и левыми политическими течениями постепенно стираются. Однако для социал-демократических и для левых движений, в целом, характерно объединение на региональной основе для достижения четко определенных целей. Так, например, в Уругвае пришедшие к власти левые разрабатывают свою стратегию как во внутренней, так и во внешней политике. Например, власти Уругвая взяли курс на сотрудничество с США, так как из-за давления Аргентины и Бразилии механизмы общего рынка не столь выгодны для Уругвая, в то время как США готово допустить Уругвай на свой рынок в качестве небольшого государства.

¹ Уругвай в контексте левого дрейфа: преемственность и перемены / [под ред. В.М. Давыдова]. - М. : ИЛА РАН. - 2010. – С.15.

²Mujica inicia contactos en busca de acuerdos con la oposición en Uruguay // El Nuevo Diario. – 1/12/2009. - (<http://www.elnuevodiario.com.uy/internacionales/63031>)

³ Laptop for every pupil in Uruguay // (<http://news.bbc.co.uk/2/hi/technology/8309583.stm>).

М.В. Курчанов

АВТОРИТАРНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ:

**правая модернизация и
левая стагнация**

На протяжении XX века попытки активного государственного вмешательства в экономику латиноамериканских государств имели место не только в Бразилии, но и в ряде других стран, например – Кубы и Чили. В отличие от Бразилии, где государственное участие в управлении экономикой протекало в рамках правоавторитарных режимов, в Чили и на Кубе инициаторами подобной политики были левоориентированные политические элиты. В результате Бразилия, с одной стороны, и Куба, а также Чили, с другой, достигли диаметрально противоположных результатов. В Бразилии экономические эксперименты армии завершились в 1980-е годы, что связано с началом процессов политического транзита. В Чили усилия левых элит, которые активно вмешивались в экономику, вылились в государственный переворот 1973 года, но и чилийские Вооруженные Силы в начале 1990-х годов были вынуждены уступить власть гражданским элитам. Исключением является Куба, где и в настоящее время существует левоавторитарный политический режим.

Прежде чем непосредственно обратиться к проблемам государственного участия в экономике Чили, следует уделить внимание понятийной стороне проблемы. До начала 1990-х годов в советской латиноамериканистике события 1970 – 1973 годов в Чили интерпретировались как революция¹, которая «развивалась в капиталистической стране, зависимой в экономическом отношении от США и международных монополий», а политический режим воспринимался как отражавший «классовые интересы рабочего класса» и враждебный «интересам помещиков [курсив мой – М.К.], монополий, иностранных компаний»².

Восприятие этих событий как революции в наибольшей степени характерно для ортодоксальной идеологизированной советской историографии. Вероятно, события 1970 – 1973 годов не следует интерпретировать в категориях революции. Начало 1970-х годов в Чили было ознаменовано попытками умеренных и радикальных левых установить авторитарный политический режим, основанный, с одной

стороны, на подчинении политического пространства чилийской версии левой идеологии и, с другой, ликвидации институтов частной собственности и свободного рынка в экономической сфере. Этот эксперимент оказался неудачным, что выразилось в правой реакции – военном перевороте 1973 года, который привел к установлению авторитарного режима, который делал ставку на декоммунизацию политического пространства и сокращение государственного участия в экономике в рамках неолиберальной модели развития.

Попытки активного государственного вмешательства в чилийскую экономику связаны с периодом пребывания у власти левоориентированного блока «Народное единство» во главе с Сальвадором Альенде (1970 – 1973)³. Чилийские левые предприняли попытку принудительного переноса на чилийскую почву советской модели экономического развития, что выразилось в политике национализации, попытках ликвидации института частной собственности, внедрении элементов планового управления экономикой. Левый режим пришел к власти в Чили в результате демократических выборов 1970 года, где основными конкурентами выступили правые, левые и центристские силы. И левые, и правые в рамках политической борьбы активно дискутировали относительно роли государства в управлении экономикой. Левые настаивали на необходимости и полезности активного государственного вмешательства.

Правые также не отрицали необходимость того, что государство должно участвовать в принятии и реализации экономических решений и в управлении экономикой. Но если левые указывали на необходимость того, что именно государство должно стать центральным элементом экономической системы – правые считали необходимым сохранить свободный рынок. Правый кандидат Х. Алессандри предложил программу «Новая республика», положения которой, основанные на идеях примата свободного рынка, социальных гарантий и государственном регулятивном участии, были реализованы после военного переворота 1973 года, но уже в рамках авторитарной политической модели.

Пришедшие в 1970 году к власти в Чили левые политические силы предприняли попытку реализации радикального социалистического, и поэтому – антикапиталистического, проекта. Внутренняя политика «Народного единства» определялась С. Альенде как «чилийский путь к социализму». Политика левых у власти в Чили между 1970 и 1973 годами представляло собой интенсифицированное «развитие вовнутрь», основанное на активном вмешательстве государства в экономику и попытках трансплантации на чилийское экономическое пространство чуждых для свободного рынка плановых моделей развития экономики. На момент прихода к власти в Чили левые силы были в значительной степени фрагментированы. С одной стороны, умеренные левые выступали за постепенное построение со-

циализма путем последовательного вмешательства государства в экономику.

С другой стороны, радикалы настаивали на активном использовании зарубежного, в большей степени – кубинского и в меньшей – советского, опыта радикальных экономических и политических реформ. Умеренные левые полагали, что центральными должны стать экономические реформы, реализация которых позволит провести и политические преобразования. Левые настаивали на необходимости национализации промышленности, предприятий и банков. На раннем этапе правления «Народного единства» национализация выступала как форма проявления чилийского политического и экономического национализма: национализированы были в первую очередь те предприятия, которые не только добывали медь, селитру и железо, но принадлежали иностранным корпорациям.

Национализация в Чили протекала в различных формах. Часть предприятий перешла в государственную собственность путем покупки государством их акций. Другие предприятия были национализированы принудительно. Чилийские левые уделили значительное внимание национализации предприятий медной промышленности: именно медь составляла 70 % чилийского экспорта⁴. Таким образом, «Народное единство» инициировало национализацию значительной части предприятий в металлургической, угольно и медной промышленности. Реализуя подобную политику, левые инициировали изменение Конституции, пересмотрев Статью 10, что не только привело к объявлению государства собственником природных ресурсов, но и открыло путь для национализации предприятий, которые занимались добычей и разработкой полезных ископаемых.

К 1971 году в развитии чилийской экономики наметились новые тенденции. Принципы свободного рынка и рыночной модели вообще были поставлены под сомнение, о чем свидетельствует то, что государство национализировало более 100 крупных промышленных предприятий, поставив кроме этого под прямой государственный контроль 30 % чилийского сельского хозяйства [Богуш, Щелчков, 2009. С. 137]. Национализация значительной части промышленности не принесла чилийской экономике ожидаемых левыми результатов. Национализированные предприятия в Чили не работали столь эффективно, как советские, на опыт которых ориентировались чилийские левые.

В результате к 1973 году долг государственных предприятий составил 330 млн. долларов [Богуш, Щелчков, 2009. С. 142], что было связано с непоследовательностью экономической политики «Народного Единства» – национализированная промышленность могла быть относительно эффективной при полной ликвидации частной собственности и тотальной национализации, на что левые в Чили не решились. В июле 1971 года национализации была подвергнута медная промышленность. В сельском хозяйстве «Народное единство» ограниченно пыталась реализовать советскую модель коллективизации,

что выразилось, с одной стороны, в частичном отторжении частной собственности у бывших владельцев, а, с другой – в создании чилийского аналога советских совхозов – крестьянских кооперативов.

В реализации сельскохозяйственной политики левые оказались крайне непоследовательны: предполагая не отторгать участки размером менее 80 га, радикалы инициировали экспроприацию земли и у тех собственников, которые владели участками менее 40 га. Правительство «Народного единства» рассматривало внешнюю политику Чили как продолжение внутренней. Именно поэтому были активизированы контакты с СССР. Чилийские левые были склонны воспринимать Советский Союз как источник экономической помощи, о чем, например, свидетельствует то, что после визита С. Альенде в Москву чилийская сторона получила советский займ. Используя как и внешние заимствования, так и внутренние доходы, «Народное единство» пошло на проведение ряда популистских мер, реализация которых почти не соотносилась с реальными потенциалами чилийской экономики.

В 1970 году были увеличены зарплаты в государственном секторе на 35 %. С другой стороны, государство вынудило частных предпринимателей увеличить размер заработной платы на 50 % [Богущ, Щелчков, 2009. С. 140]. Используя инерцию от предшествующего периода в 1970 году «Народное единство» смогло добиться роста чилийской экономики – к 1971 году ВВП вырос на 8.6 %, но уже в 1972 году рост ВВП резко сократился, составив 1.2 % [Богущ, Щелчков, 2009. С. 140, 141]. На этом фоне становится очевидной и экономическая неэффективность правительства «Народного единства» и в сфере управления внешним долгом Чили: если в 1970 году долг составлял 2451 млн. долларов, то к 1973 году он возрос до 3203 млн. долларов [Богущ, Щелчков, 2009. С. 141].

Неэффективность левой модели экономического управления выразилась и в росте инфляции: если в первой половине 1972 года инфляция составила 28 %, во второй половине 1972 года – 100 %, то в первой половине 1973 года – 353 % [Богущ, Щелчков, 2009. С. 142]. К 1973 году Чили столкнулся с дефицитом. В рамках борьбы против столь негативных явлений в экономике правительство «Народного единства» предприняло попытку введения фиксированных цен, что вылилось в рост очередей и развитие «черного рынка». Подобная политика привела к началу массовых акций протеста, в частности – женских демонстраций⁵.

В результате к сентябрю 1973 года экономическая и политическая ситуация в Чили в значительной степени обострилась. В экономике доминировали кризисные явления, связанные с непродуманной экономической политикой правительства «Народного единства», которое превратило Чили в арену экономического эксперимента по переносу социалистических методов управления экономикой в общество, которое имело развитые демократические политические традиции и эко-

номический опыт в условиях развития экономики, основанной на принципах свободного рынка.

11 сентября 1973 года в Чили произошел военный переворот, в результате которого к власти пришли не только Вооруженные Силы во главе с генералом А. Пиночетом, но и был положен конец трехлетнему экономическому эксперименту, направленному на ликвидацию свободного рынка и строительство экономики, основанной на доминирующей роли государства. Пришедшие к власти военные и связанные с ними правые получили страну, которая пребывала в состоянии глубокого экономического кризиса. За три года правления левого режима некогда устойчивая чилийская экономика оказалась одной из наиболее депрессивных экономик в Латинской Америке. В качестве одной из своих центральных задач авторитарный режим, установленный в 1973 году, видел выход из экономического кризиса в проведении политики «развития вовне» – либерализации и открытости экономики.

В рамках борьбы с экономическим кризисом новый режим выбрал модель последовательной либерализации экономики: страна была открыта для внешних инвесторов, началась волна денационализации, в экономике вновь начал доминировать частный сектор. Инициатором подобной политики стало государство, которое предпочло направлять и регулировать процесс экономической либерализации, опасаясь излишнего усиления бизнес-сообщества и связанных с ним политических партий. Экономическая стратегия военной хунты в Чили, вызвавшая резкое неприятие со стороны левых⁶, резко порывала с традицией государственного участия более раннего периода.

Политической основой экономических реформ стала неолиберальная парадигма. Программа реформ была разработана т.н. «чикагскими мальчиками» (С. де Кастро, М. Крусат и другие) – группой молодых чилийских экономистов, которые получили образование в США. Практически сразу после переворота сторонники неолиберальной модели экономики сформулировали основные задачи (введение свободных цен; денационализация предприятий национализированных в период правления «Народного единства»; установление реального, а не контролируемого государством, обменного курса; снижение таможенных тарифов; либерализация банковского сектора и т.д.), реализация которых должна была привести к экономической стабилизации.

Экономическая политика авторитарно режима в своем развитии пережила несколько этапов: первый этап следует датировать 1973 – 1974 годами, когда военные только формировали и апробировали новую экономическую модель; второй этап (1974 – 1975) связан с экономическим кризисом, который вынудил режим начать политику «шоковой терапии», третий этап (1975 – 1980) ознаменован экономическим подъемом, который известен как «чилийское экономическое чудо»; четвертый этап (1981 – 1983) протекал в условиях нового эконо-

номического спада; пятый этап (1984 – начало 1990-х годов) стал продолжением «экономического чуда», связанного с использованием неолиберальной модели.

Авторитарный режим предпринял попытку улучшения экономической ситуации путем девальвации эскудо. Это привело к обесцениванию национальной валюты в шесть раз, что вызвало и полную либерализацию цен, инициаторами которой стали сторонники неолиберальной экономической парадигмы. Подобные меры привели к тому, что государственные расходы уменьшились на 27 %, инвестиции – почти на 50 %, бюджетный дефицит снизился с 8.9 до 2.9 % от ВВП [Богущ, Щелчков, 2009. С. 194]. На раннем этапе правления военных политическая ситуация в Чили продолжала ухудшаться, что было связано с негативной динамикой, унаследованной от правительства «Народного единства»: например, в 1974 году инфляция составила 275 %, а в 1975 году власти смогли добиться ее незначительного снижения до 340 % [Богущ, Щелчков, 2009. С. 193].

В рамках борьбы с инфляцией военный режим пошел на значительное сокращение расходов: например, на протяжении 1974 – 1981 годов средняя заработная плата составляла 75 % от уровня 1970 года, резко сократились расходы на образование (21 %), здравоохранение (23 %), строительство (43 %) [Богущ, Щелчков, 2009. С. 195]. Параллельно предпринимались меры, направленные на демонтаж политического и экономического наследия «Народного единства»: началась денационализация предприятий, государство отказалось от активного вмешательства в управление отраслями экономики, был единый НДС, что в некоторой степени уравнило чилийских предпринимателей перед вызовами рынка.

Денационализация чилийской экономики проводилась при участии государства, которое выступило инициатором процессов приватизации, предоставляя субсидии предпринимателям, готовым вкладывать свои средства в подъем ставших нерентабельными государственных предприятий. Экономически противоречивая и неэффективная политика С. Альенде привела к оттоку иностранных вложений в чилийскую экономику. Именно поэтому в рамках авторитарного режима предпринимались шаги, направленные на стимулирование иностранных инвестиций.

В 1974 году правительство Чили принимает «Статус об иностранных инвестициях», который был призван обеспечить приток иностранного капитала. Стремясь привлечь новых инвесторов, правительство снизило таможенные пошлины с 70 до 33 % [Богущ, Щелчков, 2009. С. 194]. В 1976 году иностранные инвестиции составили 207, в 1978 – 258, 1980 – 294, 1982 – 360, 1984 – 138, 1986 – 480, 1987 – 1242, 1988 – 2000 млн. долларов⁷. Подобные меры привели к некоторому оздоровлению экономики: к 1981 году инфляция снизилась до 9.5 %. В 1976 году начался рост производства, который составил 3.2 %. В последующие годы темпы роста были более высоки: 1977 – 8.3

%, 1978 – 7.7 %, 1979 – 7.1 %, 1980 – 7.7 % [Богущ, Щелчков, 2009. С. 195], но в 1982 году страна столкнулась с кризисом, что привело к падению ВВП на 14.4 % и инфляции, составившей 20 %.

Это привело к вынужденному вмешательству государства в управление экономикой: например, оно пошло не только на участие в управлении 13 из 19 коммерческих банков, но и на создание около 500 тысяч новых рабочих мест [Богущ, Щелчков, 2009. С. 197], что почти не соотносилось с неолиберальной моделью. Подобные мероприятия правительства привели к очередной волне экономического роста. В 1985 году рост ВВП составил 5.6 %, 1987 – 6.6 %, 1988 – 7.3 %, 1989 – 10.2 % [Богущ, Щелчков, 2009. С. 198].

В результате к моменту передачи власти гражданскому правительству в начале 1990-х годов экономика Чили принадлежала к группе наиболее динамично развивающихся на макроэкономическом уровне экономик Латинской Америки.

Авторитарный политический режим был установлен на Кубе в 1959 году в результате военного переворота, совершенного группой левых радикальных кубинских националистов. В отличие от Чили Куба продолжает существовать в условиях левоавторитарной диктатуры. С целью легитимации захвата власти в официальной кубинской политической традиции переворот был провозглашен революцией⁸. На современном этапе Куба является единственным государством в Латинской Америке, где функционирует политический режим, установленный военным насильственным путем. Другие режимы, установленные подобным образом в Южной Америке к настоящему времени уступили место демократическим политическим режимам, что стало результатом эрозии и размывания авторитарного режима. Политический режим, установленный на Кубе в 1959 году, сочетает в себе элементы как радикального левоориентированного латиноамериканского национализма и революционаризма, так и попытки применения авторитарной модели экономического развития, заимствованной кубинскими левыми радикалами у Советского Союза.

Экономическая политика Кубы после 1959 года основывалась на активном вмешательстве государства в экономику⁹, были созданы специализированные учреждения (Национальный институт аграрной реформы, Министерство промышленности), призванные управлять государственным вмешательством. Установление левого режима привело к изоляции Кубы, разрыву ее связей с США, что негативно сказалось на развитии кубинской экономики. Если до 1959 года 10 % всех американских вложений в Западной полушарии приходилось на Кубу¹⁰, то после 1959 года США перевели свои инвестиции в другие южноамериканские государства.

Внешняя политика левоавторитарного режима на Кубе привела к разрыву экономических связей с США, которые были основным (до 70 %) потребителем кубинского экспорта [Куба, 1984. С. 15]. С другой стороны, политические элиты Кубы, руководствуясь в большей степе-

ни идеологическими соображениями, постепенно сокращали объемы торговли с капиталистическими государствами: например, в 1980 году уровень торговли с западными странами составлял 40.5 % от уровня 1975 года. Правящие элиты стали инициаторами переориентации внешней торговли на социалистические государства: к 1982 году 60 % товарооборота Кубы приходилось на СССР [Куба, 1984. С. 47, 57].

Экономическая политика Кубы определялась не только политическими элитами в Гаване, но и их зарубежными кураторами, которые способствовали проведению на Кубе экономического эксперимента по использованию социалистических методов управления экономикой в государстве, которое относительно недавно сменило один политический строй на другой. Государство стало играть роль основного форматора новой экономической системы. Благодаря активному вмешательству политических элит Куба достигла некоторых позитивных макроэкономических показателей. Например, в 1962 году рост совокупного общественного продукта составил 31 %, а безработица сократилась на 50 %¹¹.

Советские исследователи полагали, что в первой половине 1960-х годов рост промышленной продукции составлял более 40 %¹². Подобные результаты достигались за счет активного государственного вмешательства в экономику: например, в 1962 году был принят закон о национализации, который не только почти ликвидировал свободный рынок, но и привел к тому, что к 1963 году государство стало собственником 98 % [Куба, 1984. С. 26] или три тысячи промышленных предприятий¹³. Большинство этих предприятий, 43 % [Куба, 1968. С. 228], управлялись Министерством промышленности. В 1965 году было упразднено Министерство финансов, что привело к 1967 году к ликвидации системы денежных расчетов между предприятиями¹⁴.

Подобные меры кубинского правительства свидетельствовали о значительном радикализме левых правящих элит, которые стремились упрочить свое положение путем радикального отказа от системы экономических отношений, унаследованных от старого режима. В первой половине 1960-х годов роль государства резко возросла, о чем свидетельствует стоимость основных фондов в государственном секторе экономики: в промышленности они составили 84 %, в розничной торговле – 50 %, в оптовой торговле – 100 % [Куба, 1984. С. 41]. На протяжении 1960 – 1980-х годов кубинская централизованно управляемая экономика демонстрировала стабильные темпы роста ВВП, которые составляли около 4.6. % в год [Ларин, 2007. С. 155]; рост совокупного общественного продукта составлял 8.8 % [Куба, 1984. С. 45].

Подобные перемены носили макроэкономический характер – ситуация на микроэкономическом уровне развивалась крайне сложно. Пойдя на ограничение рынка и активно вмешиваясь в экономику, жестко контролируя внешние экономические связи Куба оказалась в состоянии экономической блокады, которая почти не затронула политические элиты, отразившись в большей степени на кубинских гражда-

нах. В стране была введена карточная система. Это было вызвано не реальными изменениями в экономике, но активном вмешательством государства, свертыванием рыночных институтов, активным использованием плановых и директивных методов, использованием принудительного труда, инициатором чего стали левые политические элиты, которые взяли курс на трансформацию Кубы в социалистическое государство, что было отражено в Конституции 1976 года.

В 1980-е годы, в условиях политического и экономического кризиса в СССР, советское руководство пошло на значительное сокращение помощи Кубе. Распад СССР привел к тому, что кубинские политические элиты были вынуждены пересмотреть свою экономическую политику, хотя тенденции к этому возникли в 1980-е годы. Например, в 1982 году кубинским предприятиям было разрешено сотрудничать с капиталистическими государствами. Анализируя эту проблему, во внимание следует принимать и то, что Куба экономически зависела от СССР: американское политическое и экономическое доминирование 1950-х годов полностью сменилось советским. К 1980 году кубинская экономика в поставках нефти и авиатехники зависела от Советского Союза на 100 %, промышленном оборудовании – 82 %, удобрений – 80 %, автотранспорта – 80 % [Куба, 1984. С. 57].

В 1990-е годы в условиях прекращения потока помощи из Восточной Европы, левые элиты Кубы в 1995 году приняли закон «Об иностранных инвестициях». В результате некоторых изменений в экономической политике, инициатором которых было государство, с 1995 по 2004 год объем иностранных инвестиций в кубинскую экономику составил около 6 млрд. долларов [Ларин, 2007. С. 159]. На протяжении 2000-х годов позитивные тенденции имели место исключительно на макроуровне. Микроуровень кубинской экономики продолжал пребывать в кризисном состоянии, о чем, например, свидетельствует жесткая регламентация потребления.

В частности, в середине 2000-х годов Куба принадлежала к числу наиболее бедных стран¹⁵, о чем свидетельствовала не только нелегальная иммиграция в США, преследуемая кубинскими властями, наличие политических заключенных, но и существование карточной системы: кубинский гражданин имел право на покупку по карточкам 80 грамм хлеба ежедневно, 6 фунтов риса, 0.5 фунта масла, 12 яиц, 6 фунтов сахара, 30 унций фасоли, до 15 фунтов овощей, 2 фунта рыбы, 1 фунта кур, 1 литр молока, 8 литров соевого кефира, 3 пачек слабых сигарет, 1 пачки крепких сигарет, 1 коробки спичек, 6 унций кофе, 1 кг муки, 1 кусок туалетного мыла, 1 кусок стирального мыла ежемесячно. Кубинцы имели право покупать мясо по карточкам не более трех раз в месяц и не более 0.5 фунта [Ларин, 2007. С. 177 – 178].

Политическое будущее современного кубинского режима представляется неопределенным. За годы существования авторитаризма правящие элиты предприняли решительные попытки унификации политического пространства, что обрело форму политических репрессий

и преследований диссидентов как наиболее активных противников режима. В этих условиях кубинские левые достигли впечатляющих успехов в деле не только ликвидации элементов гражданского общества, которые существовали на Кубе, но и в маргинализации Кубы в Латинской Америке. Место Кубы в современном мире, безусловно, маргинально.

В стране функционирует закрытый политический режим авторитарного типа, значительную роль в воспроизводстве и функционировании которого играют родственные связи. В этом отношении политический режим Кубы почти не отличается от правоавторитарных режимов, с которыми его роднит неприятия демократии, политического несогласия и сопротивления. В отличие от кубинского режима, правые режимы не только ликвидировали политическую оппозицию, но и сохраняли институты свободного рынка, что обеспечивало экономический бэк-граунд авторитаризма.

Кубинский режим пошел на радикальную реструктуризацию экономического пространства, что создало условия для неформальной институционализации его экономической зависимости от СССР. Распад Советского Союза лишил кубинский авторитаризм значительной части экономических ресурсов, что привело к началу эрозии левоавторитарного режима Ф. Кастро, который был вынужден передать власть Р. Кастро. На современном этапе политический режим Р. Кастро продолжает оставаться относительно стабильным, что не позволяет исключать возможности дальнейшей трансформации режима.

Вместе с тем, во внимание следует принимать и следующую закономерность, связанную с кризисом и распадом авторитаризма: чем дольше существовал авторитарный режим – тем болезненнее и тяжелее транзитное общество переживает процесс политической демократизации и экономической трансформации. Нельзя исключать, что подобные процессы начнутся и на Кубе, но, принимая во внимание значительный опыт левых элит по контролю и подавлению политического пространства, вопросы о сроках и продолжительности кубинского транзита продолжают оставаться открытыми.

¹ О восприятии событий 1970 – 1973 годов в как революции см.: Вольский В.В. Пути перехода к социализму / В.В. Вольский // Латинская Америка. – 1972. – № 2. – С. 66 – 71; Вольский В.В. Проблемы мирного пути к социализму / В.В. Вольский // Латинская Америка. – 1974. – № 5. – С. 41 – 60; Королев Ю.Н. Чили: революция и контрреволюция / Ю.Н. Королев. – М., 1976; Королев Ю.Н. Чилийская революция. Проблемы и дискуссии / Ю.Н. Королев. – М., 1982; Косарев Е.А. Экономика и мирный путь революции / Е.А. Косарев // Латинская Америка. – 1974. – № 5. – С. 92 – 111; Кудачкин М.Ф. Некоторые уроки революции / М.Ф. Кудачкин // Латинская Америка. – 1972. – № 2. – С. 59 – 66; Кудачкин М., Борисов А., Ткаченко В. Чилийская революция: опыт и значение / М. Кудачкин, А. Борисов, В. Ткаченко. – М., 1977; Тейтельбойм В. Об анализе чилийского процесса / В. Тейтельбойм // Латинская Америка. – 1972. – № 2. – С. 48 – 59; 1000 дней революции. Руководители КПЧ об уроках событий в Чили / под общ. ред. К.И. Зародова. – Прага, 1978; Уроки Чили / ред. М.Ф. Кудачкин, А.А. Куценков. – М., 1977.

² Королев Ю.Н. Опыт и уроки народной власти / Ю.Н. Королев // Чили: от диктатуры к демократии / отв. ред. В.В. Вольский. – М., 1991. – С. 7, 10.

-
- ³ О политических и экономических взглядах Сальвадора Альенде см.: Альенде С. История принадлежит нам. Речи и статьи / С. Альенде. – М., 1974.
- ⁴ Настоящие данные приводятся по изданию: Богуш Е.Ю., Щелчков А.А. Политическая история Чили XX века / Е.Ю. Богуш, А.А. Щелчков. – М., 2009. – С. 137. Далее ссылки на настоящее издание приводятся в тексте – [Богуш, Щелчков, 2009].
- ⁵ В исследовательской литературе существует несколько точек зрения относительно экономического кризиса в Чили. Левая концепция представлена в исследованиях советского периода, а также в некоторых современных работах. См.: Кармен А. Мифотворчество невежд. Сказки дедушки Пиночо и его российских последователей / А. Кармен // Латинская Америка. – 2007. – № 1. – С. 15 – 22.
- ⁶ См.: Мягков Г.В. К чему привели монетаристские «рецепты» / Г.В. Мягков // Латинская Америка. – 1984. – № 9. – С. 18 – 27; Фасио У. Год разрушения / У. Фасио // Латинская Америка. – 1972. – № 2. – С. 77 – 88. Результаты неолиберальных реформ А. Пиночета оспариваются и некоторыми современными авторами. См.: Кангас С. Чикагские мальчики и чилийское экономическое чудо / С. Кангас // http://scepsis.ru/library/id_557.html; Летельер О. «Чикагские мальчики» в Чили: ужасная плата за «экономическую свободу» / О. Летельер // http://scepsis.ru/library/id_2387.html; Таккер Т. Борьба за Чили или Как неолиберальные политики фальсифицируют экономическую историю Чили / Т. Таккер // http://scepsis.ru/library/id_2325.html
- ⁷ Никитин М.С. Модель «чикагской школы»: мифы и реальность / М.С. Никитин // Чили: от диктатуры к демократии / отв. ред. В.В. Вольский. – М., 1991. – С. 12.
- ⁸ О восприятии событий 1959 года как революции см.: Гриневич Э.А. Куба: путь к победе революции / Э.А. Гриневич. – М., 1975; Дарусенков О., Горбачев Б., Ткаченко В. Куба – остров созидания / О. Дарусенков, Б. Горбачев, В. Ткаченко. – М., 1975; Рафа Н.К. Крестьянство в кубинской революции / Н.К. Рафа. – М., 1974; Талия Ф. Социалистическая революция на Кубе / Ф. Талия. – М., 1987.
- ⁹ О теоретических основаниях государственного управления кубинской экономикой см.: Экономические исследования на Кубе // Всемирная история экономической мысли / ред. В.В. Радаев. – М., 1997. – Т.6. – Ч. 2 (Экономическая мысль социалистических и развивающихся стран в послевоенный период. 40-е – первая половина 90-х годов) – С. 54 – 63.
- ¹⁰ Куба: четверть века по пути социалистического созидания / ред. В.В. Пашук, А. Мендес Круус. – Киев, 1984. – С. 13. Далее ссылки на настоящее издание приводятся в тексте – [Куба, 1984].
- ¹¹ Ларин Е.А. Политическая история Кубы XX века / Е.А. Ларин. – М., 2007. – С. 152. Далее ссылки на настоящее издание приводятся в тексте – [Ларин, 2007].
- ¹² Шейнин Э.Я. Курс Компартии Кубы на совершенствование управления экономикой / Э.Я. Шейнин // Латинская Америка. – 1976. – № 3. – С. 39.
- ¹³ Куба. 10 лет революции / ред. В.В. Вольский. – М., 1968. – С. 227. Далее ссылки на настоящее издание приводятся в тексте – [Куба, 1968].
- ¹⁴ См.: Куба: опыт общественного развития / отв. ред. Я.Б. Шмераль. – М., 1979. – С. 71.
- ¹⁵ О феномене бедности см.: Шульц Т. Экономика пребывания в бедности / Т. Шульц // Мировая экономическая мысль сквозь призму веков. – М., 2004. – Т. 5. Всемирное признание. Лекции нобелевских лауреатов по экономике. Кн. 1. – С. 358 – 372.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА И МИР

Иммануил Валлерстайн

США И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС БРАЗИЛИИ*

Приблизительно около 1970 года к Соединённым Штатам впервые пришло понимание того, что их положению мирового гегемона угрожают Западная Европа и Япония, быстро набирающие экономическую (и, следовательно, геополитическую) силу. Осознав это, США изменили занимаемую ими до этого позицию, приступив к поискам тех мер, которые не позволили бы Западной Европе и Японии стать чрезмерно независимыми игроками на мировой арене.

Соединённые Штаты не на словах, а на деле продемонстрировали свою новую линию поведения, смысл которой можно выразить так: «До сих пор мы обращались с вами, как со своими подчинёнными, требовали, чтобы во всех международных делах вы следовали за нами, не задавая лишних вопросов. Теперь вы стали сильнее. Поэтому мы приглашаем вас стать нашими младшими партнёрами, и вам будет разрешено участвовать в совместном принятии решений, но только при условии, что вы не сойдёте с правильного пути, и ваша самостоятельность не заведёт вас слишком далеко». Этот новый политический курс США воплотился в многообразных формах, при этом особо можно выделить создание Большой семёрки, Трёхсторонней комиссии и Всемирного экономического форума в Давосе, которые выступают в качестве арены для проведения «дружеских» встреч представителей мировой политической элиты.

Главная цель США состояла в том, чтобы замедлить падение своего геополитического могущества. Эта новая политическая линия приносила результаты, возможно, на протяжении лет двадцати, но два последовавшие друг за другом события окончательно сломили её. Первым потрясением стал распад Советского Союза в 1989-1991 годах. В результате Соединённые Штаты лишились своего главного аргумента, с помощью которого они убеждали своих «партнёров» в том, что им не следует проявлять излишнюю «самостоятельность» в дейст-

* Wallerstein I. The United States Misreads Brazil's World Policy / I. Wallerstein // <http://www.iwallerstein.com/the-united-states-misreads-brazils-world-policy/> Публикуется с разрешения <http://www.iwallerstein.com/> Перевод с английского И.О. Сухомлинова.

виях на международной арене. Второй удар нанесла претворённая в жизнь режимом Буша односторонняя политика грубого милитаризма, которая не принесла ничего, кроме саморазрушения. Вместо того чтобы возродить господство США, она привела к сокрушительному провалу, когда в 2003 году Соединённые Штаты не смогли добиться от Совета Безопасности ООН поддержки осуществлению вторжения в Ирак. Неоконсерватор Буш своими политическими действиями достиг абсолютно противоположных результатов, превратив прежде постепенное падение геополитической мощи США в стремительный процесс. Сегодня практически ни у кого не возникает сомнений, что Соединённые Штаты утратили своё былое влияние.

Могло показаться, что ошибки, допущенные режимом Буша, чему-нибудь и научили США, но, по-видимому, это не так, и Соединённые Штаты снова пытаются разыграть тот же самый сценарий, теперь уже с Бразилией в главных ролях. Не понадобится и двадцати лет, чтобы разгадать эту попытку.

Обама уже предпринял ключевой геополитический шаг в данном направлении. Его действия заключались в том, чтобы придать практике проведения саммитов Большой восьмёрки новый формат встреч в рамках Большой двадцатки. Принципиальную роль при этом играло привлечение к участию во встрече группы государств, занимающих важные позиции на мировой арене. Это так называемые страны БРИК или, по-другому, «развивающиеся» страны. Аббревиатура БРИК используется для обозначения группы государств, в которую входят Бразилия, Россия (уже являющаяся членом Большой восьмёрки), Индия и Китай.

Ключевым предложением, с которым Соединённые Штаты вступают в адрес Бразилии, является предложение о «партнёрстве». Подобные намерения Вашингтона становятся ещё более понятными, если ознакомиться с содержанием доклада, получившего название «Отношения США и Латинской Америки: новое направление для новой действительности», который был недавно представлен Рабочей группой Совета по международным отношениям (СМО). СМО выражает мнение представителей правящей элиты, придерживающихся центристских взглядов. Вполне вероятно, что данный доклад отражает действительную позицию Белого Дома.

В этом докладе есть две фразы, которые отражают суть политического курса США в отношении Бразилии. В первой из них говорится: «Рабочая группа придерживается мнения, что углубление стратегических взаимоотношений с Бразилией и Мексикой, а также пересмотр дипломатических усилий в направлении нормализации связей с Венесуэлой и Кубой, не только позволят установить более плодотворное взаимодействие с этими государствами, но также будут способствовать положительным изменениям отношений между США и Латинской Америкой в целом».

Второе предложение касается непосредственно Бразилии: «Рабочая группа рекомендует Соединённым Штатам, используя опыт установившегося в настоящее время сотрудничества с Бразилией в области производства этанола, развивать более последовательный, согласованный курс на углубление партнёрства с этим государством, которое бы затрагивало широкий спектр проблем двусторонних, региональных и международных отношений».

Этот доклад был опубликован в 2009 году. В декабре этого же года СМО совместно с бразильским Фондом Жетулиу Варгаса, занимающего изучением проблем экономического и политического развития, организовал семинар, на котором рассматривались вопросы о положении «повышающей своё влияние на мировой арене Бразилии». Совершенно случайно время проведения этого мероприятия совпало с двумя другими важными событиями – углублением политического кризиса в Гондурасе и визитом Президента Ирана М. Ахмадинежада в Бразилию. В ходе проведения семинара было очевидно, что участники от американской делегации расходятся во взглядах со своими бразильскими коллегами. Американцы придерживались мнения, что Бразилия должна поступать так, как того требует статус региональной державы или, иными словами, положение державы субимперского уровня. Участники с американской стороны не понимали того неодобрения, которое Бразилия высказывает в отношении военных и экономических связей, существующих между Колумбией и США. Они также полагали, что Бразилии следует взять на себя ряд обязательств по поддержанию «мирового порядка». Такая позиция предполагает, что бразильская сторона должна присоединиться к политике Вашингтона, направленной на оказание давления на Иран по вопросу его ядерной программы, в то время как сами бразильцы считают, что предпринимаемые Соединёнными Штатами действия в отношении иранской проблемы «скрывают их истинные намерения». Наконец, американские специалисты высказывали точку зрения, что Венесуэла, где власть сегодня находится в руках У. Чавеса, является «далеко не демократической» страной, тогда как их бразильские коллеги озвучили позицию, совпадающую с характеристикой, данной этой стране Президентом Лулой да Силвой, который говорил о Венесуэле как о стране, где «демократия преобладает во всём».

В январе 2010 года в газете «Майами Геральд» была опубликована статья, автором которой является Сюзан Пёрселл, американский аналитик, придерживающийся консервативных взглядов. Она выступила с критикой в адрес политического курса США в отношении Бразилии – курса, в котором, по её словам, «желаемое выдаётся за действительное». Вероятно, она права. С её точки зрения, «перед Вашингтоном, возможно, возникла необходимость пересмотреть свои предположения относительно степени нашей уверенности в том, что Бразилия будет решать политические проблемы и проблемы в сфере

безопасности, возникающие в Латинской Америке, в направлении, которое совпадает с интересами США».

Также в январе Секретарь по вопросам международных отношений в Партии трудящихся, почётным председателем которой является Президент Лула да Силва, Вальтер Помар заявил, что стремление США утвердить практику проведения встреч Большой двадцатки представляет собой «попытку поглотить и поставить под собственный контроль альтернативные центры силы, ...попытку держать мировую многополярную систему под своим руководством». Он также высказал твёрдую позицию, что, Бразилия, оказавшись перед сложнейшим выбором, отстаивать ли ей мировые капиталистические интересы как субимперской державе или защищать «интересы народной демократии», выберет последнее.

В начале 1970-х гг. Соединённые Штаты, учитывая растущую мощь Западной Европы и Японии, предложили им повысить свой статус до уровня младших партнёров. В 2003 году Франция и Германия предпочли продолжить свой путь к самостоятельности на мировой арене. Сегодня Япония, где в 2009 году прошли всеобщие парламентские выборы, а в 2010 году – губернаторские выборы на Окинаве, по-видимому, также избрала путь к независимости в международных делах. Бразилия, растущему влиянию которой стали уделять внимание лишь недавно, получила предложение стать младшим партнёром США только в 2009 году, но, как кажется, она уже сейчас готова отстаивать своё право на самостоятельность.

РОССИЯ И ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА:

НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ СОТРУДНИЧЕСТВА

После развала СССР по объективным причинам экономического и политического характера РФ утратила свои некогда прочные позиции в Латинской Америке. Это было связано в первую очередь с тем, что нашей стране, находившейся на грани социально-экономического коллапса было просто нечего предложить латиноамериканским государствам. Кроме того, курс который проводила во внешней политике команда министра иностранных дел Андрея Козырева, был направлен, прежде всего, на выстраивание отношений с Соединенными Штатами и странами Западной Европы, в ущерб отношениям с нашими старыми партнерами. Такой исключительно «прозападный» вектор внешней политики РФ в начале 90-х годов и способствовал тому, что связи с развивающимися странами Азии, Африки и Латинской Америки были практически разорваны. Ситуация изменилась с приходом на должность министра иностранных дел РФ Е.М. Примакова, который стал проводить более сбалансированный и прагматичный внешнеполитический курс. Одним из важных элементов этого курса стало восстановление утраченных позиций в странах «третьего мира», где все более крепкие позиции приобретал усиливающийся экономически и политически Китай. Особый импульс этой политике придало появление новой концепции внешней политики РФ, в которой было записано, что она носит многовекторный характер.

Среди развивающихся стран, с которыми РФ начала заново выстраивать партнерские отношения важную роль играют и государства Латинской Америки. На сегодняшний день РФ поддерживает дипотношения со всеми 33 государствами Латинской Америки и Карибского бассейна. В 2002-2004 гг. восстановлены отношения с Гренадой, установлены - с Сент-Винсентом и Гренадинами, Сент-Кристофером и Невисом, Багамскими островами, Сент-Люсией. Проводится линия на укрепление дружественных связей с государствами региона, наращивание взаимодействия на мировой арене, развитие торгово-экономического, инвестиционного, научно-технического и культурного сотрудничества. Особое значение для начала восстановления позиций России в регионе имел официальный визит Президента России В.В.Путина на Кубу в 2000г. - первый на высшем уровне в Латинскую Америку - и в Мексику (2004г). Продвижению сотрудничества с ведущими партнерами в регионе способствовали официальные визиты в

Россию президента Венесуэлы У.Чавеса (2001г.), Чили - Р.Лагоса (2002г.), Бразилии- Ф.Э.Кардозо (2002г.).

В ходе Саммита тысячелетия (2000г.), форумов АТЭС в Брунее (2000г.), Шанхае (2001г.) и Бангкоке (2003г.) В.В.Путин встречался с президентами Мексики, Венесуэлы, Перу, Чили. В рамках «расширенного диалога» лидеров «восьмерки» с приглашенными на саммит в Эвиане (Франция, 2003г.) главами влиятельных развивающихся государств прошли встречи Президента России с президентами Бразилии и Мексики. В.В.Путин встретился с Президентом Бразилии Л.Лулой в Нью-Йорке в ходе 58-й сессии ГА ООН (2003г.). С визитами в России побывали министры иностранных дел большинства латиноамериканских стран. Стали регулярно проводится встречи министров в ходе сессий ГА ООН, в рамках форума АТЭС.

В 2002 - 2003 гг. состоялся обмен визитами председателей верхних палат парламентов России и Мексики, российские парламентские делегации посетили Аргентину, Бразилию, Колумбию, Панаму, Перу, Эквадор, в России побывали делегации парламентов Венесуэлы, Гватемалы, Коста-Рики, Чили, Эквадора. На рынках Латинской Америки появились представители крупного российского бизнеса. Российские компании начали успешно действовать в сфере поставок оборудования для ГЭС в Аргентине, Бразилии, Мексике, Колумбии, приняли участие в разработке нефтяных месторождений в Колумбии, заработали совместные предприятия по сборке автомобилей в Венесуэле, Колумбии, Уругвае, Эквадоре. Осуществляется сотрудничество в области мирного использования космоса, ядерной энергии с Аргентиной, Бразилией, Мексикой. Развитию торгово-экономических отношений содействуют межправительственные комиссии по торгово-экономическому и научно-техническому сотрудничеству с Бразилией, Аргентиной, Мексикой, Венесуэлой, Колумбией, а также Национальный комитет содействия экономическому сотрудничеству со странами Латинской Америки (НК СЭСЛА). Налаживанию прямых связей между деловыми кругами способствовали проведенные в нашей стране деловой форум «Россия - Латинская Америка» (2001г.), круглый стол «Россия - страны Андского сообщества: перспективы развития торгово-экономического сотрудничества» (2002г.), форумы "Санкт-Петербург - Иberoамерика" (2002-2003гг.).

Расширяются гуманитарные и культурные связи. В 2000-2001 гг. и в 2003г. в Москве проведены три Фестиваля ибероамериканской культуры. В 2003г. создано Общество дружбы, научного, культурного и делового сотрудничества Россия-Мексика¹. Во второй половине 2000-х контакты между Россией и странами Латинской Америки еще более активизировались. Особо близкие отношения у президентов В.Путина и Д.Медведева сложились с венесуэльским лидером Уго Чавесом. В 2008 году он дважды приезжал в Москву в июле и сентябре. В ноябре того же года президент России Д.А.Медведев принял уча-

стие в форуме АТЭС в Лиме, а также провел двусторонние визиты в Перу, Бразилию, Венесуэлу и на Кубу.

После завершения форума АТЭС начался официальный визит президента РФ Дмитрий Медведева в Перу. В рамках визита состоялись переговоры Медведева с президентом Перу Аланом Гарсией. По результатам этих переговоров был подписан пакет документов. Он включает в себя как политическое заявление лидеров, так и соглашения о сотрудничестве по конкретным областям. Среди них – соглашения о сотрудничестве в борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и злоупотреблением ими, протокол о сотрудничестве между Центральной избирательной комиссией РФ и Национальным избирательным судом Перу, соглашения о научном, технологическом и инновационном сотрудничестве между Российской академией наук и Национальным советом Перу по науке, технологиям и технологическим инновациям, ряд документов в коммерческой сфере. Состоялся обмен грамотами о ратификации Договора о партнерских отношениях между Россией и Перу².

24 – 26 ноября президент России Дмитрий Медведев совершил первый официальный визит в Бразилию. Официальная программа визита Дмитрия Медведева началась с возложения венка к Национальному монументу павшим во Второй мировой войне. Бразилия – единственное государство Латинской Америки, пославшее своих солдат в Европу на борьбу с фашизмом. Южноамериканская страна вступила в войну после того, как у ее берегов немецко-фашистский флот потопил более 30 бразильских судов, в основном торговых. Всего во Второй мировой войне в составе экспедиционных сил в Италии приняли участие 25 тыс. 334 бразильца. В боях погибли около 800 бразильцев. Их имена высечены на плитах Пантеона павших. Дмитрий Медведев посетил штаб-квартиру крупнейшей государственной нефтегазовой компании Бразилии "Петробраз" в Рио-де-Жанейро, ознакомился с национальной программой производства биотоплива.

На встрече с представителями российских и бразильских деловых кругов президент РФ сообщил, что «Россия и Бразилия – значимые партнеры, Бразилия занимает первое место по товарообороту в Латинской Америке». «В 2007 году товарооборот составил 5 млрд долларов. Думаю, в ближайшие годы мы сможем достичь 10 млрд долларов», – сказал Дмитрий Медведев³.

Климат в российско-бразильских экономических отношениях он назвал «очень теплым», а потенциал для развития контактов «просто огромным». «От наших стран сегодня многое зависит, и наше взаимодействие имеет серьезное значение для всего мира», – заявил президент РФ. «Россия готова сотрудничать с Бразилией... Несмотря на то, что структура товарооборота сейчас не вполне оптимальна, по нашему мнению, ее можно оптимизировать», – заявил он. Медведев считает, что во взаимном торговом обороте должны больше присутствовать высокотехнологичные сферы и энергетические проекты. «В энергетиче-

ке у нас результатов немного, но есть огромный потенциал. В частности, это касается освоения новых месторождений как в России, так и в Бразилии... Экономике наших стран растут очень быстро и динамично, мы входим в БРИК, мы будем взаимодействовать», – заявил глава российского государства⁴. По итогам переговоров президенты подписали совместное заявление. Главы государств констатировали совпадение позиций России и Бразилии в пользу формирования более демократической международной системы, в полной мере учитывающей законные интересы новых центров экономического и политического влияния.

Завершив визит в Бразилию, президент Д.Медведев прибыл 26 ноября 2008 в Венесуэлу. Это был первый визит главы российского государства в эту страну за более чем 150-летнюю историю межгосударственных отношений. У дворца «Мирафлорес» в историческом центре Каракаса президента России приветствовал президент Венесуэлы Уго Чавес. После официальной церемонии встречи президента РФ во дворце состоялись двухсторонние переговоры. По итогам переговоров в присутствии президентов двух стран в зале «Аякучо» дворца «Мирафлорес» были подписаны семь двухсторонних документов – межправительственные соглашения о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях, сотрудничестве в сфере энергетики, воздушном сообщении, безвизовых поездках граждан двух стран, меморандум о взаимопонимании между ОАО «Объединённая судостроительная корпорация» и государственной нефтяной компанией «Петролеос де Венесуэла Наваль», соглашение между ОАО «Газпром» и государственной нефтегазовой корпорацией «Петролеос де Венесуэла» /ПДВСА/ о совместном изучении блока Аякучо-3 на нефтеносном поясе Ориноко, соглашение о сотрудничестве в области конкурентной политики между Федеральной антимонопольной службой РФ и министерством лёгкой промышленности и торговли Венесуэлы. Также было подписано рамочное соглашение о сотрудничестве в области использования атомной энергии в мирных целях, которое предусматривает помощь Венесуэле в развитии правовой базы, подготовке кадров, совместное участие в разработке урановых месторождений. Кроме того, две страны будут сотрудничать в разведке месторождений урановой руды, а также в разработке проектов и строительстве атомных электростанций.

Важной составляющей российско-венесуэльских отношений является военно-техническое и военное сотрудничество, которое осуществляется в строгом соответствии с нормами международного права, отметил президент России. Главы государств подчеркнули, что сотрудничество в этой сфере «не направлено против других стран». «Присутствие российского флота /в Карибском море/ несет не такое послание, которое нес американский флот 100 лет назад, а послание мира и дружбы»⁵, – отметил Чавес, говоря о совместных маневрах от-

ряда кораблей Северного флота ВМФ РФ во главе с тяжелым атомным ракетным крейсером «Петр Великий» и венесуэльских ВМС.

«Итоги наших переговоров я оцениваю очень высоко. Я убежден, что нынешний визит придаст новый импульс нашему взаимовыгодному сотрудничеству и, по сути, становлению партнёрских отношений между РФ и Боливарианской Республикой Венесуэла. Мы сегодня провели переговоры по всем основным направлениям и перспективам делового сотрудничества. По итогам прошлого года Венесуэла стала одним из наших ключевых партнёров в Латинской Америке, и мы очень рады, что темпы развития становятся всё более высокими, наш товарооборот уже превысил миллиард долларов. Я надеюсь, что по итогам этого года мы получим ещё более высокие показатели»⁶, – заявил президент России.

По окончании переговоров главы России и Венесуэлы отправились на ужин с президентами стран-участниц Боливарианской альтернативы для Америк /АЛБА/. Этот политико-экономический интеграционный блок был учрежден в конце 2004 года Кубой и Венесуэлой в противовес инициативе США, направленной на создание Зоны свободной торговли для Америк. 26 ноября по предложению Уго Чавеса в Каракасе состоялся внеочередной саммит АЛБА, в которую входят Боливия, Венесуэла, Гондурас, Доминика, Куба и Никарагуа. Таким образом, Дмитрий Медведев смог в неформальной обстановке встретиться с президентами Эво Моралесом /Боливия/ и Мануэлем Селайя /Гондурас/, премьер-министром Рузвельтом Скерритом /Содружество Доминики/, заместителем председателя Совета министров Кубы Рикардо Кабрисасом и приглашенным на саммит АЛБА президентом Эквадора Рафаэлем Корреа. На саммите в этот день было принято решение о создании единого экономического и валютного пространства, формировании системы взаиморасчетов с введением общей расчетной единицы, а в дальнейшем и общей денежной единицы. Дмитрий Медведев не исключил возможности участия России в деятельности этого регионального интеграционного объединения в качестве ассоциированного члена или наблюдателя. Визит президента РФ в Венесуэлу завершился 27 ноября 2008 года.

Последним пунктом турне Дмитрия Медведева по странам Латинской Америки стала кубинская столица Гавана. Визит президента России Дмитрия Медведева на Кубу подтвердил стремление двух стран к дальнейшему развитию сотрудничества. Высокую оценку результатам визита на Кубу дал и сам Дмитрий Медведев. В свою очередь, председатель Госсовета и Совета министров Кубы Рауль Кастро также оценил результаты визита и состоявшиеся переговоры как очень важные для развития двусторонних отношений. В рамках визита на Кубу Дмитрий Медведев встретился также с бывшим лидером кубинского государства Фиделем Кастро, с которым общался более часа, обсуждая вопросы двустороннего сотрудничества.

Подытоживая результаты визита в карибскую страну, Дмитрий Медведев дал пресс-конференцию для российских журналистов. Он выразил удовлетворение нынешним развитием отношений с Кубой. «У нас и раньше были полноценные отношения, а за последние полгода они приобрели значительно большую интенсивность», – отметил президент РФ. «Мы обсуждаем развитие отношений и в экономической сфере, и в сфере ВТС, в сфере регионального сотрудничества, в сфере безопасности, обсуждали глобальные вопросы», – рассказал президент о своих переговорах.

«Что касается конкретных результатов – их достаточно много, но они не приурочены к визиту президента», – сказал Медведев. «За четыре последних месяца подписано много соглашений и в области энергетических проектов, в области цветной металлургии, туризма, – пояснил он. – По всем направлениям работа существенно активизировалась за последнее время»⁷. Как отмечают наблюдатели, приоритетной задачей в развитии двусторонних отношений является увеличение российско-кубинского товарооборота, который в 2007 году составил около 360 млн долл. Перспективными считаются проекты в области авиации, судостроения, железнодорожного транспорта. В частности, обе страны завершают подготовку к созданию на Кубе крупного транспортного авиационного узла по грузовым и пассажирским перевозкам. В апреле 2008 года была достигнута договоренность о поставках на Кубу российской компанией "АвтоВАЗ" крупной партии автомобилей "Лада". Подписан меморандум о взаимопонимании, предусматривающий возможность создания совместного предприятия по сборке грузовиков КамАЗ на Кубе и организации на Кубе сервисного обслуживания машин автозавода.

В ходе пресс-конференции Дмитрий Медведев подвел также предварительные итоги своего латиноамериканского турне. Он назвал визиты в страны Латинской Америки «очень интересными и насыщенными». После посещения Гаваны президент Д.Медведев завершил свой визит в Латинскую Америку.

В декабре 2008г. прошел визит в Москву президентов Аргентины К.Фернандес де Киршнер и Никарагуа Д.Ортеги, в январе 2009г. – кубинского лидера Р.Кастро, с февраля по апрель – президентов Боливии Э.Моралеса и Чили М.Бачелет. Важной страницей в отношениях РФ и государств Латинской Америки стали визиты в регион в апреле 2010 года премьер-министра Владимира Путина и президента Дмитрия Медведева.

2 апреля 2010 во время своего пребывания в столице Венесуэлы премьер-министр РФ Владимир Путин подписал с президентом страны Уго Чавесом 31 соглашение. В соответствии с одним из них, стороны договорились подготовить технико-экономическое обоснование для создания совместного предприятия по строительству верфи в Венесуэле, где будут производиться корабли военного и гражданского назначения. С другой стороны, в штате Арагуа (Aragua) продолжает-

ся строительство заводов по лицензионному производству автоматов АК-103 и патронов к ним. Как заявил посол России в Каракасе Владимир Заемский, строительство данных заводов «ведётся в основном венесуэльскими строительными организациями с участием российских инженеров и специалистов»⁸. Соглашение о передаче российских военных технологий Венесуэле было подписано в мае 2001 года. Данный документ предполагает передачу лицензий на производство вооружения, «предназначенного как для использования в Вооружённых Силах Венесуэлы, так и для поставок в третьи страны».

До 2008 года Венесуэла и Россия подписали двенадцать контрактов на поставку различных видов военной техники общей стоимостью 4,4 миллиарда долларов. На эту сумму были приобретены, среди прочего, 100 тысяч автоматов Калашникова, 24 самолёта «Су» и 53 многоцелевых вертолёт. По прибытии из Каракаса российский премьер-министр В. Путин сообщил о том, что правительство Венесуэлы выразило заинтересованность в приобретении оружия ещё на 5 миллиардов долларов. В указанные 5 миллиардов входят 2,2 миллиарда долларов кредита, предоставленного Москвой, которые, по договорённости с президентом Чавесом, будут направлены на приобретение 92 танков Т-72 и зенитных комплексов С-300. В государственном печатном органе Венесуэлы *Gaceta Oficial* от 23 ноября 2009 года (№39.312) раскрываются условия предоставления российского кредита. В соответствии с положениями документа, ратифицирующего двухстороннее соглашение о совместных проектах, Россия принимает на себя обязательства о поставке товаров и услуг на сумму 6,4 миллиарда долларов. Для обеспечения поставок Россия открывает для Венесуэлы кредитную линию на 2,2 миллиарда долларов под 7,4% годовых в период с 2010 по 2012 год. Венесуэла будет погашать кредит в течение семи лет, причём рассматривается возможность оплаты за счёт поставок венесуэльской нефти. С этой целью государственная нефтяная компания *Petróleos de Venezuela* и уполномоченная российская организация подпишут соответствующий договор.

Во время визита В. Путина в Венесуэлу он встретился также с президентом Боливии Эво Моралесом. В. Путин и Э. Моралес обсудили широкий круг вопросов двустороннего сотрудничества в военно-технической, энергетической и производственных областях, которые найдут своё отражение в соответствующих соглашениях. Их подписание запланировано на 26 апреля текущего года. Моралес отметил, что это подтверждает возвращение России в Латинскую Америку. Во время встречи в Каракасе во дворце Мирафлорес глава боливийского государства подчеркнул ту важность, которую для Латинской Америки имеет укрепление отношений с Россией, сообщив, что в период с 20 по 23 апреля в Москву отправится правительственная делегация для подписания 26 апреля ряда соглашений. «Я уверен в том, что наши отношения будут крепнуть и развиваться, и мы подпишем соглашения о двустороннем сотрудничестве в области инвестиций, энерге-

тики и обороны. Мы весьма заинтересованы в том, чтобы Россия вернулась в Латинскую Америку, как она уже сделала это в отношении Венесуэлы и других стран, для содействия установлению экономического равновесия между регионами и континентами»⁹. Моралес также обсудил с Путиным вопросы развития военно-технического сотрудничества. С этой целью Россия откроет для Боливии кредитную линию. Со своей стороны Путин подтвердил открытие кредитной линии для приобретения российских вертолётов, предназначенных для борьбы с наркоторговлей, а также нового президентского самолёта, также российского производства. Соглашением предусматривается открытие российских центров технического обслуживания в Боливии, что позволит России расширить сферу своей деятельности в Латинской Америке. Согласно представителю российской компании «Рособоронэкспорт», правительство Боливии планирует закупить для нужд Вооружённых Сил не менее шести вертолётов Ми-17В5, способных перевозить 32 пассажиров, нести 4 тонны груза, обычные бомбы, противотанковые ракеты и ракеты класса «воздух-воздух». Как заявил Моралес, приобретение военной техники направлено на укрепление обороноспособности страны, усиление борьбы с наркоторговлей и последствиями стихийных бедствий. По окончании встречи Моралес заявил, что Боливии необходимы вертолёты, и «только Россия выразила готовность поставить их на льготных условиях»¹⁰. Правительство Боливии намерено приобрести шесть вертолётов. 26 апреля 2010 г. в Москве будут подписаны российско-боливийские соглашения о сотрудничестве. Как сообщил президент Боливии Эво Моралес, документы будут посвящены сотрудничеству в оборонной, энергетической и производственной областях.

15 апреля 2010 года перед саммитом БРИК проходившим в Бразилии президент России Дмитрий Медведев совершил государственный визит в Аргентину. Он стал первым главой российского государства, посетившим латиноамериканскую страну, за 125 лет дипломатических отношений. По итогам переговоров было подписано 10 документов в различных областях. Одним из самых важных стало соглашение о направлениях взаимодействия в области мирного использования атомной энергии. Документ подписали госкорпорация «Росатом» и министерство федерального планирования, государственных инвестиций и услуг Аргентины. Президент Аргентины Кристина Фернандес де Киршнер на совместной пресс-конференции с Медведевым пояснила, что страна с 90-х годов остановила развитие атомной энергетики, но теперь вновь будет заниматься строительством АЭС. В частности, речь идет о блоках «Атуча-2», «Атуча-3» и других. «Приход российской компании «Росатом» на рынок Аргентины в этом случае повлечет несколько миллиардов долларов инвестиций, которые должны быть вложены в создание соответствующих энергоблоков, а также в развитие инфраструктуры»¹¹, — заявил Медведев на пресс-конференции.

Кристина Киршнер уточнила, что соглашение предполагает локализацию 50% производства в Аргентине. Глава «Росатома» Сергей Кириенко пояснил журналистам, что речь идет о производстве части материалов непосредственно в стране, где будет идти строительство АЭС, в том числе мощности по производству ядерного топлива. Говорить о стоимости возможных контрактов пока рано, сказал Кириенко. По его словам, стоимость строительства одного блока начинается от \$4,5 млрд, а речь идет уже как минимум о двух объектах. Для реализации этого проекта Россия и Аргентина создадут координационный совет, который, в свою очередь, назначит совместные рабочие группы в профильных областях, говорится в соглашении. Россия подписала с Аргентиной еще ряд документов. Так, в присутствии президентов «Рособоронэкспорт» и министерство обороны Аргентины подписали контракт о продаже двух вертолетов Ми-171Е для нужд министерства обороны страны. Аргентина выразила заинтересованность в покупке у России различной авиационной и автомобильной техники, систем ПВО, а также ставит вопрос о покупке бывшего в эксплуатации транспортного полярного судна для обеспечения национальной антарктической программы.

В конце пресс-конференции Медведева и Киршнер аргентинские журналисты поинтересовались у российского президента, не вызывает ли активизация России в Латинской Америке недовольство и опаску у США. «У меня создалось впечатление, что в Белом доме в Вашингтоне сидят разумные люди, и если это так, то они не будут воспринимать это с опаской»¹², — ответил Медведев. Кристина Киршнер поддержала позицию российского президента. «Мир изменился. Мы больше не являемся задним двором ни одного государства. Мы хотим полноценно развиваться, никто не может в одностороннем порядке навязывать нам свою волю»¹³, — заявила она. Несомненно, что после визита Д.Медведева экономические отношения между Россией и Аргентиной выйдут на принципиально новый уровень.

Подводя итоги развитию отношений между Россией и странами Латинской Америки в первом десятилетии XXI века, необходимо отметить, что в данный период наметилась тенденция активизации сотрудничества как на уровне межгосударственных контактов, так и на уровне взаимодействия частных экономических структур и общественных организаций. При укреплении этих тенденций Россия и государства Латинской Америки смогут более успешно реализовывать свои экономические и политические интересы в современном многополярном мире.

¹ См.: Россия и страны Латинской Америки. — ([http://www.mid.ru/ns-
vnpop.nsf/osn_cory/6FFE98C792E61FA0C32570430031545B](http://www.mid.ru/ns-
vnpop.nsf/osn_cory/6FFE98C792E61FA0C32570430031545B)).

² См.: Подробности визита Дмитрия Медведева в Латинскую Америку. — ([www.rodon.org/polit-
081203121747](http://www.rodon.org/polit-
081203121747)).

³ Там же.

⁴ См.: Подробности визита Дмитрия Медведева в Латинскую Америку. – (www.rodon.org/polit-081203121747).

⁵ Там же.

⁶ См.: Подробности визита Дмитрия Медведева в Латинскую Америку. – (www.rodon.org/polit-081203121747).

⁷ Там же.

⁸ “El Universal”. 2010.12.04.

⁹ “La prensa”. 2010. 05. 04.

¹⁰ Ibid.

¹¹ Россия сделает атомное вложение. – (www.gazeta.ru/politics/2010/04/15_a_3351878.shtml).

¹² Россия сделает атомное вложение. – (www.gazeta.ru/politics/2010/04/15_a_3351878.shtml).

¹³ Там же.

ЛАТИНСКАЯ АМЕРИКА – ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ: проблемы взаимодействия

На сегодняшний день Латинская Америка занимает особое место на политической арене мира, являясь регионом, экономические ресурсы и возможности которого привлекают все ведущие экономические силы. США, Европейский Союз и Япония конкурируют между собой, пытаясь завоевать доверие латиноамериканских государств. Однако, первенство США здесь неоспоримо. Это связано, конечно, прежде всего, с географической близостью и с последовательностью политики США, уже давно сотрудничающих с государствами региона. Тем не менее, Европейский Союз также прикладывает усилия для сохранения, а в некоторых случаях и возобновления контактов с государствами Латинской Америки.

Примерно с середине 80-х годов международные отношения в регионе в корне изменились, что связано, прежде всего, с приходом к власти демократических сил. Усилились интеграционные процессы в самой Латинской Америке и возобновились исторические связи с Европой и здесь, конечно, отдельно стоит отметить роль стран иберийского полуострова Испании и Португалии, которые прикладывали и прикладывают все усилия для улучшения сотрудничества государств Латинской Америки и Европейским Союзом. Так, соглашения о сотрудничестве между Бразилией и Европейским Сообществом было подписано в период президентства Португалии в ЕС, а второй саммит Европейский Союз – Латинская Америка проходил в период президентства Испании. Для иберийских государств очень важна эта роль возможного проводника в межрегиональном сотрудничестве, так как это может существенно поднять их престиж в политической жизни ЕС.

На протяжении долгого времени контакты ЕС с Латинской Америкой ограничивались двухсторонними соглашениями с латиноамериканскими государствами, что, безусловно, было следствием диктаторских режимов в регионе.

В октябре 1995 г. Еврокомиссией были разработаны новые ключевые направления стратегического партнерства ЕС со странами ЛКА. В предшествующие десять лет, которые совпадали с процессом углубления западноевропейской интеграции и подключением к нему

Испании и Португалии, возникли условия для более тесного сближения между Евросоюзом и ЛКА. Испания и Португалия стали играть роль своего рода "моста" между двумя регионами, чему способствовали вековые исторические традиции, общность языка и культуры. На протяжении 90-х годов Испания превратилась в крупнейшего европейского инвестора для многих стран латиноамериканского региона. За период 1990-1999 гг. общие капиталовложения Испании в ЛКА увеличились в 5,3 раза и составили более 60% всех испанских инвестиций за рубежом.

Стратегия нового партнерства ЕС и ЛКА в середине 90-х годов включала в себя несколько различных аспектов: углубление политического диалога, расширение торгового взаимодействия с одновременной поддержкой регионального интеграционного процесса в ЛКА, а также техническое и финансовое сотрудничество. Разработка этой стратегии стала своего рода ответом на растущую озабоченность ЕС ослаблением в первой половине 90-х годов своих позиций в латиноамериканском регионе. В последующий период также продолжала проявляться тенденция к снижению роли Евросоюза в двусторонней торговле: доля ЕС в экспорте из региона сократилась в 1990-1999 гг. с 21,7 до 13%, а в латиноамериканском импорте его поставки сократились с 17,5 до 16% (6). Доля Западной Европы в прямых иностранных инвестициях (ПИИ) в регионе, составлявшая в конце 80-х годов 50%, снизилась в 1990-1995 гг. до 25%.

Следует также подчеркнуть, что западноевропейская стратегия сотрудничества с ЛКА была разработана на фоне предпринятых странами Западного полушария важных шагов в сторону динамичного развития региональных интеграционных процессов. Так, в начале 1994 г. было подписано соглашение между США, Канадой и Мексикой о создании Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА). В том же году на "саммите Америк" в Майами было принято решение о создании в Западной полушарии Межамериканской зоны свободной торговли (АЛКА), призванной образовать к 2005 г. общее экономическое пространство от Аляски до Огненной земли.

Стремление Европы предложить своим латиноамериканским партнерам альтернативу североамериканскому влиянию на континенте, с учетом их потребности в диверсификации внешнеэкономических связей, было вполне оправданно и нашло поддержку в странах региона. Важным шагом в этом направлении стало подписание в декабре 1995 г. в Мадриде Рамочного межрегионального соглашения "четвертого поколения" о сотрудничестве между ЕС и Меркосур, которое предполагало постепенную либерализацию внешней торговли на пути к созданию межконтинентальной ЗСТ между двумя интеграционными блоками.

Основной характерной чертой принятой в то время западноевропейской стратегии стал дифференцированный подход к странам латиноамериканского региона. Евросоюз начал выстраивать свои отноше-

ния с ЛКА избирательно¹, т.е. отдельно с каждым субрегиональным интеграционным объединением.

Однако это соглашение не получило возможного развития, столкнувшись с проблемой общей сельскохозяйственной политики ЕС. Возможно, именно нерезультативность этого договора привела к тому, что лишь в конце 90-х гг. был институционализирован политический диалог между регионами, между государствами Латинской Америки и Европейского Союза. Первый саммит глав государств Латинской Америки и Европейского Союза был проведен 28-29 июня 1999 г. в Рио-де-Жанейро, где были приняты первые документы сотрудничества «Декларация Рио-де-Жанейро» и «Приоритеты сотрудничества». Была создана рабочая группа, состоящая из представителей обоих регионов для контроля и укрепления сотрудничества государств Латинской Америки и государств-членов ЕС.

Со своей стороны руководители стран Латинской Америки провели собрание министров иностранных дел государств членов группы Рио, 20 сентября 1999, с целью создания Комитета государств Латинской Америки и Карибского бассейна для дальнейшего сотрудничества с ЕС в рамках двухсторонней группы Саммита ЕС – Латинская Америка. Комитет был создан как открытая структуры для всех государств Латинской Америки заинтересованных в развитии отношений с ЕС и способных представлять регион.

Структурирован он был следующим образом: 1) Основной комитет, возглавляемый сопредседательствующими Бразилией и Мексикой. Именно этот комитет отвечает за исполнение всех решений и компромиссов, достигнутых на Саммите в Рио де Жанейро, включая определение программы совместных действий и рассмотрения и одобрения всех возможных предложений сотрудничества. 2) Руководящий комитет, где Бразилия является президентом, а Мексика - вице-президентами. Основной задачей этого комитета является ведение переговоров с Тройкой ЕС. 3) Тематический комитет, где Мексика – президент, а Бразилия – вице-президент. Комитет готовит основные предложения Латинской Америки по сотрудничеству с ЕС.

Такая активность Латинской Америки ясно показывает желание продолжать сотрудничество с Европейским Союзом. (Второй саммит ЕС- Латинская Америка был проведен в Мадриде 17-18 мая 2002.) Сотрудничество, которое долгое время находилось в состоянии застоя, и не по вине государств Латинской Америки. Как отмечают различные испанские и латиноамериканские исследователи, в течении достаточно долгого времени ЕС не проявлял серьезной заинтересованности в связях с Латинская Америка, так как основные усилия ЕС были направлены на страны Восточной Европы. И затем лишь с середины 90-х годов Европейский Союз начал проявлять большую активность в этом направлении и связано, это было, скорее всего, с усилением интеграционной политики США.

Идея США о создании свободной зоны торговли двух Америк зародилась еще в 1967 г., ее основателем был президент США Линдон Б. Джонсон, однако первоначально она не получила широкой поддержки. Это, безусловно, было вызвано как внутривосточной нестабильностью, сложившейся в то время в государствах Латинской Америки, так и сложной ситуацией в мировой политике. Однако, правительство США не отказалось от своей идеи, а лишь разумно отложило ее осуществление на более дальний срок. В 1994 на Саммите Америк в Майями, президент Клинтон снова выдвинул эту идею и результата уже был иной. Остальные участники саммита, в основном поддержали проект США и высказались за его скорейшую реализацию. Окончания переговоров должно было быть закончено к 2005, однако сегодня эти сроки кажутся нереальными².

Основной преградой для воплощения надежд США стала Бразилия, которая пытается сохранить ведущую роль в Южной Америке, пытается обосновать выгоду другого проекта – свободной Зоны торговли южной Америки. Для Бразилии, проекты МАЗСТ, крайне не выгодны, так как подразумевают потерю ее лидерства в регионе, или как выражаются бразильские лидеры потерю «роли, сопоставимой с ее территориями и размерами рынка» и именно поэтому Бразилия является одним из инициаторов сотрудничества Латинской Америки с ЕС. Возможно и участие в Иbero-американских саммитах, инициатором которых является Испания привлекательно для Бразилии лишь потому, что приближает возможное сотрудничество с Европой. Создание подобной зоны торговли двух Америк не может не беспокоить ЕС.

На современном же этапе политический и экономический диалог между Евросоюзом и странами ЛКА достаточно широк и проводится на четырех уровнях:

- межпарламентском (проведение межпарламентских конференций один раз в два года, начиная с 1974 г.);
- региональном (организация встреч глав правительств Евросоюза с ведущими странами региона, образующих Группу Рио);
- субрегиональном (проведение раундов двусторонних переговоров между ЕС и интеграционными объединениями ЛКА);
- межрегиональном - предполагается создание "межрегиональной стратегической ассоциации"; (практика проведения саммитов Евросоюз - ЛКА, инициированная на первой встрече глав государств Евросоюза, Латинской Америки и Карибского бассейна 28 июня 1999 г.)³.

На первых трех уровнях межрегиональный политический и экономический диалог призван обеспечивать принятие совместных решений по целому ряду вопросов: торгово-экономическое сотрудничество, внешние долги, решение социальных проблем, защита прав человека и т.д. На межрегиональном уровне переговорного процесса, который впервые был инициирован на пороге XXI в., обсуждаются вопросы европейско-латиноамериканского стратегического партнер-

ства в условиях нового глобального миропорядка, в построении которого эти два региона - Европа и ЛКА - способны занимать одни из ведущих позиций.

Одними из важных факторов, привлекающих повышенное внимание европейцев к ЛКА, остаются как процессы субрегиональной и региональной интеграции, так и тот опыт, который латиноамериканский регион приобретает в ходе их реализации. Концепция Евросоюза в отношении ЛКА, разработанная в середине 90-х годов и направленная на установление более тесных взаимоотношений со странами региона, основывалась, прежде всего, на том предположении, что латиноамериканские государства способны осуществить у себя политическую и экономическую интеграцию, взяв за образец европейскую модель.

Можно отметить, что среди экономических условий, предъявляемых ЕС на переговорах с региональными интеграционными блоками ЛКА, часто делается акцент на необходимости принятия ими общих внешних таможенных тарифов для стран ЕС. Выполнение этого условия, по мнению ученого, значительно облегчило бы ход переговорного процесса о создании межрегиональной экономической ассоциации. Однако европейский подход к проблеме выявил вполне оправданную "боязнь" деловых кругов стран, вовлеченных в процесс создания такой ассоциации, перед возможными "потерями", поскольку пока еще не предусмотрены определенные механизмы компенсации, в первую очередь, структурная и региональная поддержка тем секторам и регионам ЛКА, которые будут наиболее тесно связаны с европейской экономикой⁴. Кроме того, некоторые латиноамериканские страны предпочитают включаться в мировую экономику не на региональном, а на национальном уровне. К примеру, Мексика и Чили продемонстрировали свое стремление активизировать экономический диалог с Евросоюзом путем подписания двусторонних соглашений о создании зоны свободной торговли⁵.

Основным "камнем преткновения" в европейско-латиноамериканском диалоге в вопросе создания ЗСТ является нежелание европейцев допускать на свой рынок качественную сельскохозяйственную продукцию из ЛКА, так как она составляет прямую конкуренцию агропромышленной продукции, производимой странами - партнерами по Евросоюзу и субсидируемой из общего бюджета ЕС. По итогам II саммита ЕС - ЛКА в Мадриде вопрос об экспортных субсидиях агропромышленной продукции был передан для разрешения в рамках ВТО. Надо отметить, что в решении этого вопроса все-таки наблюдается некоторая положительная динамика: Еврокомиссия летом 2004 г. вынесла решение о пересмотре своей политики относительно производства сахара и сокращении экспортных субсидий внутри ЕС. Среди стран ЛКА, к примеру, решение "сахарной проблемы" является ключевой для бразильских предпринимателей, терявших

ежегодно в результате европейского протекционизма на экспорте сахара около 400 млн. долл⁶.

Другим фактором, замедляющим, по мнению специалистов, образование стратегического альянса между ЕС и ЛКА, является "асимметричность" во взаимной торговле и инвестициях. В то время как Евросоюз является для Латинской Америки вторым по величине торговым партнером, основным инвестором и главным источником финансовой помощи, во внешнеэкономических связях ЕС этот регион занимает лишь седьмое место. Кроме того, "асимметричность" проявляется в различном экономическом весе ЕС на Севере и Юге латиноамериканского региона. К примеру, Мексика и страны ЦАОР больше тяготеют к североамериканской экономике; при этом Мексика около 80% своей внешней торговли реализует с США, в то время как на ее товарооборот с ЕС приходится лишь около 7%.

Евросоюз составляет ощутимую конкуренцию североамериканской экономике на юге ЛКА: на долю Евросоюза в 2008 г. приходилось 23,5% внешней торговли южноамериканских стран (на долю США и Канады - 20,1%). Инвестиции, направляемые из стран ЕС в южноамериканские страны, достигли 137 млрд. долл. (из США - 83 млрд долл.)⁷. Более того, именно по этой причине соглашение о свободной торговле между ЕС и Меркосур могло бы иметь особое геополитическое и важное экономическое значение для обеих сторон. Однако решающий шаг навстречу стратегическому альянсу остается за Евросоюзом, так как напрямую зависит от его готовности открыть единый европейский рынок для латиноамериканских производителей⁸.

Другая форма стратегических союзов в настоящий момент развивается между самими латиноамериканскими странами. К примеру, предпочтительной стратегией Бразилии стало образование ассоциации свободной торговли Южной Америки. Первым шагом к ее созданию некоторые аналитики по праву называли соглашение об образовании зоны свободной торговли между АСН и Меркосур. Действительно, в конце 2004 г. лидеры стран Южной Америки подписали в Перу соглашение о создании нового регионального блока - Южноамериканского сообщества наций, в который войдут государства Меркосур (Аргентина, Бразилия, Парагвай, Уругвай), страны Андского региона (Боливия, Венесуэла, Колумбия, Перу и Эквадор), а также к договору присоединяются Гайана, Суринам и Чили.

Тем не менее, в силу развития торговли между двумя регионами был создан ряд программ, среди которых можно выделить программу ATLAS, направленную на повышение уровня содействия Торгово-Промышленных палат как Европейского Союза, так и стран Латинской Америки в вопросах расширения представительства национальных компаний и стимулирования экономического сотрудничества между двумя регионами. Практическую работу по реализации програм-

мы осуществляет Руководящий комитет, который поддерживает рабочий контакт с органами власти каждой из стран-участниц.

Главная цель, поставленная перед участниками программы, состоит в стимулировании и расширении сотрудничества между ТПП стран ЕС и Латинской Америки, а также в усилении их роли в гражданском обществе⁹. В частности, программа нацелена на:

- передачу опыта европейских ТПП латиноамериканским коллегам, взаимное изучение систем содействия развитию предпринимательской деятельности;
- распространение информации об экономическом потенциале и перспективных проектах в Латинской Америке среди членов европейских ТПП и наоборот;
- поддержка и развитие партнерских связей между ТПП регионов;
- подготовка создания единой европейско-латиноамериканской сети ТПП в целях стимулирования экономического сотрудничества между обоими регионами.

Эти задачи решаются путем проведения различных мероприятий, в том числе: программы MERCURE, ознакомительных визитов специалистов, тренингов для персонала, партнерской программы.

В среднесрочной перспективе развитие межрегионального сотрудничества между Европой и латиноамериканским регионом¹⁰ станет определяться процессами экономической и торговой кооперации на американском континенте. Многое будет зависеть от того, как скоро Брюссель продемонстрирует готовность пойти на "уступки" в либерализации торговли с субрегиональными интеграционными блоками ЛКА. По прогнозам европейских аналитиков, развитие региональной интеграции в ЛКА будет строиться по принципу модели, схожей с НАФТА, т.е. с приоритетной ориентацией на торговые сферы. Это, по сути, сильно отличается от европейской интеграционной модели, которая способна сочетать в себе сильные политические инструменты и наднациональные институты.

Согласно исследованиям, проведенным под эгидой ЭКЛАК, процесс интенсификации экономических отношений между ЕС и интеграционными экономическими зонами ЛКА в краткосрочной перспективе будет подвержен влиянию ряда неблагоприятных факторов. К ним относятся современные приоритеты Евросоюза, направленные на страны ЦВЕ. Кроме того, политическая и экономическая ситуация в некоторых государствах ЛКА не соответствует в полной мере той региональной стабильности, которую ищут европейские инвесторы в качестве платформы для "глобального производства" и тесной торгово-экономической кооперации. Тем не менее, Меркосур и в частности Бразилия, как и прежде, будут способны привлекать к себе повышенное внимание европейцев.

Латинская Америка представляет собой самое слабое звено в экономической сети Запада, но в то же время нет сомнений, что ее рынок является крайне привлекательным для главных действующих сил со-

временной экономики США, ЕС и Японии. Поэтому именно сейчас развернулась главная борьба за сотрудничество с Латинской Америкой. После окончания холодной войны между США и ЕС оказались втянуты в своего рода состязание за зоны влияния, и если Африка больше тяготеет к Европе, то Латинская Америка и Тихоокеанский регион представляют собой менее достижимые цели для Европы. Известный американский экономист Фред Бергстен пишет, что США и ЕС находятся на краю огромного экономического и торгового конфликта. Такая постановка вопроса не может не вызвать некоторой доли сомнений, однако усиливающаяся конкуренция двух наиболее экономически развитых регионов бесспорна. В такой ситуации образование Зоны Свободной Торговли двух Америк крайне невыгодно для ЕС и, прежде всего можно предположить, что Саммиты ЕС – Латинская Америка и являются попыткой ЕС сохранить свое, пусть и крайне небольшое влияние в регионе. Эта ситуация соперничества между ЕС и США может дать благоприятные плоды прежде всего для государств Латинской Америки, которые хотя и предпочтут скорее всего более тесное сотрудничество с США, но уже смогут свободнее ставить свои условия американскому правительству.

¹ EU Commission (1998) 'Concerning the establishment of an inter-regional association between the European Union and MERCOSUR' / Commission Staff Working Paper;

² Council of the European Union 2nd Brazil - European Union Summit in Rio de Janeiro, 22 December 2008. - Brussels, 23 December 2008. - 17602/08 (Presse 386).

³ An Analysis of the EU-Latin American Relations – (<http://www.tumgazeteler.com/?a=2867592>);

⁴ Council of the European Union IV EU-LAC summit (Vienna, Austria, 12 May 2006) Declaration of Vienna - Brussels, 12 May 2006. - 9335/06 (Presse 137); см. так же: Щеблыкина Е. Европейско-латиноамериканские отношения: проблемы и перспективы развития / Е. Щеблыкина // Региональные исследования. – 2010. – № 2 // <http://sites.google.com/site/regionalnyeissledovaniya/arhiv/vyp-2/e-seblykina-evropejsko-latinoamerikanskiye-otnosheniya-problemy-i-perspektivy-razvitiya>

⁵ Council of the European Union Meeting of The Troika of The European Union and the heads of state and government of The Andean Community, Guadalajara, Mexico, 29 May 2004 / Joint Communiqué. - Brussels, 29 May 2004. - 9664/04 (Presse 168);

⁶ EU relations with Latin America – (<http://www.auswaertiges-amt.de/diplo/en/Europa/Aussenpolitik/Regionalabkommen/Lateinamerika.html>);

⁷ Commission of the European Communities: Communication from The Commission to The European Parliament and The Council – “The European Union and Latin America: Global Players in Partnership”. - Brussels, 30.09.2009. – COM (2009) 495/3;

⁸ Council of the European Union EU- CARIFORUM meeting on political dialogue Kingston (Jamaica), 23 March 2010 / Final Communiqué. - Brussels, 25 March 2010. - 8015/10 (Presse 77);

⁹ Там же.

¹⁰ The European Commission Latin America Regional Programming document 2007-2013 - 12.07.2007 (E/2007/1417);

ПРОСТРАНСТВА НЕСОГЛАСИЯ: ПРОТЕСТНЫЕ ФОРМЫ ПОЛИТИЧЕСКОГО УЧАСТИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ И РОССИИ

Иммануил Валлерстайн

ПЕРЕВОРОТЫ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ:

**Администрации Дж. Буша
и Б. Обамы***

Сегодня в Латинской Америке приходится наблюдать весьма странный политический феномен. Правые силы здесь оказались в большей степени мобилизованы при президентстве Обамы, чем за 8 лет правления Джорджа Буша. Дело в том, что крайне правая риторика Буша была совершенно не популярна в Латинской Америке. Внешнеполитический центристский курс Обамы, напротив, будучи во многом схожим с «политикой добрососедских отношений» Франклина Рузвельта, предполагает отказ от политической экспансии в отношении стран Латинской Америки и вмешательства в их внутривнутриполитические дела.

Единственная попытка государственного переворота, спонсируемого Вашингтоном, за годы правления Буша была совершена в 2002 году в отношении режима Уго Чавеса в Венесуэле и не привела к желаемым результатам. Более того, в след за этим провалом последовала целая череда выборов в странах Латинской Америки и Карибского бассейна, где победу праздновали левые. Кульминацией же стала встреча лидеров американских государств в Бразилии в 2008 году, на которую не были приглашены представители США, и на которой главным героем стал президент Кубы, Рауль Кастро.

За время президентства Обамы в одной из латиноамериканских стран все же произошла смена неудобного для Вашингтона режима, речь идет о Гондурасе. Несмотря на официальное осуждения перево-

* Wallerstein I. Obama, Bush, and Latin American Coups / I. Wallerstein // <http://www.iwallerstein.com/obama-bush-and-latin-american-coups/> Публикуется с разрешения <http://www.iwallerstein.com/> Перевод с английского И.О. Сухомлинова.

рота Обамой, политическая линия Белого Дома оказалась весьма неоднозначной, а новое гондурасское правительство похоже добилось своего, оставшись у власти как минимум до следующих президентских выборов. В Парагвае президенту Фернандо Луго, стороннику теологии освобождения, совсем недавно удалось предотвратить военный переворот. Тем не менее, его политический противник справа вице-президент Федерико Франко не опускает рук, пытаясь посредством давления на национальный парламент, к слову сказать, правый в большинстве своем, объявить президенту импичмент. Более того, Парагвай – не единственная страна, где правая оппозиция продолжает точить зубы.

Для того чтобы разобраться с этим политическим феноменом, необходимо тщательно проанализировать внутреннюю политику США и ее влияние на политику внешнюю. С давних времен в США существуют две главные политические партии: правоцентристская Республиканская партия и левоцентристская Демократическая партия, представляющие интересы своих избирателей, которые по некоторым пунктам, надо сказать, совпадают.

Учитывая то, что в идейном отношении обе партии оказывались схожими, предвыборная гонка сводилась к стремлению кандидатов от каждой партии заручиться поддержкой небольшой части «нейтральных» выборщиков-центристов.

В настоящее время ситуация несколько изменилась. В то время как Демократическая партия фактически осталась на прежних позициях, Республиканская партия в значительной степени сместила свой акцент вправо, таким образом, лишившись немалой части своего электората. Посему, кажется вполне логичным, что рейтинг республиканцев должен был бы сильно упасть, но их положение оказалось не столь уж удручающим.

Та преобладающая часть республиканцев, которая придерживается крайне правых взглядов, в достаточной степени мотивирована сегодня и действует очень агрессивно. Они пытаются очистить Республиканскую партию от ее умеренных, по их словам, паразитов и формируют среди прочих республиканцев в Конгрессе исключительно негативное отношение к любым инициативам демократов и, в частности, президента Обамы. При этом они ни в коей мере не согласны идти на компромисс. Скорее наоборот, они готовы выступить в фарватере политической борьбы.

Тем времен демократы продолжают гнуть свою линию. Их коалиция включает в себя всех от левых до правоцентристов. В силу своей разношерстности большую часть времени в Конгрессе они тратят на согласование общей единой позиции. Именно поэтому американским законодателям так трудно совершенствовать нормативно-правовую базу в стратегически важных сферах, это в частности касается реформирования национальной системы здравоохранения.

Какое же значение все это имеет для Латинской Америки, да и для всего остального мира? Дело в том, что в первые шесть лет своего нахождения у власти Буш мог заручиться поддержкой республиканцев, которые составляли тогда большинство в Конгрессе, практически по любому вопросу. Обсуждение и принятие тех или иных политических решений происходило в кругу лиц, наиболее приближенных к президенту людей, где огромным влиянием обладал вице-президент Дик Чейни. Когда команда Буша проиграла парламентские выборы 2006 года, Чейни лишился своего влияния и политика начала понемногу изменяться.

Эпоха правления Буша была ознаменована полным провалом кампании в Ираке, ну и в меньшей степени, всей ближневосточной политики. Несколько лучше дела обстояли с Китаем и Восточной Европой. В сложившейся ситуации интересы Вашингтона в Латинской Америке отошли на второй план. Латиноамериканские правые оказались, таким образом, неудел, лишившись былой поддержки США.

При Обаме ситуация в корне изменилась. Его поддерживает совершенно иная часть электората, и у него весьма амбициозные планы. Что касается политических взглядов Обамы, то они представляют собой нечто среднее между центризмом и левоцентризмом, что, надо сказать, делает его положение неустойчивым. Можно говорить о том, что Обама не оправдывает надежд выборщиков на левом фланге, большинство из которых уже и не верят своему президенту. В то время как в результате последствий глобального экономического кризиса оставшаяся часть выборщиков-центристов теряет доверие к нему, ужасаясь растущему государственному долгу.

Для Обамы равно как и для Буша латиноамериканское направление внешней политики не является приоритетным. Хотя в отличие от Буша Обама всеми силами пытается удержаться наплаву. Посему он в высшей степени озабочен предстоящими в 2010 и 2012 годах выборами, что совсем неслучайно, так как успех его внешней политики во многом повлияет на их результаты.

Сегодня латиноамериканские правые силы используют внутриполитические проблемы Обамы в своих интересах. При этом они понимают, что им ничто не угрожает. Более того, они понимают, что глобальный экономический кризис больно ударил по правящим режимам, а в Латинской Америке правящими в настоящее время являются левые режимы.

Конечно, если в ближайшие два года Обама достигнет определенных успехов по целому ряду стратегических направлений, таких как: здравоохранение, окончательное завершение военной операции в Ираке, снижение безработицы, активность на правом фланге в Латинской Америке пойдет на спад. Но удастся ли ему добиться таких успехов – большой вопрос.

Жоау Педру Стедиле

ДВИЖЕНИЕ БЕЗЗЕМЕЛЬНЫХ КРЕСТЬЯН: БРАЗИЛИЯ В БОРЬБЕ ЗА ЗЕМЛЮ*

Бразилия имеет самое неравное распределение земли в мире: 2% землевладельцев, контролирующих 46% земель, пригодных для выращивания сельскохозяйственных культур. ST (Movimento dos Trabalhadores Rurais Sem Terra, Движение безземельных крестьян) выросло из массовой борьбы против военной диктатуры генерала Гейзеля в конце 1970-х годов. Оно было официально создано в 1984 году. Прогрессивные слои католической церкви играли ключевую роль в его создании. Активисты MST захватывали неиспользуемые земли для создания кооперативных хозяйств и строительства школ и больниц. В настоящее время на MST - 1800 школ.

Движение в Бразилии помогло создать первую в истории международную сеть движений сельскохозяйственных рабочих, *Via Campesina*, которая в настоящее время действует в 87 странах. MST сталкивается с яростными нападениями со стороны полиции, судебных органов и средств массовой информации. Около 1600 сельских работников было убито за последние 20 лет, в том числе около 100 активистов MST. В 1996 году бразильский фотограф Себастьяно Сальгадо сделал потрясающие снимки жестокой расправы над демонстрацией батраков в штате Пара. MST расширила свою деятельность, устраивая марши на столицу, захватывая городские земли, уничтожая генетически модифицированные сельскохозяйственные культуры и создавая университеты для сельских активистов.

Наиболее важным достижением MST была организация бедных слоев населения в сельской местности. В Бразилии живет пять миллионов безземельных рабочих, беднейший слой сельского общества. Мы получили землю для 500000 семей, около трех миллионов человек. Эти семьи продолжают борьбу на других фронтах - за продовольственный суверенитет (контроль производства и продажи продуктов питания), образование и изменение существующей сельскохозяйственной модели. Также в настоящее время есть 150000 семей, оккупирующих земли или проживающих вблизи дорог. Они находятся в постоянном конфликте с крупными землевладельцами и правительством. Бразильскую элиту устраивает, когда люди организуются, чтобы

* Печатается по: Стедиле Ж.П. Движение безземельных крестьян, Бразилия и борьба за землю / Ж.П. Стедиле // http://scepsis.ru/library/id_2489.html Перевод Дм. Райдера. Публикуется в сокращении.

выпрашивать подачки или отдавать ей голоса. То, чего она боится - это бедных, действующих во имя собственных идей. Если безземельные не организуются сами, никто не решит их проблем, даже левое крыло правительства.

Мы научились у тех, кто боролся до нас, тому, что мы должны быть более сплоченными и щедрыми, быть менее сектантами. Мы поняли, что наша сила исходит не от заявлений о том, что наши идеи самые лучшие, а от нашей способности организовать больше людей для достижения общей цели в меняющемся обществе. Вот почему в Бразилии, *Via Campesina* состоит из нескольких движений. Мы также участвуем в социальных движениях и больших форумах, таких, как Всемирный социальный форум. [...]

Люди голосовали за Лулу, поскольку они верили, что он против неолиберализма. Однако, чтобы гарантировать свое избрание, Лула вступил в союз с неолиберальными слоями бразильской буржуазии и создал двойственное правительство. С одной стороны, есть правое крыло неолиберальных министерств. С другой стороны, есть такие, как, например, Министерство аграрной реформы, которые были отданы левым. В результате имела место постоянная борьба в обществе и в правительстве. Многие безземельные считали, что решение их проблем придет вскоре после того как Лула будет избран, но этого никоим образом не произошло. Только социальная организация и борьба может добиться перемен в Бразилии или где-либо еще. Мы надеемся, что после следующих выборов левые будут сильнее, и, если Лула не принесет перемен, снова произойдет подъем массовой борьбы.

Национализация является весьма позитивной мерой, поскольку она свидетельствует о том, что другой путь возможен. Это - право боливийского народа использовать свои природные ресурсы для борьбы с социальными проблемами. В то же время, мы не должны забывать и о контексте, в котором происходит национализация. Я замечаю, что в Европе люди говорят об изменениях, происходящих в Латинской Америке. Да, изменения, но ведь они не так глубоки, как люди себе представляют. К счастью, благодаря правительствам Эво Моралеса в Боливии и Уго Чавеса в Венесуэле у народов Латинской Америки появились обнадеживающие предзнаменования. Но мы пока не сталкивались с крупномасштабной мобилизацией народа ни в той, ни в другой стране.

Верно, но вообще это довольно легко - сбросить президента. Что трудно, так это создать национальный проект развития, исходящий из интересов народа и противостоящий неолиберализму и империализму. Нам нужны общественные движения для создания постоянной организованной силы. Этого пока нет ни в одной стране Латинской Америки. Чавес призвал к обсуждению проекта, который он описывает как «эндогенное развитие». Он осознает, что недостаточно просто говорить плохие вещи о гринго. Нам нужен проект, который будет попыткой ответить на такие вопросы: как мы организуем нашу аль-

тернативную экономику? Как мы собираемся найти рабочие места для всех? Как мы будем распределять доходы? Что мы производим? Если вы только произносите речи, вы не сможете долго дурачить людей. [...]

Мы находимся на определенном этапе исторического процесса. Цель состоит в том, чтобы наращивать численность движения и структурные изменения в обществе с тем, чтобы двигаться к социализму. Мы извлекли уроки из опыта стран Восточной Европы и Китая: социализм есть нечто большее, чем социалистическое правительство. Социализм означает глубокие изменения в экономических структурах, социальных отношениях и идеологии в обществе. Мы далеки от этого. Но мы идем по пути процесса созидания, ведущего нас к социализму. [...]

Власть растворена во множестве форм, начиная с дома, и охватывает сообщества и общество в целом. Она присутствует в школе, церкви и средствах массовой информации, также как и в государстве. Это то, чему мы научились у итальянского марксиста Антонио Грамши. Изменения должны быть осуществлены в основе общества. Наша критика в отношении ортодоксальных левых партий заключается в том, что они видят власть только в президентском дворце. Но смена хозяина дворца не решит фундаментальных проблем общества. В то же время, мы не должны попасться в ловушку представления, будто проблема только в семье или деревне, и что нам не придется беспокоиться о правительстве.

Нам нужно народное социалистическое правительство, но на основе политической сознательности и участия. Таким образом, Моралес имеет преимущество по сравнению с Чавесом. Основные силы, поддерживающие Чавеса, это армия и от случая к случаю мобилизующиеся массы. В Боливии, однако, имели место 15-20 лет низовой народной власти среди крестьян, коренных народов и шахтеров. Этот опыт – гарантия того, что правительство Моралеса будет включать участие народа и контроль снизу. Это то, что дает переменам возможность осуществиться.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТОВ В XVIII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА:

по материалам Олонецкой губернии*

В статье представлены основные аспекты исторического развития девиантного поведения, которое, по мнению автора, находится под влиянием социально-экономических, гендерных, этнических, религиозных факторов. Особенно сильное влияние на «выбор» форм отклоняющегося поведения оказывала сословная принадлежность индивидов. Девиантность представлена в статье как пульсирующее явление, при этом наибольшее его развитие и распространение приходится на периоды социальной нестабильности. Точное определение девиантности вызывает серьезные трудности: в разных социальных группах приемлемое поведение определялось в соответствии с нормами и ценностями, присущими этим группам. Как показано в статье, возможности общества (церкви, репрессивного аппарата, других структур) в противостоянии девиантности в рассматриваемый период оказались крайне незначительными.

Простое краткое знакомство с хронологией истории Севера России показывает, что те или иные девиантные факторы, сменяя друг друга, доминировали в разные периоды истории. Так, с конца XVII в. основным источником девиантности стало старообрядческое движение, которое в XVIII в. достигло в Карелии заметного влияния. Ведь отклоняющееся поведение возникает, прежде всего, тогда, когда общественно принимаемые и задаваемые ценности не могут быть достигнуты некоторой частью этого общества. Неприятие никоновских реформ, тщательно поддерживаемое, культивируемое и развиваемое просвещенной частью старообрядческих сообществ, становилось именно таким вариантом развития событий. Другой мощный фактор развития девиантности — приписка к заводам. Начиная с первых лет XVIII в. огромные массы крестьян были вырваны из привычного жизненного уклада, вынуждены отстаивать свои права в борьбе с односельчанами (во время «мирского» распределения повинностей) и с местной администрацией, а также выполнять значительный объем работ на невыгодных условиях. И наконец, третьим существенным моментом всплеска девиантности стали рекрутские наборы, которые в сознании крестьян, по сути дела, отождествлялись с убийствами. От рек-

* Исследование осуществлено при финансовой поддержке Программы ОИФН РАН "Исторический опыт социальных трансформаций и конфликтов".

рутчины спасались бегством, надолго прячась в лесах, а между крестьянскими семействами вспыхивали ссоры и даже вооруженные стычки из-за решения вопроса о «выдаче» рекрута. Девиантное поведение во всех перечисленных случаях могло затрагивать не только непосредственных виновников крестьянских бед, но и всех тех, кто по их представлениям был связан с властью. Примером здесь могут послужить многочисленные дела о конфликтах между духовенством и прихожанами, в которых обе стороны, в особенности крестьяне, действовали предельно жестко, не останавливаясь перед насилием¹. *Цель данной работы заключается в изучении, во-первых, источников возникновения социальных конфликтов и, во-вторых, усилий общества, направленных на их предотвращение.*

Известно, что распространению девиантного поведения способствует то обстоятельство, что в ходе перемен в экономике и духовной жизни нарушилась регулирующая роль социальных институтов (в частности, прихода), в которых важнейшая роль отводилась «мирскому» самоуправлению, действующему на основании освященных веками традиций. Некоторые исследователи призывают не идеализировать «мирские порядки. Ведь «обезволенный, обезличенный в пользу мира крестьянин сам по себе очень пассивен и инертен». Но «на миру» этот же крестьянин «как бы окрыляется инстинктом стадности и чувством безответственности, и свою индивидуальную приниженность вымещает мирской распушенностью, являясь послушным элементом в руках самых дурных элементов сельского общества»². Более того, во все времена «общинный архетип требовал соблюдения алгоритма коллективных действий», суть которого заключалась в «поголовном участии в протестных действиях», что способствовало «блокировке чувства ответственности и минимизации возможного наказания»³. Этот сюжет достаточно подробно представлен в олонецкой губернской прессе. Так, в 1902 г. появилась статья, подробно описывающая жизнь местных карелов: «Вековое рабство, вековая зависимость мужика от кулака не может не действовать на первого самым деморализующим образом. Нужно пожить в Кореле, присмотреться к этим обиженным природой инородцам-корелам и увидеть как они умеют терпеть все невзгоды и лишения, и как они умеют мстить!»⁴.

Рост девиантности связан с нарушением традиционного уклада жизни, а не с бедностью населения. Заживление полученных обществом ран быстро принесло свои ощутимые плоды. С начала XIX в. основные, наиболее значимые факторы, способствующие массовой девиации, отошли в прошлое. Сгладились в общественном сознании последствия церковного раскола, его наиболее экстремальные проявления (массовые самосожжения, восстания старообрядцев) стали достоянием истории. Отдельные группы старообрядцев, более или менее успешно взаимодействующих с господствующей церковью, не становились источником беспокойства и девиантных проявлений для местной власти и населения. Церковь, судя по миссионерским отчетам,

ставила перед собой цель покончить со старообрядческим влиянием путем проповеди, церковного просвещения, убеждения сторонников «древлего благочестия», а не путем радикальных, репрессивных мер, т.е. не нарушая стабильность общества и исключая ответные проявления девиантности⁵.

Однако наряду с позитивными изменениями в религиозной политике Российского государства шло становление новых основ общества, содержащих предпосылки для развития девиантности. По данным современных исследований, новый существенный импульс к дальнейшему развитию девиантность получила в середине XIX в.: «Личная свобода, полученная в результате великих реформ, дорого обошлась обществу — она привела почти к четырехкратному росту преступности»⁶. Суды, полагает советский исследователь проблем преступности Остроумов, работали жестко и эффективно. Только за период с 1857 по 1865 г. число подсудимых увеличилось на треть, «а число осужденных в 1,5 раза»⁷. Но и в деятельности судебных органов отмечались девиантные проявления. Так, «специфической особенностью движения русской преступности следует признать выдающееся из ряду увеличение числа дел о лжеприсяге, лжедоносе и ложном свидетельстве»⁸.

В числе факторов, толкающих отдельных лиц на девиантные проявления, очевидно, можно назвать постепенно разворачивающийся процесс становления индивидуальной личности, разрушение устоявшихся норм коллективной жизни, существенное снижение влияния православной идеологии, заметное расслоение общества. Обычное право, справедливо указывает современник событий, перестало соответствовать требованиям времени и сдерживать девиантные проявления. Оно «не могло охватить собой всей той массы явлений, которыми осложнился правовой и хозяйственный быт сельского населения после реформы»⁹. Деревня, конечно, не могла стать оазисом спокойствия. Крестьянин прекрасно умел в самых тяжелых условиях «бороться за существование в своем родном крае», но «совершенно терялся в отрыве от него»¹⁰. Так зарождались агрессивные настроения, беспричинная злоба. Растущие города усиливали сохраняющиеся в сельской местности агрессивные настроения. Существует общемировая закономерность, согласно которой «несопоставимо большее количество преступлений совершается людьми, подверженными высокой географической мобильности»¹¹. Известно, что переезжающие из деревни в город и вырывающиеся из-под власти общины крестьяне часто проявляли склонность к девиантному поведению: «не привыкшие к самоконтролю, молодые люди легко давали волю агрессии, своим отрицательным импульсам и эмоциям»¹².

Итак, урбанизация становилась существенным фактором, способствующим девиантным проявлениям. Повсюду в России, и Олонецкая губерния здесь не исключение, городская жизнь являлась силой, подрывающей традиционные общинные институты¹³. В городской среде

общество не проявляло требовательности к человеку, а человек — к себе. Новые ценности буржуазной, городской культуры усваивались отдельными личностями, а затем транслировались «в сознание родовое», подтачивая его изнутри. В итоге многие современники с сожалением констатировали «рост расчетливости, эгоизма, утрату прежних нравственных ориентиров как основных мотивов поведения крестьян»¹⁴. Судя по отчету о состоянии Олонецкой епархии за 1904 г., время, проведенное в городах, меняло поведение крестьян самым заметным образом: «В тех местах, где сельское население по недостатку выгод от земледелия прибегает к отхожим промыслам, замечаются господствующие пороки: обман, зависть, сутяжничество, разврат, сквернословие, праздничный разгул, разлад в семейном быту, неуважение к старшим, семейные разделы и проч.»¹⁵.

Имеется и иной аспект динамики девиантности. Речь идет о территориальной сегментации девиантного поведения: преобладании той или иной формы отклоняющегося поведения на разных территориях Российского государства. Так, в середине XIX в. по «смертоубийству» лидировали Вятская, Пермская, Рязанская, Тобольская и Томская губернии, по «зажигательству» наибольшее количество случаев приходилось на Вятскую, Ярославскую, и Костромскую губернии, а в Олонецкой губернии по данным с 1856 по 1859 гг. «не было ни одного подсудимого по делам о поджогах»¹⁶. Самое большое число обвиняемых в разбое осуждено в Подольской губернии, «а в половине губерний вовсе не возникало дел по сему роду преступления». По грабежу в 1856 и 1857 гг. количество обвиняемых в одной Пермской губернии «составляло более половины количества преступников по всем губерниям в совокупности». При этом в Гродненской, Полтавской и Эстляндской губерниях «вовсе не возникало дел о совершении сего рода преступлений»¹⁷.

Сословная принадлежность, определяя имущественное положение и правовой статус, является существенным фактором девиантности. По данным конца XIX-начала XX в., связанным с Олонецкой губернией, в абсолютных цифрах среди преступников лидируют крестьяне¹⁸. Иногда их девиантные настроения принимали массовый, радикальный и угрожающий характер. Так, узнав о манифесте 17 октября, крестьяне Вытегорского уезда, как писал местный священник, «восприняли его превратно». Они решили «ехать целым обществом и разгромить ближайшие лесные дачи частных землевладельцев для того, чтобы правительство узнало об их недостатках и удовлетворило их нужды». Не соглашавшихся с ними односельчан они «хотели подвергнуть собственному суду и избиению». Священнику с трудом удалось предотвратить беспорядки¹⁹. Несколько меньшей в абсолютных цифрах стала в изучаемый период преступность в мещанской среде. Затем, в порядке убывания — лица привилегированных сословий: личные и потомственные дворяне, духовенство, купцы и почетные граждане. Но в относительных показателях, с учетом огромного про-

цента крестьян в населении губернии, картина становится иной. Наибольшее число преступников оказывается среди мещан, «затем идут привилегированные сословия и, наконец, крестьяне»²⁰.

Эта особенность прослеживается и на общероссийском уровне. Занимая доминирующее положение в абсолютном числе осужденных, крестьяне «по интенсивности преступлений находятся на одном из последних мест»²¹. В целом по России крестьяне составляли 82% населения, однако их численность среди преступников — лишь 61%; число лиц духовного звания составляло 1%, а число совершенных ими преступных деяний достигло лишь 0,6%²². Особенную склонность к совершению преступлений демонстрировали в конце XIX в. мещане, а также «отставные нижние чины и их семейства». Рассмотрение вопроса о месте проживания правонарушителей приводит к вполне ожидаемым выводам: «наше внимание поражается значительно большею преступностью городского населения сравнительно с уездным»²³. Виды преступлений существенно различаются в зависимости от сословной принадлежности правонарушителей. Для крестьян наиболее характерны нанесение увечий, убийства. У мещан и лиц привилегированных сословий оказалась наиболее развита преступность имущественного характера, а у последней категории населения столь же распространенными оказались должностные преступления. По общероссийским данным, среди купечества заметный процент составляли преступления, заключающиеся в «нарушении уставов торговли и промышленности»²⁴. Во всех перечисленных сословиях на рубеже XIX и XX вв. шел непрерывный рост числа правонарушений²⁵.

Многие конкретные факты проявлений девиантности связаны с духовным противостоянием деревни и города. Чаще всего речь идет о рабочих низкой квалификации, всецело поглощенных борьбой за выживание, которые стали заметной частью городского населения в Олонецкой губернии. На время возвращаясь из города в деревню, они шокировали своих односельчан и местное духовенство. Как говорилось в статье, написанной псаломщиком из Немжинского прихода Олонецкой епархии, на общем фоне выделяются «те субъекты, которые побывали в столице». Они «позволяют себе в праздничные дни выпить и с гармонией в руках бродить по селу, распевая неприличные песни»²⁶. Вытегорское духовенство в 1870-е гг. отмечало сходные явления, с огорчением констатируя, «что невозможно искоренить» укorenившиеся между местными жителями пороки: пьянство, распутство и «произношение скверноматерных слов». Причиной устойчивости дурных привычек стало влияние проезжающих по Мариинской водной системе, «где ежегодно проходят тысячи разного народа всякой веры и нравственности»²⁷.

В начале XX в. земская печать содержит аналогичные наблюдения. Как утверждал один из авторов, местное хулиганство, распространенное в Олонецкой губернии и принимающее в деревнях самые дикие формы, возникло «в больших городах и фабричных местечках,

в темных подвалах-притонах, фабричных трактирах, в воровских шинках и харчевнях, в тайных ночлежных приютах, игорных домах, между людьми, потерявшими всякое желание честного труда и ненавидящими мирное проявление этого последнего»²⁸. «Нравы их (жителей Вытегорского уезда.-М.П.) в последние годы еще более огрубели, благодаря влиянию фабричной и заводской цивилизации». Но старшее поколение менее поддавалось вредному воздействию: «своей религиозности и добрых обычаев многие старики еще не утратили»²⁹. Бурлаки, работающие в Пудожском уезде, в отрыве от привычного быта и семьи, вели разгульную и развратную жизнь. Нередко такой работник «заразится и сифилисом, которым впоследствии свою бедную семью и наградит»³⁰.

В рабочей среде внешние проявления девиантности современники связывали с изменениями в духовной жизни империи. С начала 1890-х гг. среди фабрично-заводских рабочих России начинает повсеместно фиксироваться религиозный индифферентизм³¹, что имело серьезные последствия для развития девиантности. В первые десятилетия XX в. разлагающее влияние города стало очевидным и представители духовной власти с тревогой отслеживали происходящие изменения: «Вредно влияют на народ и отхожие промыслы, откуда люди приходят как бы переродившимися, к сожалению, в дурную сторону: крестное знамение изображают плохо, а обычай принимать благословение у священника в иных местах исчез бесследно»³². Однако в селе, среди карелов, отмечали в начале XX в. современники событий, девиантность постепенно распространялась. Во время беседы карелы, как мужчины, так и женщины, «не считают неприличным сказать чуть не через слово, конечно, на своем языке, одно из неприличных выражений: “в рот” или “кобыле”»³³. Другой современник событий, учитель Роев, отмечал сходные явления в сельской жизни. «Есть деревушки, — писал он, — где на беседе не позволено ругаться матерно, где нельзя слишком вольно обходиться с девушками <...> К сожалению, это единичные случаи <...>»³⁴.

Коллективные формы девиантности связаны с такими противоположными настроениями и стереотипами поведения как праздники и народные волнения. Однако внешние проявления массового отклоняющегося поведения характеризуются схожими чертами. «Живописные толпы, — писал С. Московичи, — толпы экстравагантные, они всегда порождали воодушевление и будоражили воображение свидетелей, чудом оставшихся трезво мыслящими»³⁵. Трезво мыслить в период народных волнений следовало, прежде всего, чинам полиции. Согласно закону, им надлежало выяснить «против какого именно правительственного учреждения или должностного лица сопротивление или неповиновение было направлено», «был ли кто-либо из участников сопротивления вооружен». Далее следовало «выяснить подговорщиков и зачинщиков, т.е. тех, которые подговорили других к сопротивлению, или же распорядились их действиями, или же первые при-

ступили к сопротивлению»³⁶. Так, во время сельских праздников дикие сцены пьянства и разгула изумляли просвещенных земских деятелей, которые оставили самые яркие описания негативной стороны сельских праздников.

С точки зрения современных исследователей праздничной культуры, драки позволяли выяснить «актуальные позиции соперничающих групп», уточнить границы «их территориального доминирования»³⁷. Полученное в результате конфликта «представление о соотношении сил» могло создавать предпосылки для «дальнейшего развития межгрупповых отношений»³⁸. Журналисты и чиновники не обладали таким же хладнокровием и дистанцированностью при описании сельских конфликтов. По свидетельству из отчета пристава 2 стана Петрозаводского уезда за 1912 г., в повседневной жизни крестьян «в повседневной жизни крестьян большую роль играет в праздничное время развитое пьянство, последствием чего являются всевозможные преступления и проступки»³⁹. В этом же году полицейский урядник Кончезерского участка доносил Петрозаводскому уездному исправнику о недавней драке. В деревне Чупе во время праздника Казанской Божией Матери произошла драка, в которой участвовало с двух сторон 23 человека. Как удалось выяснить полиции, «крестьяне деревни Восточной в числе 10-ти человек пошли на крестьян деревни Западной, которых находилось 13-ть человек». Немногочисленной местной полиции «совершенно уничтожить беспорядок такой партии не удалось», но нанесение тяжких побоев все же удалось предотвратить. Полицейский урядник «во все продолжение такого смятения находился в среде дерущихся и обезоруживал», отбирая колья и камни. Произведенное дознание позволило выявить причины драки: «эти две деревни с давних лет враждуют между собою»⁴⁰. Выяснение отношений особенно активно происходило в праздничные дни.

Публикации в периодической печати позволяют дополнить эти лаконичные свидетельства новыми подробностями. Известно, что «началу драки предшествовало особое поведение, так называемое «прикалывание», целью которого было «оскорбление и унижение соперника, а также стимулирование собственной агрессивности»⁴¹. Карельские материалы подтверждают эту закономерность. В 1911 г. современник событий, скрывшийся за псевдонимом З., описывал внезапные метаморфозы сельских праздников. «Толпа пьяных гуляк с палками, гармониями и недопитыми бутылками в руках, шатаясь, сквернословя и распевая гадкие позорные песни, выходит на середину деревни и сразу овладевает всей территорией праздничной гулянки. Буяны кричат, поют, ругаются, свистят, разом играют на нескольких гармониях разные рулады и сжатыми кулаками расталкивают и разгоняют толпы мирно гуляющих»⁴². Вскоре пьяный разгул перерастает в драку. «С диким, нечеловеческим криком набрасывались хулиганы на неожиданных противников, которые в свою очередь не щадили без-

образников. Результатом сражения было несколько окровавленных избитых людей, валяющихся на земле»⁴³.

По описанию очевидца, торжества зачастую превращались в массовые побоища: «При общей свалке дерутся чем попало, бьют кого попало; посторонние и заступиться не смеют. Вой женщин: сестер, матерей, жен оглашают толпу. Бьют и их и посторонние, и родные, коих они стараются оттащить от драки. <...> Но какие бы картины развернулись перед вами во тьме праздничной ночи, если бы была возможность созерцать их, когда перепьются и сами хозяева праздника! <...> Вам расскажут, как толпа сорванцов ворвалась в дом, избива женщин, истоптала мужчин, как одного забияку бросили в колодец, как одна жена была избита мужем до потери сознания, другая лишилась зубов, третья оглохла ...»⁴⁴. Другой очевидец событий придерживался аналогичных воззрений на праздничную культуру начала XX в.: «В праздники по трактам, на коих расположены празднующие села, проезжать рискованно. Среди бела дня на деревенской улице могут избить или пустить в тебя поленом, камнем только за то, что ты незнакомый. Уж (факт) батюшки, обходящие с крестом празднующую деревеньку, принуждены брать провожатыми местных трезвых крестьян»⁴⁵. Среди местных жителей такое поведение считалось нормальным: «Мужики настолько привыкли, сжились со всей этой ужаснейшей вакханалией, что не видят в подобном праздновании ничего предосудительного. На следующий день они скорее с юмором, нежели сожалением, припоминают вчерашние похождения»⁴⁶.

События начала XX в. связаны и с иными формами коллективной девиантности. Простые механизмы появления коллективных форм девиантности выявил Дж. Брэйтуэйт: «Общества, в которых большие группы населения ощущают, что легитимные возможности для них заблокированы, характеризуются социально-психологическим напряжением, ставящим многих перед необходимостью искать нелегитимные способы достижения целей». Эта система, полагал Дж. Брэйтуэйт, способна к самовоспроизводству и обретению новых качеств: «При достаточной плотности такого населения существует опасность того, что эти люди сформируют субкультуру, которая обеспечит их информацией относительно поиска и использования нелегитимных возможностей, а также обучит приемам нейтрализации чувства вины, возникающего как следствие претворения в жизнь этих возможностей»⁴⁷.

Универсальное описание подобных проявлений отклоняющегося поведения оставил С. Московичи: «Это воплощение беспричинной, разнузданной жестокости, стихийного бушевания массы, несанкционированно собравшейся вместе. Действия против личности, грабежи — все это в ее духе. Она противодействует властям и абсолютно не признает законов»⁴⁸. Расследование реальных ситуаций, связанных с коллективными формами девиантности, показывает, что нередко имело место вовлечение в те или иные девиантные проявления рабочих, не согласных участвовать в волнениях. Так, в 1907 г., судя по опреде-

лению окружного суда, рабочие, трудившиеся «на месте свалок лесных материалов», просили лесопромышленников «уменьшить кладку дров», но «не получили исполнения просьбы». Тогда они прекратили работу и никому не позволили работать, «причем подстрекатели первые прекратили работы, обломали свои станки, раскатывали костры и приглашали других рабочих бросать работы, угрожая заставить силой прекратить работы». Забастовка закончилась только после пересмотра норм выработки⁴⁹.

Далеко не всегда коллективные формы девиантности связаны с рациональными поступками (например, повышение заработной платы или снижением норм выработки). Нередко они обусловлены глухим недовольством, поводом к которому могли служить самые незначительные происшествия. Так, в 1906 г. петрозаводский полицмейстер Кринов сообщал губернскому прокурору, что массовые волнения на Торговой площади в Петрозаводске связаны с поведением одного из мастеровых. Он оказался свидетелем произошедшего и составил подробный отчет. По окончании представления в местном цирке зрители начали выходить из здания. Внезапно в толпе началась драка. Прибежавшие на крик полицейские выяснили, что двое мастеровых избили крестьянина Николая Степанова, приехавшего на представление из деревни Виданы. Попытка разобраться в причинах столкновения не увенчалась успехом. Толпа на площади, состоящая преимущественно из заводской молодежи, «окружила городских и закричала “бей полицию, долой полицию!”». Один из находившихся на площади мастеровых закричал «бей доносчика!», и толпа бросилась на пострадавшего Н. Степанова. Несколько мастеровых стали бить его железными палками. Пострадавшего с трудом и риском для собственной жизни спасла супруга. Петрозаводский полицмейстер, случайно оказавшийся на месте событий, уговаривал толпу разойтись. Горожане начали успокаиваться, но делу помешал один из полицейских. Он «сильно ударил шашкою в ножнах кого-то из участвующих в беспорядках». «Толпа закричала претензию и нахлынула на полицию». В стражей порядка полетели камни «и нижние чины, не выдержав таких насильственных действий, разбежались». Все задержанные оказались на свободе, а «производившая буйство толпа, около ста человек, от цирка направилась с пением революционных песен к гостиному двору, где на углу разгромила полицейскую постовую будку». Далее мастеровые направились к Аврамовскому мосту, по пути разгромили две «полицейские постовые будки». Наконец толпа остановилась у квартиры полицмейстера, пела революционные песни, а затем, по предложению одного из бунтарей, мастеровые хором исполнили «вечную память» хозяину жилья. «С этим пением толпа разошлась в разные стороны»⁵⁰.

При изучении коллективных форм девиантности мы имеем дело с двумя формами проявления отклоняющегося поведения. Одни формы (праздничная культура) связаны преимущественно с традиционными праздничными «бесчинствами». Они расценивались как должное,

осуществлялись по десятилетиям апробированным сценариям и шокировали лишь образованных (и, самое главное, посторонних) наблюдателей из числа журналистов и земских деятелей. Другие формы коллективной девиантности связаны с экстремальными ситуациями, внезапными, незапланированными всплесками агрессивности, суть которых заключалась в недовольстве теми или иными социальными условиями. При этом накопившаяся злоба проецировалась на тех представителей власти, которые, в глазах участников беспорядков отождествлялись с существующим режимом.

Сочетание многообразных конфликтов, ведущих к девиантным проявлениям, представляло собой основу повседневной жизни крестьян Олонецкой губернии. Девиантность может рассматриваться, во-первых, как сочетание архаических проявлений человеческой психики, агрессивности и кровожадности. Во-вторых, девиантность связана с традиционными формами реагирования на сложные ситуации и решения возникающих проблем исходя из действующих на данный момент норм. Традиционные нормы поведения открывали путь для коллективных проявлений девиантности, большей сплоченности индивидов и повышали вероятность безнаказанности. На этом фоне инновации (преимущественно в социально-экономической сфере) становятся существенным фактором возникновения девиантных проявлений, но одновременно способом их преодоления. Таким образом, девиантность представляется как сочетание социальных и природно-биологических факторов, вынуждающих общество с защитными целями создавать инновации, которые могли иметь внутреннее происхождение и быть связанными с насущными потребностями развития сельских сообществ, но могли целиком зависеть от внешних факторов и, прежде всего, законодательных нововведений. Все трансформации и конфликты различаются также по степени охвата населения и радикальности.

По утверждению современных специалистов, «когда индивид прочно усваивает определенную цель, но легитимные способы достижения этой цели для него заблокированы, он стремится к использованию нелегитимных средств достижения цели»⁵¹. Исходя из этой простой логики нетрудно догадаться, что наиболее ощутимые и постоянные, повседневные конфликты связаны с имущественными вопросами. Основным источником противостояния стала земля. Многочисленные земельные споры могут быть подразделены на внутрисословные судебные и внесудебные разбирательства, в основе которых лежал конфликт земледельцев-крестьян, и межсословные, наиболее типичным из которых стало перераспределение земли между духовенством и прихожанами. В последнем случае сообщество крестьян нередко выступало как сплоченный коллектив, противостоящий отдельному семейству священника или причетника или клиру в целом. В течение всего изучаемого периода разбирательства могли проходить как на основе писаного закона, с использованием данных генерального

межевания и других документов, так и с опорой на обычное право, где важнейшим доказательством становилась давность владения земельных участком.

Проблемы поддержания статуса и попытки использовать достигнутые социальные позиции для решения имущественных и других жизненно важных проблем наиболее характерны для привилегированных слоев общества. У низших слоев общества эта потребность реализовывалась в виде драк на праздниках, носивших регулярный характер и поддерживаемых традицией. В начале XX в. попытки решения назревших проблем насильственным путем вылились в народные волнения, стычки с полицией, демонстрации и другие формы массового протеста. Нередко массовое девиантное поведение могло принимать замаскированные, латентные и слабо поддающиеся выявлению формы, связанные с той или иной разновидностью творчества, интенсивного создания новых форм поведения в профессиональной сфере, формирования альтернативных господствующей церкви профессиональных сообществ. Это, прежде всего, старообрядческое движение, сохраняющее широкие масштабы, но постепенно в XVIII-начале XX в. утрачивающее радикальность. Во-вторых, это всевозможные формы внехристианских верований, не утрачивающих со временем свое значение и влияние и не столько конкурирующих, сколько интегрированных в христианские культы. Все это создавало возможность для менее радикальных проявлений протеста, но в то же время способствовало консервации настроений, связанных с неприятием фундаментальных основ существующего строя.

В ответ на проявления девиантности, угрожающие общественному спокойствию и «благочинию», принимались жесткие меры. Однако судебные приговоры, наказания виновных сами по себе не были способны противостоять девиантным проявлениям, число которых постоянно и существенным образом увеличивалось. Одним из существенных факторов здесь стала кадровая проблема: число подготовленных работников, способных вести следствие и выносить приговоры, опираясь на сложное законодательство Российской империи, оставалось в северной провинции небольшим и слабо, медленно увеличивалось на протяжении всего XIX в. Многие девиантные проявления, представляющие общественную опасность, не укладывались в рамки действующего законодательства, подлежали церковному суду, но и здесь возникали существенные сложности, как в разграничении полномочий судов, так и в гибком и быстром реагировании на происходящие события.

Поэтому в основу борьбы с девиантными проявлениями была положена идея предотвращения конфликтов, решения наболевших проблем исходя из таких принципов, которые на тот момент представлялись как справедливыми, так и оптимальными для интересов государства. Одним из таких способов решения имущественных, наиболее сложных и фундаментальных проблем, стало генеральное межевание,

задача которого состояла в наделении крестьян, приходского духовенства и других субъектов хозяйствования земельными наделами на просвещенной, соответствующей сложившимся на тот момент представлениям о справедливости основе. Это смелое начинание нередко оказывалось безрезультатным. Действия землемеров вызывали болезненную реакцию сельского населения в основном потому, что они не соответствовали нормам обычного права, в соответствии с которыми давность владения и вложенный в земельный участок труд (осушение болот, подсечные работы), а не «рациональные» решения заезжих землемеров. Нередко итоги генерального межевания порождали новые конфликты, в которых одна сторона ссылалась на карты и планы, а другая на давность владения. Исход таких споров оказывался непредсказуемым. Девиантность, затрагивающая экономические основы жизнеустройства крестьянского мира, связана и с увеличением имущественного расслоения. Рост частнохозяйственной инициативы в крестьянской среде «имел своим результатом помимо прочего еще и усиление раскола деревни, создавая угрозу воспроизводству императивов эгалитаризма»⁵².

Другим существенным фактором, призванным решить ряд проблем девиантности, стало формирование и развитие системы народного образования. Не стоит видеть в увеличении числа школ лишь простой рост числа учреждений, дающих рациональные знания о мире, а в основном обучающих чтению и счету. Значение школ заключалось в преодолении сложившихся гендерных стереотипов, приучении молодежи к цивилизованным формам общения, расширении кругозора. Оценка влияния школ на девиантность является сложной исследовательской задачей. С одной стороны, школа вырывала мальчиков и девочек из крестьянской среды, где поведение в значительной мере определялось традиционными нормами, а отклонение от них нередко приводило к насилию по отношению к лицам, не согласным с освященным веками укладом. С другой стороны, школа открывала простор для формирования новых поведенческих стереотипов, не все из которых оказывались положительными. Кроме того, современники не без оснований указывали на печальный факт: живя среди крестьян, учителя постепенно впитывали не самые лучшие нормы поведения местных жителей и зачастую не могли стать препятствием на пути девиантных проявлений или даже просто служить примером для воспитанников.

Церковное влияние, наряду с образованием, могло стать заметным фактором, препятствующим развитию девиантных проявлений. Однако в действительности нередко имело место обратное: деятельность некоторых представителей духовного сословия, их сознательный выбор или неосторожные поступки влекли за собой серьезные проблемы, рост девиантных проявлений и напряженности в обществе. Существование приходов нередко было связано с многочисленными и разнообразными конфликтами, одни из которых обуславливались

конфессиональными противоречиями (влияние старообрядчества, проблемы при осуществлении церковных таинств), но другие были связаны с имущественными вопросами. Однако те и другие проблемы существовали не раздельно, а значительно чаще оказывались переплетены. Ведь конфликтующий с прихожанами пастырь не мог рассчитывать на полную откровенность при таинстве исповеди, регулярное посещение богослужений и, тем более, на материальную помощь со стороны прихожан в деле создания и поддержания церковного «благолепия». Церковная власть между тем подталкивала приходское духовенство к борьбе против старообрядческого влияния, еще более усиливая вероятность конфликтов пастыря с духовенством, приводя к заметным противоречиям между крестьянами и священником, поневоле посягающим на устоявшиеся нормы поведения и освященные веками обычаи.

Все перечисленные конфликты были перенесены в городскую среду. Но здесь они претерпели серьезную трансформацию. Если в сельской среде агрессивные проявления сдерживались традиционными нормами поведения, то в городе отдельные личности могли получить простор для проявления негативных эмоций. Отсутствие ясных перспектив, бытовая неустроенность, богатство, соседствующее с бедностью, и соблазны городской жизни не могли не влиять на формирование негативного поведения. По мере развития городов в них начали проявляться массовые формы недовольства существующим положением дел, принимающее массовые формы. В начале XX в. отчетливо проявились и стали заметной частью криминальной хроники преступления государственного характера: участие в тех или иных формах антиправительственного, революционного движения. Коллективные формы девиантности, оставаясь столь же многочисленными, оказались перенесены в города, стали более частыми, а возможности власти действовать привычными жесткими методами, напротив, стали ограниченными. О причинах этого нового явления, опираясь на местные материалы, В.А. Копяткевич: «Люди выбиты из старой, веками проложенной колеи, люди должны устраиваться заново. Как много людей оказывается беспомощными в таком положении! Как многие из них должны пойти по скользкой дороге преступления!»⁵³.

¹ Пулькин М.В. Повседневность религиозности: конфликты духовенства и прихожан в XVIII в. (По материалам Олонецкой епархии) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «История России». 2003. № 2. С. 14-19.

² Никольский А. Земля, община и труд. Особенности крестьянского правопорядка, их происхождение и значение. СПб., 1902. С. 161.

³ Сухова О.А. Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX-начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. М., 2008. С. 105.

⁴ Из жизни повенецких корелов // Олонецкие губернские ведомости. 1902. № 131. С. 3.

- ⁵ *Козлов И.* Миссионерский отчет о состоянии и движении раскола Олонецкой епархии и деятельности епархиальной миссии против раскола и сектантства за 1911 год // Олонецкие епархиальные ведомости. 1912. № 22 (Приложение). С. 15-23.
- ⁶ *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 2. С. 97.
- ⁷ *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 97.
- ⁸ *Тарновский Е.Н.* Движение преступности в Европейской России за 1874-94 гг. // Журнал министерства юстиции. 1899. № 3. С. 143.
- ⁹ *Бржеский Н.* Очерки юридического быта крестьян. СПб., 1902. С. 185.
- ¹⁰ *Пайнс Р.* Русская революция. Часть первая. М., 1992. С. 128.
- ¹¹ *Брэйтуэйт Дж.* Преступление, стыд и воссоединение. М., 2002. С. 83.
- ¹² *Мионов Б.Н.* Социальная история России периода империи (XVIII-начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. Т. 2. С. 95.
- ¹³ *Энгелстейн Л.* Нравственность и деревянная ложка: сифилис, секс и общество глазами российских врачей (1890-1905) // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период. Самара, 2000. С. 239.
- ¹⁴ *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX-начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. С. 174.
- ¹⁵ Национальный архив Республики Карелия (далее - НА РК), ф. 25, оп. 20, д. 9/97, л. 29, об.
- ¹⁶ *Орлов И., Хвостов А.* Материалы для уголовной статистики России // Журнал министерства юстиции. 1860. № 10. С. 56.
- ¹⁷ Там же. С. 57.
- ¹⁸ *Копяткевич В.А.* Преступность в Олонецкой губернии за пятнадцатилетие. 1897-1911 гг. Петрозаводск, 1914. С. 15.
- ¹⁹ *Маклионов К.* Из села Ухты, Вытегорского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 1. С. 26-27.
- ²⁰ *Копяткевич В.А.* Преступность в Олонецкой губернии за пятнадцатилетие. 1897-1911 гг. С. 15-16.
- ²¹ *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 97.
- ²² *Чупров А.* Некоторые данные о нравственной статистике России // Юридический вестник. 1884. № 8. С. 636.
- ²³ Там же. С. 636.
- ²⁴ *Остроумов С.С.* Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 97.
- ²⁵ *Копяткевич В.А.* Преступность в Олонецкой губернии за пятнадцатилетие. 1897-1911 гг. С. 15-16.
- ²⁶ *Фарсионов А.* Немжинский приход Лодейнопольского уезда // Олонецкие епархиальные ведомости. 1906. № 13. С. 511.
- ²⁷ НА РК, ф. 25, оп. 1, д. 60/1, л. 66.
- ²⁸ *З. Хулиганство.* Из деревенских наблюдений // Вестник Олонецкого губернского земства (далее - ВОГЗ). 1911. № 20. С. 17.
- ²⁹ *С.* Из записок статистика. Деревня Савина, Вытегорской области // ВОГЗ. 1910. № 24. С. 22.
- ³⁰ *И.Г.* Село Шала, Пудожского уезда (Бурлаки. Условия бурлацкой жизни) // ВОГЗ. 1911. № 7. С. 19.
- ³¹ *Андреева Л.А.* Феномен религиозного индифферентизма в Российской империи // Общественные науки и современность. 2008. № 4. С. 116.
- ³² *Козлов И.* Миссионерский отчет о состоянии и движении раскола Олонецкой епархии и деятельности епархиальной миссии против раскола и сектантства за 1911 год // ОЕВ. 1912. № 22. С. 14 (Приложение).
- ³³ *Георгиевский М.Д.* Карелы // ВОГЗ. 1908. № 20. С. 3.
- ³⁴ *Роев В.* Деревенская тьма и школьные чтения // ВОГЗ. 1910. № 17. С. 6.
- ³⁵ *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. С. 64.
- ³⁶ *Степанов А.В.* Инструкция чинам полиции по обнаружению и исследованию преступлений. Петрозаводск, 1913. С. 90-91.
- ³⁷ *Морозов И.А., Слепцова И.С.* Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX-XX вв.). М., 2004. С. 94.

-
- ³⁸ Там же. С. 192.
- ³⁹ НА РК, ф. 324, оп. 2, д. 33/9, л. 62.
- ⁴⁰ Там же, ф. 324, оп. 1, д. 52/7, л. 145-145, об.
- ⁴¹ *Морозов И.А., Слепцова И.С.* Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX-XX вв.). С. 198.
- ⁴² З. Хулиганство. Из деревенских наблюдений // ВОГЗ. 1911. № 20. С. 17.
- ⁴³ Там же. С. 17.
- ⁴⁴ *Zet.* Праздники и народное пьянство // ВОГЗ. 1910. № 19. С. 27.
- ⁴⁵ *Забивкин И.* Алкоголизм и начальная школа // ВОГЗ. 1911. № 10. С. 3.
- ⁴⁶ *Zet.* Праздники и народное пьянство. С. 27.
- ⁴⁷ *Брэйтуэйт Дж.* Преступление, стыд и воссоединение. С. 62.
- ⁴⁸ *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998. С. 64.
- ⁴⁹ НА РК, ф. 30, оп. 4, д. 11/131, л. 2, об.-3.
- ⁵⁰ Там же, ф. 30, оп. 11, д. 3/24, л. 10-10, об.
- ⁵¹ *Брэйтуэйт Дж.* Преступление, стыд и воссоединение. С. 60.
- ⁵² *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания: Очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (конец XIX-начало XX в.) по материалам Среднего Поволжья. С. 139.
- ⁵³ *Копяткевич В.А.* Преступность в Олонецкой губернии за пятнадцатилетие. 1897-1911 гг. С. 21.

ВОССТАНИЕ КАК АКТ, БУНТАРЬ КАК КУЛЬТУРНАЯ РОЛЬ:

социальная перформативность в истории Бразильской Империи

На современном этапе гуманитарные исследования развиваются в условиях постоянно растущей междисциплинарности. Одной из форм интердисциплинарного подхода в западной исторической, политической и социальной науках является принцип перформативизма. Один из крупнейших историков современного Запада Питер Берк подчеркивает, что гуманитарные исследования пребывают в состоянии «перформативного поворота»¹. В рамках перформативистской интерпретации прошлого история предстает как история различных культурных, политических, социальных, религиозных ролей. Эти роли могут быть коллективными и индивидуальными, а их «исполнение» – вынужденным или добровольным. В этом контексте история трансформируется в историю различных актов, утрачивая характеристику целого и / или целостного.

Обращение к принципам перформативизма и попытка представить, «вообразить» историю и историческое прошлое как некий «performance», не только разрушает наше представление об истории как некой фактологической данности. История в рамках подобной интерпретации фрагментируется. Принципы перформативизма приложимы и к изучению истории Бразильской Империи². В этом случае мы отходим от восприятия имперской истории как истории исключительно событийной, но вместе с тем и деперсонифицированной. В результате перформативистских интерпретаций история Империи перестает быть историей двух императоров, нескольких десятков министров, историей экономической статистики, связанной с продажами кофе. История преобразуется в истории отдельных социальных, культурных и политических пространств. Фрагментированная история, избавленная от принципов социальной и экономической предопределенности, превращается в историю ролей – социальных, культурных, расовых...

Поэтому, в центре авторского внимания в настоящей статье – проблемы протестной истории Бразильской Империи в контексте «перформативного поворота». Комментируя потенциал этого метода, П. Берк пишет: «мир изменяется, и мы начинаем видеть прошлое под новыми, незнакомыми прежде углами зрения»³. Автор предпримет попытку проанализировать негритянские восстания как своеобразные

расовые, политические и социальные акты, а также показать, как они отразились в культуре поздней Империи.

История Империй – это и история антиимперских движений, движений внесистемных, альтернативных, движений социального протеста, сопротивления и несогласия. Существование любой империи в истории неизбежно порождает и антиимперский протест. Формы этого протеста и несогласия в зависимости от эпохи и социальных условий, политических процессов и религиозных предпочтений населения могут значительно варьироваться и различаться. Империи представляли собой тот тип государственности, который отличался тенденциями к последовательной иерархизации общества. В истории империй, вероятно, просматривается определенная тенденция, связанная со степенью современности или архаичности имперских политических структур, а так же социальных и экономических отношений. Это характерно для империй европейского типа, которые существовали на протяжении второй половины XVIII, всего XIX и начала XX столетий.

Бразильская Империя принадлежала к числу имперских государств, что, в свою очередь, влекло формирование не просто особого типа политической культуры и идентичности, но так же и особой политической лояльности, которая принималась не всеми жителями страны. Традиционно в Империях определенный процент их жителей в силу тех или иных причин склонен не принимать сам имперский тип политической организации, отторгая и не признавая имперские политические институты. Такие люди, протест которых против Империи нередко развивался под республиканскими лозунгами, сознательно не принимали и отторгали Империю, приписывая ей архаичный характер, полагая, что республиканский тип правления в наибольшей степени соответствует предпочтениям граждан. В советской латиноамериканистике доминировал своеобразный «большой нарратив», согласно которому вся история Империи была историей республиканских антиимперских движений, стремившихся установить в Бразилии республиканское правление⁴.

В наиболее развитых современных империях, в частности – в Германской, Австро-Венгерской и Британской, условия для применения политического и физического насилия в рамках протестных движений были минимальны. Исключения составляют имперские периферии Британии, Ирландия и Индия, где политический национализм переплетался с этническим, развиваясь и функционируя в совокупности с социальными проблемами и религиозными противоречиями. На протяжении XIX века наиболее архаичными империями являлись Российская, Османская и Бразильская, европейскость которых может быть в одинаковой степени оспорена. Исключим из этой триады Османскую Империю в виду того, что в XIX столетии этот «больной человек Европы» воспринимался как человек восточный, нежели действительно европейский. Российская и Бразильская Империя были близки в виду

значительной социальной архаики экономических и производственных отношений на фоне европейского характера политических элит.

Близость носителей «высокой культуры» в Бразильской Империи к европейским традициям и нормам была, вероятно, даже больше чем у российских правящих элит. В этой ситуации Бразильская Империя, расположенная в Южной Америке, была более европейской, чем Российская Империя, частично расположенная в Европе. Выше мы констатировали, что эти две Империи близки в сфере социальных отношений, точнее – их архаики, которая проявлялась в существовании в Бразилии института рабства⁵, а в России – крепостничества. И рабство, и крепостное право были теми факторами, которые в наибольшей степени стимулировали протест рабов в Бразилии и крепостных крестьян – в России. Динамика и проявления крестьянских войн, восстаний и бунтов в Российской Империи относится к числу тем достаточно изученных – поэтому, не имеет смысла останавливаться на особенности крестьянского протеста в России.

В Бразильской Империи существовали не только условия для политического протеста, но и традиции антиимперских политических движений, которые развивались под влиянием различных факторов – внутренних и внешних. Вероятно, важнейшим внешним фактором, который стимулировал антиимперский протест, было то, что все государства, которые сложились в Латинской Америке в результате национальных движений, всплеска политического и гражданского национализма, отделения от Испании, избрали в качестве модели развития республику.

Успехи республиканцев в строительстве национальных государств в других странах Южной Америки, вероятно, в значительной степени стимулирующее влияли на антиимперский протест. С другой стороны, хотя Бразилия и стала Империей после провозглашения независимости, политический режим был относительно либеральным, что создавало не только условия для политического участия, но и для открытого политического протеста, в том числе – и против Империи. Восстания имели разный состав участников, которые являлись носителями различных социальных и культурных идентичностей. Особым проявлением протеста были восстания негров – рабов, а так же различных категорий свободного и полусвободного населения. Восстания были реальной проблемой для имперских властей почти на протяжении всего периода существования Бразильской Империи.

Истоки социального протеста негров в Бразильской Империи разнообразны. По мнению Абу Альфа Мухаммада Шарифа бин Фариды нередко они были связаны со спорадическими вспышками «восстания, сопротивления и постепенной социальной трансформации»⁶, которые размывали традиционные отношения в рамках негритянских сообществ в Империи⁷, последовательно способствуя их радикализации и переходу к насильственным методам в политический процесс⁸, из которого они в силу своего статуса были фактически исключены⁸.

Бразильская Империя была не самым стабильным в политической сфере государством имперского типа, периодически сталкиваясь с вызовом со стороны массовых движений, которые ставили под сомнение ее легитимность. Столь частые внесистемные активизации подданных Империи, вероятно, свидетельствует о правоте предположения американского исследователя Э. Хоффера⁹, считавшего, что отличительной особенностью массовых движений является их взаимосвязь и сменяемость, генетическая связь между ними.

Одним из первых крупных проявлений антиимперского протеста в Бразильской Империи, которое протекало под республиканскими лозунгами, было восстание 1824 года, которое вылилось в попытку отделения части провинций, провозгласивших Конфедерацию Экватора (*Confederação do Equador*). Восстание развернулось на Северо-Востоке Бразилии, его инициаторами выступили крупные земельные собственники недовольные внутренней политикой Педру I. Центрами восстания были Пернамбуку, Цеара, Ресифи. Восстание, ставшее проявлением националистического гражданского (политического) националистического возбуждения, протекало под лозунгами республиканского национализма. Именно поэтому на флаге Конфедерации в качестве девиза значилось «*Religião, Independência, União, Liberdade*». Четыре эти категории, заявленные в качестве политических приоритетов и ориентиров, вероятно, свидетельствует о том, что национализм в Конфедерации Экватора был далек от своего институционального и идеологического оформления, о чем, в частности, свидетельствует то, что наряду с тремя светскими, вполне приемлемыми для гражданского национализма категориями («независимость», «союз» и «свобода»), декларировалась и «религия».

Подобный набор политических лозунгов-символов подчеркивает и то, что идеологами восстания были носители «высокой культуры», а сам местный национализм развивался как совокупность политических трендов, инициаторами и вдохновителями которых были элиты, в том числе – и традиционалистские, о чем, в частности, свидетельствует наличие «религии» среди лозунгов сепаратистов. Попытка отделения стала не просто проявлением политического протеста и несогласия с политикой Империи – восстание в этой ситуации было своеобразным массовым движением, по определению американского исследователя Э. Хоффера, «средством перемен»¹⁰. Политическим поводом для восстания стал роспуск Педру Учредительного собрания, призванного разработать Конституцию и попытки монарха править самостоятельно, без парламента. Лидером восстания стал Мануэл ди Карвальу, который 2 июля 1824 года провозгласил Конфедерацию, пытаясь создать независимое государство от Байи до Гран-Пары. Конфедерация Экватора была относительно быстро разгромлена правительственными войсками, прекратив свое существование к 9 ноября 1824 года.

Активными участниками протестных внесистемных движений в Бразильской Империи были негры. Негры, проживавшие в Бразильской Империи, и которые являлись рабами в Империю попадали или естественным путем, или будучи привезенными из Африки¹¹. Африканские культурные нормы, принесенные неграми через океан были архаичными и традиционными. В Бразильской Империи они сталкивались с новыми культурами и идентичностями, в том числе и связанными с негритянскими сообществами. Эти культуры объективно были более развиты, чем нормы, принесенные из Африки, что способствовало размыванию и разрушению традиционных негритянских идентичностей.

Те негры, которые родились в Империи проходили социализацию в условиях культуры, которая была в значительной степени европейской и, вероятно, единственным языком их общения мог быть португальский с некоторыми лексическими негритянско-африканскими лексическими заимствованиями. Нередко их социализация протекала и в рамках христианской католической модели в то время, когда часть негров, доставленных из Африки, исповедовала ислам. В условиях Бразильской Империи ислам был формой социального протеста негров против их статуса. В этой ситуации социальный вызов, направленный против Империи, сочетался и смыкался с религиозным. В той ситуации, когда негры в Империи идентифицировали себя именно с религиозными и культурными нормами способствовало тому, что «угнетаемая группа имеет возможность защищать свою собственную идеологию и культуру, что проявлялось в насилии»¹², направляемом против доминирующего сообщества и его культуры.

Ситуация с негритянским протестом в Бразильской Империи, в частности – в Байе, осложняется и тем, что исламские тренды были представлены не только рабами, но и свободными жителями города¹³, которые сохранили часть культурно-религиозных норм, принесенных из Африки, в том числе – и ислам. В этом контексте, используя термин П. Берка, восстания могут быть определены как «сильно ритуализованные действия»¹⁴. Байя была одним из экономических центров в Бразильской Империи, где проживало значительное число мусульман. Кроме этого в Империи Байя относилась к числу наиболее развитых регионов, который сформировался как экономический центр, чему способствовала торговля сахаром, спрос на который на внешних рынках возрос в 1800-е годы¹⁵.

В Байе проживало немало мусульман, которые принимали участие в восстаниях 1822, 1826, 1827, 1828, 1830 и 1835 годов. Несвободное черное население, например, в Байе к 1807 году составляло 25.052 человека, в то время когда свободных белых (как правило, лузо-бразильцев) в городе проживало 14.260 человек. Третьей категорией было свободное цветное население, составлявшее 11.350 человек¹⁶. К 1850 году, к моменту прекращения экспорта рабов в Бразильскую Империю, в страну было ввезено около трех миллионов аф-

риканцев¹⁷. Процент несвободного населения был очень значителен, что делало социальную ситуацию в тогда еще португальской Бразилии, а позднее – и в Бразильской Империи, крайне нестабильной.

Негры, которые жили на территории Империи в 1820-е годы, условно могут быть разделены на две группы – рабов (*escravo*) и полунезависимых негров, связанных с бывшими хозяевами (*de ganho*)¹⁸. *Cantos de pretos* – оживленные места Байе, связанные с рынками – использовали двумя категориями негров для встреч, что вело к обмену информацией между представителями этих сообществ. По мнению бразильского социолога Нестора Дуарти, значительное влияние на формирование бразильской модели социальных отношений в Империи оказал колониальный период, когда были заложены основы «социальной организации» бразильского общества¹⁹. Нестор Дуарти полагал, что бразильское общество формировалось на протяжении длительного времени через синтез лузо-бразильских (португальских) и африканских элементов. Значительную роль сыграло то, что территория будущей Бразилии была колонизирована именно португальцами, которые принесли в колонию социальные отношения и экономические институты, характерные для Португалии

К категории *de ganho* в социальной структуре Байи были близки мулаты. Мулаты представляли собой особую категорию в социальной организации бразильского общества периода Империи. Мулаты могли быть крупными собственниками и обладать всеми политическими правами, не уступая в своем статусе белым, а иногда и превосходя их экономическим влиянием. Но такие мулаты в официальных документах могли значиться как белые. При этом, чем белее была их кожа – тем больше шансов у них было в деле продвижения вверх по социальной лестнице. Среди мулатов большинство составляли католики. Часть мулатов достигла в Империи высокого положения. В 1831 году Жозэ Корнейра ди Силва писал, что среди мулатов немало рабовладельцев, собственников плантаций и обширных пастбищ, которые занимают государственные должности²⁰.

Среди рабов было немало мусульман, что относится к неграм, привезенным из Африки и принадлежавшим к этническим группам хауса, нупе, фулани и малинке. Негры из групп йоруба, асанте, дахоми принадлежали к сообществам, которые подвергались исламизации²¹. Ислам был важным фактором, который способствовал консолидации черных рабов в Бразильской Империи на раннем этапе ее существования. Именно ислам способствовал консолидации черных сообществ, содействовал росту грамотности, так как обучать негров-рабов португальскому языку было запрещено. Факторы религиозной непринадлежности к вере господ (католицизм) и неравноправный социальный статус провоцировали восстания с участием бразильских мусульман.

Часть восстаний приходится на ранний этап существования Бразильской Империи – период между 1822 и 1830 годами. Создание Им-

перии принесло освобождение лузо-бразильцам, а так же незначительному числу местных креолов и мулатов. Институт рабства в Бразильской Империи возник в силу специфики модели развития, основанной на экономике монокультур. Примечательно то, что несмотря на существование рабства в Империи не сложилась развитая идеология расизма, в основе которой лежала бы вера в биологические различия рас. Один из крупнейших бразильских философов Альберту Торрес ставил под сомнение именно расовую аргументацию расцвета и упадка, полагая, что в Бразилии более значительную роль играет социальный фактор, что ведет к формированию не биологически, но социально выделенных расовых групп – «социальных рас»²². Альберту Торрес полагал, что уже в начале XX века в Бразилии сложились предпосылки для формирования бразильской нации на локальном уровне как «объединения отдельных лиц и семей, которые живут в Бразилию с намерением остаться»²³.

В Байе в период ранней Империи среди собственников плантаций определенный процент составляли мулаты и креолы. 1822 год был отмечен не только появлением Империи, но и тремя восстаниями негров, которые частично протекали под мусульманскими лозунгами. Волнения начались в поселении Сан Матеус. Лидерами восстания были Клаудину ди Езус и Луиз Бенгуела, которые руководили отрядам из семидесяти негров. Восстание было подавлено сравнительно быстро, более пятидесяти восставших было убито. В 1822 году произошло восстание в Итапарике, которое так же было быстро подавлено, а негры, принимавшие в нем участие, частично были убиты, частично подвергнуты наказаниям. Наиболее крупное восстание 1822 года произошло в Сальвадоре²⁴. На подавление восстания были отправлены войска генерала Педру Лабутата. В результате действия правительственных войск 21 человек был убит в ходе сражения, 51 казнен после подавления восстания, 12 – подвергнуто публичным наказаниям. В 1826 году состоялось восстание, которое возглавил Жозэ да Силва Баррос, принадлежавший к этнической группе йоруба. Восстание было сравнительно быстро подавлено.

Восстания 1822 и 1826 годов сближает то, что рабы пытались реорганизовать социальные отношения в рамках контролируемого ими сообщества. Комментируя подобные контент восстаний, П. Берк подчеркивал, что «участники массовых насильственных действий следуют определенному “репертуару”»²⁵. В подобном контексте восстание следует воспринимать как определенный протестный ритуал, а участие в нем как совокупность социальных и культурных ролей. Лидеры восставших объявляли себя королями, пытались реанимировать африканские традиции и обычаи. В этом контексте антиимперский проект был, вероятно, не антиимперским по своей природе, а направленным на восстановление архаики, разрушение которой связывалось с пленением и переселением из Африки на территорию Бразильской Империи. В декабре 1826 года состоялось восстание негров в Уруба. Более

ста негров сбежали с плантации и собрались в месте, называемом «quilombo», где она занялись совершением обрядов, сочетавших христианские и языческие традиции²⁶. Восставшие напали на одно из лузо-бразильских селений, убив при этом несколько белых. Первоначально восстание пытались подавить местные плантаторы. Во время стычки с неграми трое нападавших на них были убиты. Среди убитых оказался и один из местных земельных собственников, который был мулатом. Восстание было подавлено только спустя несколько недель.

На протяжении 1828 – 1830 годов восстания негров проходили в городах, в том числе – и в Сальвадоре. В апрельском восстании 1830 года приняли участие, как рабы, так и полусвободные негры, нападавшие на рынок, освободившие около ста новопривезенных рабов и убившие несколько белых. Восстание, как и другие, было быстро подавлено. В подавлении приняли участие, как войска, так и местные белые, а так же мулаты. Наиболее крупным восстанием, которое проходило под исламскими лозунгами, было январское восстание 1835 года²⁷. Организаторами восстания были свободный житель Байи, торговец табаком Элисбау ду Карму и раб Луис, чье мусульманское имя было Саним. Оба исповедовали ислам. Восстание было одним из наиболее организованных и готовилось в течение года. Восставшие захватили тюрьму, освободив негров и убив двух охранников. Но и это восстание, подобно другим, несмотря на организацию и размеры было подавлено в течение двух дней.

Политические протесты и взрывы расового возмущения привели к значительным социальным и культурным переменам в Бразилии, внося определенные коррективы в развитие бразильской имперской модели развития. Комментируя перипетии истории Империи, Жилберту Фрейри, один из основателей современной бразильской социологии, полгала, что на протяжении XIX века, «социального времени»²⁸, возникло несколько культур гибридного типа, которые сочетали элементы лузо-португальской традиции, а также культурных традиций принесенных черными африканскими рабами и привезенных позднейшими итальянскими и немецкими иммигрантами. В концепции, предложенной бразильским интеллектуалом, и «старые» и «новые» бразильцы изначально являлись носителями традиционной культуры, которая не выдержала конкуренции с набирающим силу бразильским вариантом капитализма. Комментируя особенности экономической и социальной истории Бразилии, Ж. Фрейри подчеркивал, что «сельские жители стали жертвами прогресса, сахарной и кофейной промышленности»²⁹ в период «социальной неопределенности и социальных колебаний»³⁰.

Значительная часть восстаний имела стихийный характер, протекая под традиционалистскими лозунгами. В такой ситуации мы, вероятно, можем предположить, что на раннем этапе существования Бразильской Империи политический и социальный антиимперский дискурс не сложился. Поэтому, восстания 1820-х годов были, скорее все-

го, не антиимперскими, не антисистемными, но традиционалистскими. Африканские и частично исламские традиции, которые предлагались восставшими в качестве культурной, политической и социальной альтернативы не могли конкурировать с политическими традициями белого и креольского населения. Подобная ситуация соседства культур привела к тому, что сложились условия для кризиса традиционного общества в Империи. По мнению Ж. Фрейри, домодерное общество в Бразилии быстро пришло в упадок, что было связано со своеобразной социальной локализацией социальных и экономических отношений на микроуровне – на уровне *casa-grande* – одновременно «патриархальной твердыни, часовни, школы, мастерской, святого дома, гарема и женского монастыря».

Акцентируя внимание на экономической и культурной значимости этого института, Ж. Фрейри подчеркивал, что «социальная история “большого дома” является неотъемлемой частью семейных историй многих бразильцев»³¹. Именно этот «большой дом» представлял систему социальных, политических и экономических связей, актуализированных в таких формах межгендерной и одновременно (или часто) межрасовой и межклассовой коммуникации как экономика на локальном уровне (кофе, сахар, табак), труд (работа белых и рабство черных), религия (католицизм белых, католицизм части негров и мулатов, традиционных культы черных рабов), семья и секс (фактическая полигамия с широким спектром социальных возможностей для детей, родившихся в результате связи белого и негрятки, негра и белой).

Восстания имели важные последствия для развития бразильского национализма и идентичности. Лузо-бразильцы, а так же мулаты, которые стояли на более высоких ступенях социальной лестницы, чем черные рабы, осознали, что успешное функционирование экономики, частично основанной на труде рабов, вероятно, невозможно без изменения отношения к неграм, привезенным и привозимым из Африки. Восстания стали стимулом для развития, с одной стороны, национального воображения, в рамках которого формировался образ негра, а, с другой, стимулировали попытки плантационной администрации и других социальных акторов, направленные на некоторую негров в бразильский португалоязычный культурный контекст.

История этих восстаний, которые были связаны с альтернативными политическими проектами, свидетельствует о том, что в бразильской политической культуре сложились условия для складывания протестной традиции. Протест (как проявление своего несогласия с существующим режимом и той формой идентичностью, степень свободы, которая предлагалась в рамках доминирующей модели социальных, расовых, политических и гендерных ролей) тесным образом переплетался с развитием бразильской культуры, которая, в свою очередь, стала сферой формирования и предложения новых идентичностных проектов. Текст в подобной ситуации постепенно разрушил гра-

ницы исключительно литературного дискурса, став частью политического ландшафта. История бразильской литературы в этом контексте предстает как история литературизации ребела, обретения нарративного уровня протеста. Литературизация политического привела к тому, что сама культура протеста трансформировалась в коллективное «место памяти».

В романе Жулиу Рибейру (1845 – 1890) «Плоть» мы находим одно из первых модернистских описаний протеста. Аграрная периферия, бразильские фазенды – это своеобразные социальные резервации, в которых в романе «Плоть» скрывались бывшие городские аутсайдеры, герои-мужчины, жизнь которых в городе сложилась неудачно и они добровольно обрекли себя на изгнание из него. Подобный герой – сын полковника Барбозы – «...с ними, правда, жил еще их единственный сын, но это был уже зрелый мужчина, женатый, хотя и давно разъехавшийся с женой, заядлый охотник, чудак, ушедший в себя и в свои книги...»³². Социальный мир, в котором живут подобные герои, представлял собой сферу доминирования «высокой культуры». Для ее носителей было крайне важно подчеркнуть свою сопричастность с европейскими культурными традициями. Одной из форм приобщения к европейскому для бразильских аристократов Империи были обучение и поездки в Европу. Например, сын полковника в Европе прожил десять лет, «где только не был: в Италии, в Австрии, в Германии, во Франции. Довольно долго прожил в Англии – учился там у какого-то проходимца, который утверждает, что мы, мол, те же обезьяны» и после возвращения «по-португальски двух слов связать не мог»³³.

Фазенда – это мир социального и культурного доминирования белого над черным, лузо-бразильцев над африканскими рабами. В то время как белые бразильцы занимались охотой и совершали прогулки в лес, социальный быт черного раба был подчинен исключительно обслуживанию белого господина: «наступал день, когда начинали варить сахар. Уже накануне негры сбились с ног – подметали сахароварню, мыли чаны и желоба, драили котлы и перегонный куб, не жалея ни песка, ни соли, ни лимонной кислоты». Роман «Плоть» в контексте описания мира фазенды звучит словно воспевание патриархального насилия господина над рабом на фоне пафоса принудительного и несвободного труда: «...телеги подъехали к мельницам. Ловкие негры запрыгнули на повозки и начали их разгружать. Через несколько мгновений тростник уже стоял в снопах, перехваченных посередине собственными листьями. В печи под котлами развели огонь, потом открыли шлюз – и вода бурно хлынула на мельничное колесо, которое тут же завертелось – сперва медленно, потом все быстрее и быстрее. Рассекая завязки снопов ловкими ударами тесака, негр-мельник бросил первую партию тростника меж вращающихся цилиндров. Послышался треск раздавливаемых волокон, извергнутые выжимки забрызгали белым темный чердак, где крутились жернова, сок потек по же-

лобу зеленоватой струей. Описывая дугу, он сливался в большой, бурлящий, булькающий, пенящийся чан...».

Наряду с миром белых, носителей «высокой культуры» в романе возникают и новые социально-культурные измерения. Социальный мир фазенды – это мир сензалы – помещения рабов. В романе фазенда постепенно трансформируется в топос принуждения и эксплуатации. Фазенда – фактор, который пробудил в Ленисте природную страсть к насилию: «...в ней пробудилась жестокость – она щипала креолок, тыкала иголкой или перочинным ножиком в животных, попадавших ей на пути. Как-то раз одна собака не выдержала и укусила ее. А был еще случай, когда Лениста поймала канарейку, залетевшую к ней в комнату, оторвала ей лапки, сломала крылышко, а потом выпустила, от души потешаясь, как изуродованная птичка силится взлететь, взмахивая одним крылом и волоча другое, оставляя кровавые следы на дворе, мощенном камнем...».

Эта склонность к насилию со временем обретает и другие формы: ее начинает интересовать насилие над человеком, еще более привлекает ее насилие над мужчиной, над черным рабом – «...раб, которого она избавила от кандалов, действительно сбежал, как и предсказывал полковник. Его изловили, и два метиса привели его, крепко связав ему руки веревкой. Делать нечего, сказал полковник, на этот раз негру надо всыпать по первое число еще и за то, что он злоупотребил доверчивостью Ленисты. Ее разбирало жгучее любопытство увидеть, как производится порка, увидеть воочию это легендарное, унижительное, жестокое и в то же время любопытное наказание. Она от души радовалась единственному, может быть, представившемуся ей случаю, с необъяснимым, порочным наслаждением предвкушала вид корчащегося от боли, жалобно кричащего несчастного негра, который совсем еще недавно пробуждал в ней сострадание...».

Фазенда – сфера доминирования традиционализма и в то время, ели бразильские города в Империи в той или иной степени подвергались модернизации, то, по мнению Ж. Рибейру, аграрная периферия к модернизации была не готова в силу того, что «...до 1887 года глубинка провинции Сан-Паулу жила при подлинном феодализме. Тамашняя фазенда ничем, по сути, не отличалась от средневекового замка. У ее владельца имелась собственная тюрьма, он мог судить своим судом, был неограниченным властителем. Управляя подданными, он руководствовался единственным законом – своим собственным усмотрением. Действительно, для правосудия он был недосыгаем, закон против него оказывался бессильным...».

Такой мир мог существовать и функционировать только в условиях последовательной иерархизации отношений и социальных, а так же – культурных, ролей. Роль белого почти всегда сводилась к роли фазендейро: «...во всех случаях он рассчитывал на снисхождение со стороны правительства, и даже когда в редчайших случаях ему приходилось предстать перед судом за какое-нибудь чудовищное зло-

употребление властью, он с уверенностью мог ожидать оправдательного приговора. Его господство простиралось до того, что иногда он приказывал убивать свободных горожан, выказывал неуважение представителям конституционной власти, мог надавать им пощечин при исполнении ими служебных обязанностей – и все же... бывал оправдан...».

В таком мире набор этих ролей не отличался значительным разнообразием, проявляясь в (со)существовании двух статусов-ролей – господина и раба. Эти социальные роли в Бразильской Империи нередко имели и расовый бэк-граунд, хотя известны и исключения, когда в качестве доминирующих господ над черными рабами выступали мулаты или освобожденные негры. Фазенда представляла собой модель мира, где социальные роли и статусы были четко распределены и закреплены, а отношения между неграми и белыми развивались как отношения колонизированного и колонизатора, как раба и господина.

Социальная роль и социальное предназначение негра в романе вполне вписывается в схему социо-культурного империализма, получившего развитие в Бразильской Империи. Жулиу Рибейру конструирует образ негра как образ прирожденного и изначального раба, который сам почти осознает свою неполноценность по сравнению с белым господином. В этом контексте мы сталкиваемся с националистическим воображением в форме воображения / конструирования социальных и культурных ролей, которые носители высокой культуры приписывали своим социальным и культурным оппонентам. Поэтому, один из негров, обратившихся в Ланите, видит в ней исключительно госпожу, хотя юридически он не принадлежит ей. В то же время сам негр ставит себя ниже белой девушки, полагая, что «негр есть негр – иногда теряет голову»³⁴. Чувство ущербности и неполноценности усиливается после того как негр «разразился глуповатым смехом»³⁵.

Жулиу Рибейру – автор весьма неблагоприятных образов негров³⁶ (например, восьмидесятилетний старый раб описан им так: «...ужасно выглядел этот негр – лысый, губастый, с отвисшей челюстью. На черном лице сверкали глаза с желтыми белками и полопавшимися сосудами. Сгорбленный от старости, вялый, хромой, когда он вставал и, закутавшись в бурое шерстяное одеяло, делал несколько шагов, то походил на бурую, медлительную, трусливую, свирепую, отвратительную гиену. Руки у него были иссохшие, узловатые; на скрюченных, омерзительных пальцах на ногах ногтей уже не было видно...»³⁷), которые словно были призваны подчеркнуть расовую и культурную неполноценность негров в сравнении с белыми подданными Империи.

Диапазон негритянских образов в романе разнообразен, но они, как правило, негативны. Наряду с неграми, которые в интерпретации Жулиу Рибейру, интеллектуально и культурно стоят на более низкой ступени развития, в романе мы находим и другие образы негров, которые так же, по мысли бразильского писателя, хуже белых господ, но не в силу умственной неполноценности, но в виду социальной и расо-

вой ненависти. Среди таких черных героев романа – Жоакин Камбинда – восьмидесятилетний негр-старик, который в жизни руководствуется социальным и культурным правилом, сводящимся к следующему: «ты белый, а черный всегда должен вредить белому, когда только может»³⁸. С другой стороны, сами белые склонны видеть в себе именно господ своих черных рабов. На этом фоне слова полковника Барбозы («...какое там к черту варварство! Ничего страшного тут нет. Эта филантропия, все эти нынешние иеремиады об отмене рабства, о равенстве и черт его знает о чем еще – все это выдумки и чушь. Учи ученого! Негра нужно драть как сидорову козу, а не только одевать и кормить. Он же работать не станет, если не увидит над собой надсмотрщика с хлыстом. Я ведь так говорю и делаю не со злобы – наоборот, меня считают добрым. Я – как пахарь, который знает, как обращаться с волами. Ладно – раз уж ты просишь, я велю его расковать. Только он опять удерет: сколько волка ни корми, он все равно в лес смотрит...»³⁹) звучат не просто как попытка оправдать рабство, но как социальная проповедь в защиту рабства, наполненная верой в прогрессивность социального мира фазенды.

Фазенда, точнее – сензала, представляет собой сферу доминирования традиционной и в значительной степени архаичной культуры. Несмотря на то, что большинство негров номинально считались христианами, многие из них посещали колдунов, сохраняли языческие верования, например – веру в сглаз, амулеты, колдовство. В центре этого полуязыческого, полухристианского, но традиционного, сообщества оказывается фигуры Жоакина Камбинды – старого негра и колдуна, который стремится отравить своих господ и белых управляющих. Казалось бы, что негры должны были быть солидарны с ним, но после того, как они узнают, что по вине колдуна умерло несколько негров ситуация меняется радикальным образом. На смену расовой солидарности приходит стихия бунта, расправы негром над человеком, которого совсем недавно они считали членом своего сообщества: «...под этот всеобщий гвалт злодея схватили и поволокли... колдуна мгновенно привязали к телеге, хотя тот и оказывал теперь отчаянное сопротивление – отбивался, брыкался и даже кусался. Принесли мякины и насыпали под телегу. Один негритенок помчался на сахароварню и вскоре вернулся с жестяной банкой, почти до краев наполненной керосином. Кто-то из негров взял ее, залез на телегу и вылил содержимое на Жоакина Камбинду... Несчастный неистово вращал налитыми кровью глазами, скрежетал зубами и пыхтел... Негр соскочил с телеги, взял коробок, наклонился, чиркнул спичкой, прикрывая пламя полусогнутой ладонью, и поднес ее к куче мякины, запалив ее у самой земли... Поднялся густой столб дыма – сверху голубой, снизу цвета ржавчины. Пламя вспыхнуло длинными, прожорливыми языками... Далеко разлетались искры... По воздуху разливался резкий, тошнотворный запах горелого жира и паленого мяса...»⁴⁰.

Сцена расправы негров над стариком-колдуном весьма показательна в контексте социальных перемен в рамках негритянских сообществ в Бразильской Империи, которые постепенно переняли некоторые символические или реальные практики социального и культурного поведения у своих белых господ. В этой ситуации негры, ранее подвергавшиеся насилию (в форме институционализованного наказания) со стороны белых, могли отказывать белым в праве на наказание над черным, которого более не воспринимали как своего.

Подводя итоги настоящей статьи, следует акцентировать внимание на нескольких аспектах. Большинство восстаний в Бразильской Империи были проявлениями националистического движения, точнее – его наиболее радикальных трендов, которые развивались под республиканскими политическими лозунгами, предлагая альтернативные модели политического и гражданского национализма, основанные не на имперской лояльности, но на республиканской политической идентичности. Эти националистические движения были явлениями двойственного, переходного, плана, сочетая в себе как тренды, связанные с традициями «высокой культуры», так и внесистемным протестом. Именно эта переходность и была, вероятно, основной причиной поражения восстаний в Бразильской Империи, что было вызвано и относительной стабильностью, а так же устойчивостью имперской идентичности и политической лояльности.

Анализируя массовые протестные движения в Бразильской Империи, следует принимать во внимание и то, что Империя представляла собой конструирующуюся нацию, которая выстраивала не только свою национальную и политическую идентичность, но элиты, которой трансформировали социальные и культурные отношения, формируя новую, более современную, идентичность. Перед центральными и региональными элитами существовал выбор модернизационной стратегии. Император и его приближенные полагали, что модернизация должна представлять собой процесс постепенного реформирования и приближения Империи к европейским и американским стандартам в рамках сохранения выбранной политической (имперской) модели развития. Этот вариант представлял, таким образом, модернизационную стратегию, инициаторами которой являлись правящие элиты.

Альтернатива постепенной модернизации сверху была связана с внесистемными националистическими движениями, которые предлагали альтернативный вариант модернизации. Эта стратегия была более радикальной, развиваясь в рамках насильственно предлагаемой республиканской модели. Вероятно, основными методами, которыми сторонники этой модели пытались и стремились реализовать свой модернизационный проект было насилие и политическая сепарация. Но на том этапе Империя была достаточно жизнеспособной, отвечая на насилие ограниченными репрессиями или стремясь интегрировать сепаратистов-мятежников в структуру имперской политической элиты.

Неудачи массовых внесистемных движений способствовала не просто устойчивость Империи, но и тот фактор, что политическая модернизация в Бразильской Империи на том этапе делала свои первые шаги. Кроме этого ограниченные модернизационные мероприятия всецело контролировались и инициировались властями. Успехи модернизации в период правления второго бразильского императора не только сократили число антиимперских радикальных и внесистемных выступлений, но и создали условия для единственного удачного антиимперского движения, которое привело к свержению Империи и установлению в Бразилии Республики.

¹ Берк П. «Перформативный переворот» в современной историографии / П. Берк // Одиссей: человек в истории (2008. Script / Oralia. Взаимодействие устной и письменной традиций в Средние века и раннее Новое время) / ред. А.О. Чубарьян. – М., 2008. – С. 337 – 354. О критике перформативизма см.: Савицкий Е.Е. «Перформативный поворот» в историографии – другие версии / Е.Е. Савицкий // Одиссей: человек в истории (2008. Script / Oralia. Взаимодействие устной и письменной традиций в Средние века и раннее Новое время) / ред. А.О. Чубарьян. – М., 2008. – С. 355 – 366.

² О Бразильской Империи см. подробнее: Кирчанов М.В. *Ordem e Progresso. Память и идентичность, лояльность и протест в Латинской Америке* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: ФМО ВГУ, 2008. – 205 с. // http://ejournals.pp.net.ua/_id/1/133_kyrchanoff_orde.pdf; Кирчанов М.В. *Império, Estado, Nação. Политические модернизации и интеллектуальные трансформации в Бразильской Империи (1822 – 1889)* / М.В. Кирчанов. – Воронеж: Научная книга, 2008. – 155 с.

³ Берк П. «Перформативный переворот» в современной историографии. – С.341.

⁴ Это, в частности, характерно для раздела посвященного Бразильской Империи в четырехтомной «Истории Латинской Америки». См.: Калмыков Н.П. *Бразильская Империя (1822 – 1889)* / Н.П. Калмыков // *История Латинской Америки. Доколумбова эпоха – 70-е годы XIX века* / отв. ред. Н.М. Лавров. – М., 1991. – С. 237 – 247.

⁵ Patterson H.O. *The Sociology of Slavery* / H.O. Patterson. – Rutherford, 1969.

⁶ Abu Alfa Muhammad Shareef bin Farid, *The Islamic Slave Revolts of Bahia, Brazil. A Continuity of the 19th Century Jihaad Movements of Western Sudan* / Abu Alfa Muhammad Shareef bin Farid. – Pittsburgh, 1418. – P. 6.

⁷ Costa Brito Ê.J. da, Malandrino B.C. *História e Escravidão: Cultura e Religiosidade Negras no Brasil – Um Levantamento Bibliográfico* / Ê.J. da Costa Brito, B.C. Malandrino // *Revista de Estudos da Religião*. – 2007. – dezembro. – P. 112 – 178.

⁸ Luna F.V. *São Paulo: População, Atividades e Posse de Escravos em Vinte e Cinco Localidades (1777-1829)* / F.V. Luna // *Estudos Econômicos*. – 1998. – Vol. 28. – No 1. – P. 99 – 169.

⁹ См. подробнее: Хоффер Э. *Истинноверующий. Мысли о природе массовых движений* / Э. Хоффер. – Мн., 2001. – С. 33. См. так же: Hoffer E. *The True Believer* / E. Hoffer. – NY., 1962.

¹⁰ Хоффер Э. *Истинноверующий*. – С. 19.

¹¹ Mahdi A. *The delivery of Slaves from the Central Sudan to the Bight of Benin in the Eighteenth and Nineteenth Centuries* / A. Mahdi // *The Uncommon Market: Essays in the Economic History of the Atlantic Slave Trade* / eds. H.A. Gemery, J.S. Hodgendorf. – NY., 1979. – P. 163 – 180; Curtin Ph. D. *The Atlantic Slave Trade: A Census* / Ph. D. Curtin. – Madison, 1969; Davidson B. *The African Slave Trade* / B. Davidson. – Boston, 1961.

¹² Abu Alfa Muhammad Shareef bin Farid, *The Islamic Slave Revolts of Bahia, Brazil. A Continuity of the 19th Century Jihaad Movements of Western Sudan*. – P. 7.

¹³ Ibid. – P. 7.

¹⁴ Берк П. «Перформативный переворот» в современной историографии. – С. 341.

¹⁵ Schwartz S.B. *Sugar Plantations in the Formation of Brazilian Society: Bahia, 1550 – 1835* / S.B. Schwartz. – Cambridge, 1989.

¹⁶ Prince H. *Slave Rebellion in Bahia: 1807-1835* / H. Prince. – Columbia University, 1972 (PhD Dissertation). – P. 56 – 57.

¹⁷ Bivar Marquese R. de, *The dynamics of slavery in Brazil – Resistance, the slave trade and manumission in the 17th to 19th centuries* / R. de Bivar Marquese // *Novos estudos*. – 2006. – No 2.

- ¹⁸ Klein H.S. African Slavery in Latin America and the Caribbean / H.S. Klein. – Oxford, 1986; Klein H.S. The Colored Freedmen in Brazilian Slave Society / H.S. Klein // Journal of Social History. – 1969. – Vol. 3. – No 1. – P. 30 – 52; Pierson D. Negroes in Brazil / D. Pierson. – Chicago, 1942.
- ¹⁹ Duarte N. A Ordem Privada e a Organização Nacional (Contribuição à Sociologia Política Brasileira) / N. Duarte. – Rio de Janeiro, 1939.
- ²⁰ Bivar Marquese R. de, Parron T.P. Azeredo Coutinho, Visconde de Araruama and *Memória sobre o comércio dos escravos* de 1838 / R. de Bivar, T.P. Parron // Revista de História. – 2005. – Vol.152. – No 1. – P. 122.
- ²¹ Abu Alfa Muhammad Shareef bin Farid, Op. cit. – P. 25.
- ²² Torres A. As fontes de vida no Brasil / A. Torres // <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/fontes.html>
- ²³ Torres A. O problema nacional brasileiro / A. Torres // <http://www.ebooksbrasil.org/eLibris/torresb.html#5>
- ²⁴ Andrade M.J. A Mão-de-Obra Escrava em Salvador, 1811-1860 / M.J. Andrade. – São Paulo, 1988.
- ²⁵ Берк П. «Перформативный переворот» в современной историографии. – С. 344.
- ²⁶ Abreu M.C. O império do divino: festas religiosas e cultura popular no Rio de Janeiro, 1830-1900 / M.C. Abreu. – Rio de Janeiro – São Paulo, 1999.
- ²⁷ Kent R.K. African Revolt in Bahia: 24 – 25 January 1835 / R.K. Kent // Journal of African History. – 1970. – Vol. 3. – No 4. – P. 334 – 356; Reis J.J. Slave Rebellion in Brazil: The African Muslim Uprising in Bahia, 1835 / J.J. Reis. – University of Minnesota, 1983 (PhD Dissertation); Barickman B.J. A Bahian Counterpoint: Sugar, Tobacco, Cassava, and Slavery in the Recôncavo, 1780-1860 / B.J. Barickman. – Stanford, 1998.
- ²⁸ Freyre G. Atualidade da sociologia / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1941. – Outubro 8.
- ²⁹ Freyre G. O homem e as paizagens ruraes / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1939. – Julho 5.
- ³⁰ Freyre G. Atualidade da sociologia / G. Freyre // Correio da Manhã. – 1941. – Outubro 8.
- ³¹ Freyre G. Casa-grande e senzala: formação da família brasileira sob o regime de economia patriarcal / G. Freyre. – Rio de Janeiro, 1933.
- ³² Русский перевод был опубликован в 2007 году. См.: Рибейру Ж. Плоть / Ж. Рибейру. – СПб., 2007. В настоящей статье цитаты приводятся по электронной версии, доступной на сайте <http://litres.ru> Оригинал: «...que com eles só morava um filho único, homem já maduro, casado, mas desde muito separado da mulher, caçador, esquisitão, metido consigo e com os seus livros...». См.: <http://www.bibvirt.futuro.usp.br>
- ³³ <http://litres.ru>
- ³⁴ <http://litres.ru>
- ³⁵ <http://litres.ru>
- ³⁶ Об образе негра в бразильской литературе см.: Brookshaw D. Raça e cor na literatura brasileira / D. Brookshaw. – Porto Alegre, 1983; Filho D.P. A trajetória do negro na literatura brasileira / D.P. Filho // Estudos Avançados. – 2004. – No 18. – P. 161 – 193; Bernd Z. Negritude e literatura na América Latina / Z. Bernd. – Porto Alegre, 1987; Bernd Z. A questão da negritude / Z. Bernd. – São Paulo, 1984; Soares de Gouvêa M.C. Imagens do negro na literatura infantil brasileira / M.C. Soares de Gouvêa // Educação e Pesquisa. – 2005. – Vol. 31. – No 1. – P. 77 – 89.
- ³⁷ <http://litres.ru>
- ³⁸ <http://litres.ru>
- ³⁹ <http://litres.ru>
- ⁴⁰ <http://litres.ru>

Джэймс Петрас

«РЕВОЛЮЦИОННЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ КОЛУМБИИ – АРМИЯ НАРОДА»: цена односторонних гуманитарных инициатив*

Нападение с использованием ракет и наземных вооружений^{**}, инициированное, инициированное Президентом Колумбии Урибе привело к нарушению суверенитета Эквадора. Оно поставило его на грань региональной войны между Эквадором и Венесуэлой [...]

Атака Урибе, которая привела к нарушению границы должна была стать проверкой на прочность политической «свободу» Эквадора и Венесуэлы, их способности ответить на военную агрессию, равно как и проверить успешность координированных США отдаленных, управляемых со спутника ракетных ударов. Не должно быть никаких сомнений и в том, что Урибе стремился остановить приближающееся освобождение заложников ФАРК, в первую очередь – Ингрид Бетанкур^{***}, о чем велись переговоры с министром иностранных дел Франции Бернаром Кушнером, эквадорским министром внутренних дел Ларреа, колумбийским Красным крестом и, особенно, с президентом Венесуэлы Уго Чавесом. Кушнер, Ларреа и Чавес имели непосредственные контакты с лидером ФАРК, Раулем Рейесом, который был убит при участии американцев в Эквадоре вместе с двадцатью двумя сторонниками, в том числе, и иностранными гражданами, которые не являлись участниками вооруженных формирований. Военное вмешательство Урибе было направлено на подрыв той важной дипломатической роли, которую Уго Чавес играл в освобождении удерживаемых ФАРК заложников. Результативность усилий У. Чавеса в значительной степени отличалась от неудачных военных операций Урибе, которые проходили под лозунгами «освобождения заложников».

Рауль Рейес воспринимался в качестве легитимного участника переговоров европейскими и латиноамериканскими государствами, равно как и Красным Крестом. В том случае, если бы эти переговоры

* Сокращенный перевод с английского М.В. Кирчанова. Petras J. Revolutionary Armed Forces of Colombia-Peoples Army (FARC-EP): The Cost of Unilateral Humanitarian Initiatives / J. Petras // <http://petras.lahaine.org/articulo.php?p=1728&more=1&c=1>

** Речь идет о военной операции марта 200в года, которые ВС Колумбии провели на территории соседнего Эквадора (прим. переводчика).

*** Ингрид Бетанкур была освобождена 2 июля 2008 года (прим. переводчика).

завершились успехом, не следует исключать и того, что те же правительства и гуманитарные организации оказали давление на Урибе с целью начала обмена заложниками и активизации мирных переговоров с ФАРК. Это в свою очередь противоречило бы политике «выжженной земли», безжалостной войны и политических убийств, проводимой Бушем и Урибе.

Президент Урибе сделал ставку на нарушение суверенитета Эквадора, полагая, что убийство двадцати двух партизан и мексиканских граждан, является частью военной антиповстанческой стратегии, проводимой Урибе после своего прихода к власти в 2002 году. Вероятно, Урибе был готов и к тому, что за операцией последует осуждение и санкции со стороны Организации Американских Государств и (временный) разрыв отношений с Венесуэлой, Эквадором и Никарагуа.

Он поступил именно таким образом, полагая, что может рассчитывать на поддержку со стороны Вашингтона, который скрытым (и незаконным) образом участвовал в атаке, приветствуя ее проведение [...] Колумбия остается главным ударным отрядом Вашингтона в Латинской Америке, наиболее важным военно-политическим инструментом, который будет применяться в целях дестабилизации региона и свержения антиимпериалистического правительства У. Чавеса. Клинтон и Буш вложили более 6 млрд. долларов в военную помощь Колумбии, включая отправку полторы тысячи военных советников и сил специального назначения, десятков израильских спецназовцев и «инструкторов», финансирование двух тысяч бойцов-наемников и более десять тысяч «парамилитарес», действующих рука об руку с двухсоттысячным Вооруженными Силами Колумбии.

Несмотря на подобные соображения международного плана, которые повлияли на экстратерриториальный «акт войны» президент Урибе, настаивал на том, что главной целью этой атаки на лагерь ФАРК на территории Эквадора было обезглавить, ослабить и изолировать наиболее сильное партизанское движение в Латинской Америке, уничтожив тем самым наиболее бескомпромиссных оппонентов репрессивной неолиберальной политики Вашингтона и Боготы. Иностранные политики, включая прогрессивных лидеров таких как Фидель Кастро, Уго Чавес и Рафаэль Корреа, призывали к прекращению войны, при этом недооценивая недавний опыт ФАРК отказаться от военной борьбы в пользу мирных инициатив. Тяжелые потери ФАРК, которые проявились в убийствах ключевых лидеров, активистов и сторонников, привели к тому, что в середине 1980-х годов часть верхушки ФАРК сделала выбор в пользу участия в электоральных процессах, пойдя по пути создания политической партии Патриотический Союз. Это привело к некоторому успеху на выборах на местном и национальном уровнях и ... убийствам пяти тысяч членов, руководителей, депутатов и трех кандидатов в президенты. Это вынудило ФАРК вернуться на периферию и вновь взять на вооружение методы партизанской войны. Десять лет спустя, ФАРК согласилась начать перего-

воры с президентом Пастраной в демилитаризованной зоне. ФАРК принимала участие в работе общественных форумов, обсуждая альтернативные пути социальных и политических реформ, направленных на демократизацию государства, вопрос об общественной и частной собственности в стратегических секторах экономики. Президент Пастрана, под давлением американских президентов Б. Клинтона и Дж. Буша-мл. внезапно прекратил переговоры и отправил регулярные части, поставив перед ними задачу по захвату переговорщиков от ФАРК. Колумбийские военные, которых финансировали и которым помогали США, не смогли в полной мере реализовать эту задачу, но подобная стратегия властей привела к началу политики «выжженной земли», в реализации которой преуспел Президент Урибе.

В 2007 – 2008 годах ФАРК предлагала обсудить взаимное освобождение политических заключенных и заложников на территории демилитаризованной зоны в Колумбии. Урибе отказался. Президент Уго Чавес выступил на переговорах посредником. Французское правительство поставило перед У. Чавесом условие того, что ФАРК должны предъявить доказательства того, что заложники живы. ФАРК ответила на запрос Чавеса: были направлены три эмиссара, которые были захвачены колумбийскими военными.

ФАРК продолжила сотрудничество с Чавесом, передавая информацию и проводя передислокацию части заложников, которых должны были передать Красному Кресту и венесуэльским дипломатам, но они попали под воздушную атаку сил Урибе, что помешало реализации намеченных планов [...] в условиях возросшей опасности, удалось освободить первую группу заложников. Французский министр иностранных дел Бернар Кушнер и У. Чавес попросили освободить Ингрид Бетанкур, гражданку Франции и Колумбии и бывшего кандидата в президенты. Реализации этого проекта, используя помощь со стороны американцев, помешал Урибе, начав масштабное военное наступление по всей территории страны. [...]

Рейес, как один из лидеров ФАРК, очень рисковал, участвуя в переговорах и координируя действия по освобождению заложников. Это привело к его убийству. Внешнее давление на ФАРК [...] заставило ее снизить безопасность. Результатом стала потеря руководителей, парламентариев, сторонников и бойцов – без освобождения кого бы то ни было из пятиста их товарищей, которые находились в тюрьмах Колумбии. [...]

[...] Президент Урибе мог принести официальные извинения Корреа и Чавесу, но реальной целью его военного удара было уничтожение руководства ФАРК [...] Вашингтон назначил награду в 5 млн. долларов за каждого из члена секретариата ФАРК задолго до того, как Чавес и Корреа пришли к власти. Главным приоритетом Вашингтона, как свидетельствуют его программы военной помощи (6 млрд. долларов за семь лет) [...] было разрушение ФАРК. [...]

[...] Оппозиционные политические и общественные движения в Колумбии многочисленны, они преданны своему делу, но при этом уязвимы. Они сталкиваются с ежедневным запугиванием и убийствами в духе гангстерских банд. Благодаря террору и массовой пропаганде президент Урибе смог навязать свою власть, [...] привлечь на свою сторону средний класс. Но он явно не смог нанести поражение, разрушить или развалить ФАРК, которая объединяет наиболее последовательную оппозицию. Каждый год после своего прихода к власти президент обещал проводить военные зачистки целых регионов страны, чтобы положить конец «терроризму», Десятки тысяч крестьян в регионах, где ФАРК имеет влияние, были подвергнуты пыткам, изнасилованиям, убийствам и изгнаны из своих домов. Каждое военное наступление Урибе заканчивалось неудачей. Президент совершенно не понимает, что осознают американские генералы и даже официальные лица – ФАРК нельзя уничтожить военным путем, и поэтому должно идти на переговоры.

Неудачи Урибе и сохранение влияния ФАРК вызвали привели к тому, что у президента возникла навязчивая идея. Все территориальные, законодательные, внешнеполитические ограничения были им отброшены. Колеблясь между эйфорией и истерией, сталкиваясь с внутренней оппозицией по отношению к его мономаниакальной стратегии террора, он объявил «сторонниками ФАРК» всех зарубежных и колумбийских критиков режима в Эквадоре и Венесуэле, пообещав при этом «не вторгаться снова на их территорию», пока «ситуация не вынудит его это сделать». Становится очевидно, как много нужно для «примирения».

С периодом гуманитарного обмена покончено: ФАРК не может и не будет отвечать на запросы своих доброжелательных друзей, особенно, когда под угрозой находятся сама организация и ее руководство. Намерения Уго Чавеса были благими, но его призывы к двустороннему освобождению заложников могли иметь смысл, если бы он имел дело с рациональным буржуазным политиком, который выполняет свои обязательства перед иностранными лидерами и организациями и стремится создать благоприятный образ свой и своей страны в мировом общественном мнении. Но на месте Чавеса было бы наивно полагать, что психически неуравновешенный политик, который уничтожает оппозицию, неожиданно откроет в себе добродетель и начнет стремиться к переговорам. Несомненно, что лидеры ФАРК понимают ситуацию лучше, чем их андские и карибские друзья, благодаря своему тяжелому опыту и горьким урокам, полученных в вооруженной борьбе, которая, может быть, и является нежелательным методом, но остается единственным реалистическим способом борьбы с жестоким фашистским режимом.

Совершенное по инициативе Президента Урибе убийство Рауля Рейеса произошло не по воле Уго Чавеса, не ради суверенитета Эквадора или освобождения Ингрид Бетанкур [...] оно произошло из-за

того, что Рауль Рейес, руководитель ФАРК, на протяжении всей своей жизни был последовательным революционером. С угрозами войны покончено, различия стерты, лидеры вернулись в свои дворцы, но Рауль Рейес не забыт – во всяком случае, не в селах Колумбии и не в сердцах ее крестьян.

«СОЦИАЛЬНЫЕ ВОЙНЫ» В БОЛИВИИ: С ЧЕГО НАЧАЛИСЬ И К ЧЕМУ ПРИВЕЛИ?

В современной Боливии мы наблюдаем чрезвычайно интересный процесс формирования новой модели политического устройства, вполне логично укладывающийся в мировые тенденции переоценки роли государств и наций. Достаточно вспомнить ключевые слова, характеризующие изменения, происходящие в стране, которые указывают на кардинальность трансформаций – «духовная революция», «социализм XXI века», «национализация» и др. Согласно новому Основному закону страна получила официальное именование Многонациональное государство Боливия, свидетельствуя о начале новой главы в истории ее народов. В данной статье мы попытаемся раскрыть причины столь резких перемен в политической ориентации Боливии и проследить основные этапы событий, предшествующих современному состоянию общества.

Большинство политологов сходятся во мнении, что на протяжении второй половины XX века Боливия уверенно двигалась по пути демократизации и представляла собой довольно удачный образец государств «третьей волны». Однако дальнейшее развитие опровергло оптимистические оценки и доказало, что страна все еще далека от идеалов демократического управления. Очевидный прогресс в укреплении демократии, ставший возможным в период неолиберального режима 80-х – 90-х гг., оказался иллюзией. В начале XXI века страна превратилась в арену того, что политологи называют «социальными конвульсиями»¹.

Масштабные социальные протесты, имевшие место в Боливии, доказали появление в политической жизни латиноамериканского континента нового явления, названного «вооруженный неолиберализм», включивший в себя милитаризацию общества и криминализацию протестов. Процесс перехода к представительной демократии превратился в движение к «демокрадуре»,² обернувшейся в социально-политический кризис. Боливия стояла на перепутье.

Первым серьезным сбоем в работе «неолиберальной машины» стала «война за воду» 2000 г. в департаменте Кочабамба, вызванная повышением потребительских тарифов. В соответствии с неолиберальной идеологией водные ресурсы понимались как продукт, который должен иметь цену, покрывающую затраты на ее производство. Предполагалось, что если потребитель не платит за воду по рыночной

цене, он не контролирует ее использование и расходует зря. Приватизация водных ресурсов выступала как единственное и эффективное решение надвигающегося экологического кризиса – глобального дефицита питьевой воды. Контракт, заключенный в 1999 г. с транснациональным консорциумом «Агуас де Тунари» (Aguas de Tunari), включал обязательства по расширению производства воды посредством строительства дамбы и туннеля, стоимостью в 300 млн. долларов. Учитывая риски, договор гарантировал компании процентную ставку между 15 и 17 %. Однако приватизация ресурсов в Кочабамбе приносила весьма скромные плоды. Потребители получали воду в течение всего лишь четырех часов в день, а система обслуживала около 57 % граждан.³

Первая «война за воду» начиналась достаточно мирно. Жители Кочабамбы протестовали против приватизации, организуя марши и демонстрации на улицах городов, скандируя “Kawsachun yaku, Wafachun privatizadores” (пер. с кечуа – да здравствует вода, смерть приватизаторам).⁴ Волна насилия поднялась после того, как правительство послало для восстановления общественного порядка полицейские отряды. Пуля снайпера оборвала жизнь молодого человека, одного из активистов протестных акций.

Социальная база демонстрантов указывала на то, что «война за воду» превратилась в нечто большее, чем требование снизить тарифы. К протестам присоединились крестьяне, фермеры и кокалерос, то есть те, кто не были непосредственными потребителями компании «Агуас де Тунари» и не пострадали от повышения цен. Люди требовали навести порядок не только в сфере водоснабжения, но и других отраслях – земельной, сельскохозяйственной, промышленной и т.д. По сути, частная ситуация приватизации отдельной компании оказалась толчком для организации подобных выступлений по всей стране. Ситуация в обществе была такова, что требовался лишь повод, чтобы народное недовольство оформилось в социальный протест.

Однако пока главное требование манифестантов касалось только пересмотра водного закона № 2029 (*Ley de Agua Potable y Alcantarillado Sanitario, 29 октября 1999 г.*), который давал эксклюзивное право на владение водными ресурсами частным предприятиям на время, предусмотренное контрактом.⁵ Такая монополия означала, что жители не могли бурить собственные скважины, которые ранее управлялись небольшими кооперативами или зажиточными гражданами и обеспечивали питьевой водой около 15-20 % городского населения. Закон вступал в противоречие с общинными принципами распределения воды, восходящими к доколумбовым временам. Лидеры движения рассматривали волнения как борьбу за «восстановление общинности» и защиту коммунальной собственности.

После финальной битвы в апреле 2000 г. правительство расторгло контракт с «Агуас де Тунари» и заключило соглашение с координационным комитетом, управляющим протестными акциями. Право рас-

пределения воды было немедленно возвращено прежнему муниципальному органу СЕМАПА (Servicio Municipal de Agua Potable y Alcantarillado de Cochabamba, SEMAPA). В декабре 2000 г. координационный комитет расформировал СЕМАПА и учредил новый тип управления производством воды, основанный на коммунальном владении. Однако государство отказалось признать его легитимность, ссылаясь на противоречие с основным законом, но все же реорганизовало местные властные структуры, гарантируя населению больший «социальный контроль» в их работе.

Первая война за воду принесла определенные плоды. Два основных требования были выполнены – изгнание частной компании и реформирование национального водного законодательства. Это позволило сбить волну недовольства и на некоторое время успокоить население. Правительство получило передышку. Однако это был лишь маленький шаг на пути восстановления социальной справедливости в сфере национальных природных ресурсов.⁶

Проблемы с повышением тарифов другой компанией «Агуас де Иллимани» (Aguas de Illimani) в Ла-Пасе и Эль-Альто в конечном счете привели ко второй «войне за воду» в 2005 г. Предыстория конфликта была такова. После осуществления приватизации прибыли частных компаний не соответствовали предполагаемым доходам. Руководство жаловалось, что продажа воды гражданам не покрывает расходы по договоренной ренте. В 2002 г. транснациональная компания «Суэц» (Suez), владевшая 55 % акций «Агуас де Иллимани», решила изменить свою политику. Изучив ошибки «Агуас де Тунари», она увеличила тарифы на подключение воды, оставив прежними расценки на воду для уже подключившихся потребителей. Более того, в июне 2003 г. компания решила отказаться от новых проектов и сократить количество подключений с 15 000 до 8 000. В марте 2004 г. она вообще прекратила работы по подключению новых пользователей. Эта мера коснулась более 200 тыс. боливийцев, нуждавшихся в водном снабжении и вынашивавших надежду на осуществление их мечты на протяжении 30 лет.

Наученное горьким опытом предыдущих социальных волнений, правительство предпочло избежать эскалации насилия. Под давлением масштабной забастовки граждан Эль-Альто, длившейся три дня, центральные власти объявили о прекращении действия контракта с «Агуас де Иллимани». Частные компании сами покинули водные объекты, и необходимость защищать их от протестующих была снята.

Вторая «война за воду» принесла даже более значимую победу, чем первая. Борьба за социальные права и общественный контроль над природными ресурсами в Эль-Альто превратилась в «битву за демократию» и восстановление социальной справедливости. События происходили в разных районах, но их резонанс потряс все общество.

К моменту очередных президентских и парламентских выборов 2002 г., благодаря популярности народного лидера Э. Моралеса и его

центральной роли в социальных войнах, его «Движение к социализму» (Movimiento al Socialismo, MAS, MAC) превратилось во влиятельного актора боливийской политики. «Движение к социализму» и «Индийское движение Пачакутик» (Movimiento Indígena Pachakutik, MIP, МИП) Ф. Киспе стали двумя наиболее заметными левыми силами. Обе позиционировали себя как «индейские», только МИП была значительно радикальнее. Оба движения составили костяк антисистемной оппозиции. Их лидеры доказали свою политическую решимость в ходе уличных столкновений. Э. Моралес и Ф. Киспе взяли на себя роль оракулов народного недовольства, а их требованиями стали не только конкретные изменения в политике, но смена системы в целом. Они были единственными, кто мог бы перевести разобщенную и хаотичную энергию протеста в более устойчивый, разумный и плодотворный политический контекст. Следует заметить, что Э. Моралесу и Ф. Киспе удалось усидеть «на двух стульях». С одной стороны они бунтовали на улицах, с другой – были выбраны в качестве делегатов в Конгресс и заседали в парламенте, формально являясь системной оппозицией. «Мы пришли сюда, в Конгресс, что бы встретиться лицом к лицу с нашими угнетателями; это будет ментальная война, разума индейского против разума куара (q'ara, «белого»), и мы будем бороться»⁷, – говорил Ф. Киспе.

По результатам избирательного процесса в парламент MAS заняло второе место из одиннадцати партий, набрав беспрецедентный для индейского движения процент – 20,94.⁸ Президентом был избран представитель политической элиты того времени и идеолог неолиберализма Гонсало Санчес де Лосада. Несмотря на то, что у Эво Моралеса реальных шансов на президентское кресло, он одержал моральную победу. Сразу после голосования, Моралес объявил о намерении сформировать «уличное правительство», которое будет использовать социальную мобилизацию в качестве основного средства для достижения своих целей.

Еще более серьезным фактором, раскачавшим политическую систему Боливии, стали «газовые войны». Вопрос об углеводородном законодательстве относился к реформам «второго поколения» неолиберализма (середина 90-х годов). Принятые в то время законы зафиксировали тарифы на нефть и газ на уровне рыночных, что вызвало повышение потребительских цен. Приватизационный процесс не получил поддержки среди населения и был расценен как распродажа национальных богатств.

В начале XXI века боливийские власти начали подготовку по присоединению к кампании по сжижению природного газа. Реализацию замысла решили взять на себя концессионеры «Маргариты газ», осуществляющей разработки в департаменте Тариха – «Бритиш Петролеум», «Бритиш Газ» и «Репсол». Предполагалось, что газ будет сжижаться и затем поставляться на север через чилийские и перуанские порты. Чили нуждалась в боливийском газе и с радостью была

готова закупать значительную часть поставляемого газа и использовать его для газоснабжения граждан и строительства нефтехимической индустрии. По предварительным оценкам общая стоимость проекта составляла 5 млрд. долл., из которых 1,8 млрд. долл. планировалось инвестировать в развитие боливийской газовой индустрии и строительство газопровода. Правительство предполагало, что проект будет приносить доход в 310 млн. дол. в год⁹.

Однако, рассчитав экономический результат, власти не учли реакции общества и не предусмотрели, каким окажется политический эффект. План немедленно вызвал неоднозначную реакцию со стороны общественности. Речь шла о сотрудничестве с Чили, а значит, напомнила о «больном вопросе» выхода Боливии к морю¹⁰. Намерение продавать и транспортировать газ в Чили явилось главным мотивом последующих протестов, превратившихся в 2003 г. в первую «войну за газ».

Э. Моралес и его МАС создали специальный координационный центр, твердо выступивший против экспорта газа. Оппозиция чилийскому маршруту росла. Переговоры по вопросу реализации проекта приостановились, особенно после событий «черного февраля» 2003 г., вызванных изменениями в налогообложении. Под давлением МВФ правительство предприняло попытку провести реформу с целью сократить финансовый дефицит. Повышение налогов вызвало массовое недовольство. В ходе протестов около 30 человек были убиты, министерства и офисы ведущих партий подожжены и разграблены. В обстановке насилия правительству пришлось отказаться от реализации намеченных планов.

Политическое пространство разделилось на два лагеря. С одной стороны – правительство, намеренное продолжать консультации по газовому вопросу и убеждать население в необходимости проекта, с другой – оппозиция, во главе с Эво Моралесом и Оскаром Оливерой (координатором центра по защите водных ресурсов в Кочабамбе). Для противодействия планам Г. Санчеса де Лосады в июне 2003 г. ими был создан Генеральный штаб народа (Estado Mayor del pueblo). Оппозиция предложила провести референдум по газовому проекту. В это же время в департаменте Тариха, где располагается около 85 % боливийских газовых запасов, возникло местное движение для защиты от попыток экспорта ресурсов. К августу рейтинг президента Г. Санчеса де Лосады, все еще настаивающего на «чилийском» проекте, упал до 9 %.¹¹ Боливийцы отказали в доверии его правительству.

Избрание на пост главы КОБ оппозиционера Хайме Солареса в августе 2003 г. означало, что правительственная коалиция потеряла контроль над мощнейшей политической силой, ранее контролируемой представителями правящей партии. В середине августа оппозиционная коалиция объявила о начале «войны за газ», которая перешла из фазы «от протеста к предложениям» к фазе «протеста с предложениями»¹².

Темп происходящих событий ускорился после того, как один из лидеров общин индейцев аймара Эдвин Хуампо был арестован по обвинению в организации убийства двух фермеров. Ф. Киспе и около тысячи его сторонников объявили голодовку в помещении радио Сан-Габриель в Эль-Альто. Среди требований голодающих оказалось и скорейшее решение газового конфликта, хотя партия Ф. Киспе не примкнула к коалиции Э. Моралеса. Призыв к освобождению Э. Хуампо был предлогом для дальнейшей активизации протестного движения, которое стало распространяться по всей стране. В районе Ла-Паса и озера Титикака местные жители перекрыли дороги и блокировали более ста туристов. Власти решили провести операцию по их освобождению. В ее итоге 6 человек было убито, из них пятеро мирных жителей и восьмилетняя девочка.¹³ Это событие послужило поводом к усилению мобилизации крестьян аймара. Правительство более не могло рассчитывать на мирный исход конфликта. Борьба, объявленная в защиту интересов простых боливийцев, превращалась в войну государства с населением.

Манифестации, стачки и блокады дорог продолжались по всей стране и охватили не только Ла-Пас и Эль-Альто, но и другие регионы высокогорья – Кочабамбу, Оруро, Потоси, Сукре. Протесты приобрели массовый характер. На подавление восстания правительство бросило войска, что закончилось трагически – 12 октября было убито 26 человек. На следующий день жертвами противостояния стали еще 20 человек.¹⁴ Через несколько часов ушел в отставку министр экономического развития Хорхе Торрес. Однако восставшие требовали смены всего правительства и его курса.

Призыв к национализации газа стал лейтмотивом октябрьского восстания 2003 г. По одну сторону баррикад оказались рабочие и индейцы, борющиеся за изменение курса развития в сторону равенства в распределении богатств, по другую – транснациональный газовый консорциум «Пасифик ЛНГ» (Pacific LNG – REPSOL-YPF, British Gas, Pan-American Energy), неолиберальная модель, проводником которой являлся президент Г. Санчес де Лосада.

События октября 2003 г. обозначили огромную пропасть между ожиданиями населения и свершениями неолиберализма. Они доказали абсолютную неспособность президента управлять страной в условиях кризиса. Эта неспособность обернулась 60 жертвами «негласной войны». В то же время люди доказали свою готовность к активному сопротивлению. Тогда проявилось идейное единство индейцев Альтиплано.¹⁵

15 октября при поддержке Анны Марии Ромеро де Компаньеро (правозащитницы, приобретшей популярность среди населения за ее мужественную борьбу против нарушений прав человека и насилия), интеллектуалы и сотрудники неправительственных организаций объявили голодовку с требованием отставки президента. Г. Санчес де Лосада заявил о том, что оппозиция готовит государственный переворот.

17 октября 2003 г. Г. Санчес де Лосада в сопровождении нескольких лиц из своего кабинета вылетел в Майями. Конгресс принял его отставку с 97-ю голосами против 30-ти. Власть была передана вице-президенту Карлосу Месе.

Смена власти лишь на некоторое время успокоила участников антиправительственных выступлений, которые угрожали возобновить протесты в случае невыполнения их требований. Программой максимум оппозиции было взломать существовавшую систему.

Перед президентом К. Месой стояла задача в кратчайшие сроки выправить критическое положение демократических институтов, попытаться справиться со сложнейшим комплексом социальных, экономических и этнополитических проблем, а так же объединить крайне расколотое и поляризованное общество. Немаловажным являлось то, что ему было необходимо оправдать в глазах недовольного большинства недостаточную легитимность своего мандата¹⁶. Профессиональные и моральные качества К. Месы в выгодную сторону отличали его от предшественника, избравшего путь подавления и насилия. На какое-то время он оказался компромиссной фигурой, устраивающей и истеблишмент, и умеренных, и бунтовщиков-маргиналов.

Новый президент, продолжив неолиберальный путь развития, пошел навстречу индейским лидерам. Он одобрил идею созыва Конституционной ассамблеи с целью обновления политической системы, и на первом этапе своего президентства был поддержан МАС. Линия К. Месы на транспарентность власти и урегулирование конфликтов путем переговоров способствовала разрядке напряженности и была хорошо встречена населением. Диалог и ненасилие стали ключевыми понятиями в стиле управления, предложенном его правительством. В числе первых заявлений прозвучало намерение созыва всенародного референдума по использованию углеводородного сырья. К. Меса принял решение отказаться от транзита газа в Чили с учетом популярности в обществе идеи восстановления суверенитета над территориями тихоокеанского побережья. Он пообещал также тотальную газификацию страны, бесплатное подключение газа к домам боливийцев и перевод автотранспорта на «голубое топливо».

18 июля 2004 г. состоялся обещанный референдум. 92 % боливийцев проголосовали за восстановление контроля государства над газовой отраслью.¹⁷ Следует выделить несколько аспектов, указывающих на стремление К. Месы отмежеваться от политики Г. Санчеса де Лосады и пойти на примирение с оппозицией. Во-первых, результаты референдума объявлялись обязательными к исполнению, в отличие от предложенного ранее их консультативного характера. Во-вторых, прежде планировалось провести референдум в отдельных департаментах, К. Меса же настоял на всенародном голосовании.¹⁸

Но газовая проблема не была снята. Президент столкнулся с продолжающейся мобилизацией оппозиционно настроенной части населения и вспышками насилия с января по июнь 2005 года. Целью оппо-

зиционером, по-прежнему, было принятие нового закона по углеводородам, который бы передавал государству контроль над ресурсами и прибылью. Каждый день блокад приводил к потере 13,8 млн. долларов.¹⁹ Ситуацию осложняла периодически вспыхивающая «война за коку». Кокалерос, вдохновляемые призывами Э. Моралеса, возобновляли протесты против сокращения плантаций коки и присоединялись к рабочим, транспортникам и учителям. Что бы сбить волну протестов К. Месе пришлось приостановить уничтожение плантаций коки.

Политика президента была слишком мягкой по сравнению с предшественниками, более открытой и гибкой. Однако тактика постоянных уступок и попытки согласования интересов себя не оправдывали в политически поляризованной и этнически гетерогенной стране. Добившись удовлетворения одних требований, радикалы выдвигали новые.

В разгар кризиса, 7 марта 2005 г. К. Меса подал в отставку, однако Конгресс ее отклонил. Реакцией со стороны «левых» стало объединение оппозиции под антинеолиберальными лозунгами и требованиями национализации ресурсов. В этот же день лидеры ведущих сил, среди которых были Э. Моралес, Х. Соларес, Ф. Киспе, Р. Де ла Крус (координатор профсоюза рабочих Эль-Альто, игравший одну из ключевых ролей в октябрьском восстании) и О. Оливера подписали антиолигархический пакт.

Вторая «война за газ» началась 16 мая 2005 г., когда на столицу из Эль-Альто двинулся марш индейцев – первая акция из множества последовавших, сопровождавшихся столкновениями с полицией в течение нескольких недель. Марш был организован оппозицией, объединившей Федерацию соседских советов Эль-Альто, профсоюз региональных рабочих Эль-Альто, Университет Эль-Альто, крупнейший профсоюз боливийских горняков КОБ, профсоюз рабочих департамента, Конфедерацию коренных народов, Федерацию крестьян Ла-Паса Тупак Катари, профсоюзы учителей Эль-Альто и Ла-Паса и многие другие. Пестрота и радикальность требований соответствовали накалу страстей. Среди лозунгов марширующих наиболее важными стали призывы к национализации газовой отрасли, роспуску парламента и отставке К. Месы. Манифестанты требовали немедленного созыва Конституционной Ассамблеи. Наиболее воодушевлял толпу призыв к суду над Гони и его командой.

17 мая 2005 г. К. Меса объявил о своем решении занять нейтральную позицию – он не собирался ни подписывать, ни накладывать вето на проект закона по углеводородам (Ley de Hidrocarburos № 3058), ранее одобренный Конгрессом. Проект предусматривал ставку роялти 18 % и прямой налог на производство 32 %.²⁰ Одобрить его означало еще больше подстегнуть оппозицию к активным действиям, так как закон явно не отвечал требованиям протестующего населения. С другой стороны, представители нефтегазовой компании ЯПФБ считали этот законопроект чересчур жестким и предупреждали, что он приведет к

срыву ряда контрактов и отпугнет потенциальных инвесторов. Однако медлить с решением вопроса так же было недопустимо. Позиция президента лишь «подлила масла в огонь» и ускорила радикализацию оппозиции.

Под эгидой МАС был организован 200-киллометровый марш из Караколло в Ла-Пас. Основной целью было добиться повышения налоговой ставки с 18 %, как было записано в законопроекте, до 50 %.²¹ По мере приближения к столице, лозунги становились все радикальнее. Энтузиазма добавляли два основных лидера, Эво Моралес и Хайме Соларес, которые ссылались на кубинский и венесуэльский опыт национализации. Марш сопровождался столкновениями индейцев и горняков с полицией.

К концу короткого правления К. Меса рейтинг президента опустился до 49 %²². По сравнению с показателями предыдущих властей, эта цифра была не так уж мала. Однако продолжать работу в условиях растущего недовольства и непрекращающихся выступлений с требованиями об отставке, для такого человека, как К. Меса, было невозможно. Он осознавал, что решить все проблемы в одночасье и успокоить народ не удастся. Ситуация была близка к революционной. Страна стояла на грани гражданской войны.

Апогеем народной мобилизации явились последние дни мая 2005 года. 30 мая 2005 г. марширующие вошли в Ла-Пас. Президентский дворец и Пласа Мурильо были полностью заблокированы полицейскими отрядами. Против мирного населения применили дубинки, слезоточивый газ, холостые патроны. Но протестующие не сдались. 6 июня 2005 г. вторая газовая война завершилась поражением власти. После многомесячной борьбы населения за национализацию природных богатств, президент К. Меса ушел в отставку, мотивируя свое решение неспособностью управлять страной в обстановке полной нестабильности. Это стало логическим концом социальных волнений, самых масштабных на континенте за последние десятилетия.

Среди причин, вызвавших столь сильную волну радикализации, следует выделить следующие. Отсутствие планомерного социального развития, крайнее социальное неравенство и незначительные перемены в качестве жизни населения породили желание сломать старую систему. На данном этапе о последствиях никто не задумывался, главной целью было немедленное разрушение. Люди осознали, что «ждать милости» от государства нет смысла. Политика стала переходить из области сложных механизмов демократического управления на более понятный массам уровень прямых действий – восстаний, стачек и забастовок.

Государство само спровоцировало рост радикализации настроений. Власть избрала путь насильственного подавления волнений, а, как известно, действие порождает противодействие. Усиление репрессий вызвало новую волну уличной борьбы. Оставалось лишь найти подходящего лидера. На эту роль прекрасно подходил Эво Моралес,

выходец из индейской общины, ставший олицетворением истинного народного вождя. В свою очередь, особенности его личности стали во многом определять характер политических действий. Сложно представить, чтобы человек, никогда не имевший доступа к элите и, к тому же, обладающий ярким харизматическим типом личности, добивался власти путем «закулисных интриг» или классическим электоральным путем. Для него более логичной и естественной была открытая борьба, ареной для которой стала вся страна. Чем радикальнее и понятнее лозунги, тем сильнее поддержка народа.

Определенную роль сыграли внешние факторы. Негласная поддержка Э. Моралеса Венесуэлой и Кубой, на опыт которых он неоднократно ссылался, усилила революционные и антиамериканские нотки в риторике нового лидера. Не стоит забывать и о популярном в Латинской Америке движении антиглобалистов. Концепция «индейского восстания» вполне укладывалась в идею противостояния процессам вестернизации и модернизации по западному образцу.

Стало очевидным, что, к сожалению, социальный бунт оказался самым эффективным способом достижения политических целей. Восстания рабочих, крестьян и индейцев оказались фундаментальным вызовом истеблишменту и политической системе, с которыми они не смогли справиться. Однако победа, одержанная народом над государством, еще не означала победу над бедностью и несправедливостью. Страна требовала обновлений, которые ей были обещаны лидерами оппозиции. Обществу предстояло воплотить в жизнь новый проект «социального благополучия».

¹ Assies W. Bolivia: A Gasified Democracy // Revista Europea de Estudios Latinoamericanos y del Caribe. 2004. 76. P. 27

² демократура – (исп. *democradura*) разновидность гибридных режимов. В тех случаях, когда проводится либерализация без демократизации, возникающий гибридный режим получил название диктабланда (*dictablanda*). В тех же случаях, когда проводится демократизация без либерализации (т.е. когда выборы проводятся, но при условиях гарантированной победы правящей партии, исключения определенных общественно-политических групп из участия в них или при лишении избранных граждан возможности подлинного управления) был предложен неологизм демократура.

³ Spronk S., Webber J. Struggles against Accumulation by dispossession in Bolivia: The Political Economy of Natural Resource Contention // Latin American Perspectives. 2007. Vol. 34. № 2. P. 31-47.

⁴ Perreault T. From the Guerra Del Agua to the Guerra Del Gas: Resource Governance, Neoliberalism and Popular Protest in Bolivia // Antipode. 2006. Vol. 38. № 1. P. 156.

⁵ *Ley de Agua Potable y Alcantarillado Sanitario* № 2029. URL: <http://www.congreso.gov.bo/>

⁶ Bustamante R. The water war: resistance against privatization of water in Cochabamba, Bolivia // Revista de Gestión del Agua de América Latina. 2004. Vol 1. № 1. P. 37-46.

⁷ Van Cott L.D. From Exclusion to Inclusion: Bolivia's 2002 Elections // Journal of Latin American Studies. 2003. № 35. P. 751.

⁸ Ibid. P.753.

⁹ Assies W. Ibid. P. 29.

¹⁰ В 1879 г. Боливия поиграла войну с Чили и потеряла выход к Тихому океану. Прошло более века, но боливийское население так и не смогло примириться с этим фактом и рассматривало Чили как «злейшего врага» боливийскому народу. Любые попытки сотрудничества с Чили воспринимались как угроза национальным интересам.

¹¹ Боливия в зоне риска. Аналитические тетради ИЛА РАН / Под. ред. М.Л. Чумаковой. №16, М., 2005.С. 17.

¹² Assies W. Ibid. P. 30.

¹³ Ibid.

¹⁴ Ibid. P. 31.

¹⁵ Webber J.R. Left-Indigenous Struggle in Bolivia: Searching for Revolutionary Democracy. *Monthly Review*. 2005. Vol. 57. № 4. P. 34-48.

¹⁶ Стремясь соблюсти конституционный порядок передачи власти после отставки Г. Санчеса де Лосады, парламент наделил вице-президента полномочиями главы переходной администрации, однако позже, учитывая критическую ситуацию в стране, конгресс избрал К. Месу президентом страны до истечения срока мандата Г. Санчеса де Лосады, т.е. до августа 2007 г.

¹⁷ Боливия в зоне риска. С. 20.

¹⁸ Следует иметь в виду, что в последние десятилетия увеличился экономический разрыв между востоком и западом, и Г. Санчес де Лосада мог рассчитывать на поддержку его газовых проектов лишь в развитых районах «полумесяца».

¹⁹ Боливия в зоне риска. С. 25.

²⁰ Ministerio de Hidrocarburos y Energía de Bolivia. URL: <http://www.hidrocarburos.gov.bo/>

²¹ Webber J.R. Ibid. P. 39.

²² Чумакова М. Л. Боливия: поворот к альтернативной модели? // Латинская Америка. 2006. №3. С. 11.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Кэтрин А. Слоан

ЖЕНЩИНЫ ЮКАТАНА: У РЕВОЛЮЦИИ НЕТ ОДЕЖД*

Stephanie J. Smith. Gender and the Mexican Revolution: Yucatan Women and the Realities of Patriarchy. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2009. xi + 257 pp. \$27.00 (cloth), ISBN 978-0-8078-3284-4; \$65.50 (paper), ISBN 978-0-8078-5953-7.

Мексиканская революция была войной мужчин. Конечно, в ней участвовали и женщины, которые, как Аурелио Роблес и ее соратницы, одевались в мужскую одежду и храбро вели войска в бой; так называемые *soldadera* готовили еду, развлекали мужчин, занимались добычей боеприпасов и вдохновляли бесчисленные корриды; были и элитные феминистки, которые сражались за права женщин. Но каковы были результаты этой революции для женского населения Мексики в те напряженные десятилетия? Не менее важен и вопрос о том, каков же был вклад женщин в революцию. Эти два вопроса являются центральными при рассмотрении данного события, ключевого в мексиканской истории. Если опираться на соответствующую литературу, то ответы на эти вопросы во многом подрывают устоявшееся уже мнение о равенстве полов и правах мужчин и женщин. Мексиканская революция носила в основном патриархальный характер, но, как считают многие исследователи, женщины могли успешно вести диалог с патриархальной гегемонией, причем с завидной находчивостью. Существуют небезынтересные тому примеры, которые также свидетельствуют и о том, что подобная тенденция является весьма продолжительной в исторической ретроспективе. Гендерные исследования Латинской Америки девятнадцатого века показали, что женщины зачастую обращались к либеральной риторике, чтобы отстаивать свои позиции перед чиновниками и судьями, равно как и их революционно настроенные сестры, хорошо понявшие суть политических переговоров тех лет⁰.

* Публикуется по: Kathryn A. Sloan. Review of Smith, Stephanie J., *Gender and the Mexican Revolution: Yucatan Women and the Realities of Patriarchy* // H-LatAm, H-Net Reviews. November, 2009 // <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=24998>
Перевод с английского А.А. Болдырихина.

⁰ Два примера: Camilla Townsend, "Angela Batallas: A Fight for Freedom in Guayaquil," in *The Human Tradition in Colonial Latin America*, ed. Kenneth J. Andrien (Lanham: SR Books, 2002); and Christine Hunefeldt, *Liberalism in the Bedroom:*

Я ни в коей мере не хочу принижать значение революции как катализатора устранения классовых барьеров и существенного увеличения роли рабочего класса в новом государстве, но в начале девятнадцатого столетия женщины мало что выиграли для себя. И тем не менее, здесь не стоит говорить о какой-либо стагнации. Об этом говорит и работа Стефани Дж. Смит, которая является серьезным вкладом в региональные исследования Мексиканской революции.

Впечатляющие исследования С.Д. Смит провинциальных архивов воссоздают историю женщин Юкатана в Мексиканской революции. После тщательного изучения уголовных дел, законодательных актов, феминистской периодики и правительственных документов, Смит представляет читателю захватывающее повествование, которое носит скорее тематический, чем хронологический характер. В первых двух главах она вводит понятие «революционной лаборатории», повествуя о попытках правительства улучшить положение женщин путем внедрения нового трудового законодательства и изменения правовых норм в сфере образования. К примеру, губернатор Сальвадор Альваро (1915-18) постарался изменить ситуацию к лучшему с помощью нормирования рабочих часов и введения минимального уровня оплаты труда, а также упразднения системы отработки долговых обязательств, которая для женщин означала практически рабство. Проведенный автором анализ сферы сельского образования в революционный период перекликается с исследованием Мэри Кэй Воган, но также дополнительно вносит аспект региональной специфичности, показывая, как Альваро пошел на поводу у владельцев генекеновых плантаций и запретил учителям-женщинам преподавать деревенским школьникам основы правового статуса гражданина. Смит также анализирует кодексы законодательных актов и юридические прецеденты на Юкатане, а также рассмотрение судами различных инстанций дел, в которых фигурировали женщины, особенно в случаях, касавшихся соблазна, дефлорации или расторжения брака. Быстрые военные трибуналы были более благосклонны к женщинам и зачастую выносили решение в их пользу. Но в судах общей юрисдикции дела обстояли по-другому, особенно в 1920-х годах, когда истина выяснялась путем медицинского обследования.

В последующих трех главах автор рассматривает участие женского населения в становлении нового порядка и утверждение ими своих гражданских и женских прав. Смит проводит анализ общественных отношений в церковном государстве и делает акцент на борьбе различных сторон за контроль таких сфер жизни, как брак, рождение, смерть и общественная мораль. Антиклерикализм революционных лидеров во многом совпадал с политическими взглядами Хуареса и способствовал распространению мнения о том, что либералы и уче-

Quarreling Spouses in Nineteenth-Century Lima (University Park: Pennsylvania State University Press, 2000).

ные в прошлом веке обошли своим вниманием полуостров Юкатан. Тем не менее, важным итогом данного конфликта стало то, что женщины сражались с антиклерикализмом, используя догмы революционно настроенных государственных деятелей. К примеру, защищая свои права на наличие церковного прихода и священника, одна группа мужчин и женщин ссылалась на статью 27 Конституции, где было сказано, что храмы принадлежат народу, который также имеет право на свободу вероисповедания. Права личности также сыграли значительную роль в семейном праве на Юкатане. Разведенным предоставили законное право вновь вступать в брак и, согласно данным Смит, в результате этого количество мужчин, подававших на развод, увеличилось и превзошло количество женщин. Автор предполагает, что причиной тому являлось тяжелое финансовое положение женщин и невозможность оплатить услуги юристов, но я считаю, что женщинам просто не хотелось отпускать от себя детей в результате развода. Губернатор Фелипе Каррильо Пуэрто еще более упростил процедуру бракоразводного процесса путем разрешения одному из супругов подавать на развод даже без уведомления другого супруга. Данное нововведение спровоцировало поток «туристических» пар из США и других районов Мексики, которые приезжали в Мериду для того, чтобы здесь законным порядком развестись. Само собой, ничто не препятствовало разведенным утром уже бывшим супругам еще до вечера совершить совместную экскурсию на руины майя. Увлекательное повествование автора раскрывает также интересные нюансы в изменении отношения некоторых мексиканцев к институту брака, который расценивался преимущественно как некое официальное подтверждение романтических чувств, с поправкой на то, что после введения новых правовых норм каждый мог в одностороннем порядке положить конец брачным узам. Публичные женщины и другие представительницы не особенно легальных профессий дополняют историю положения женщин на революционном Юкатане. Их жизнь периодически усложнялась, как могла она усложниться в 1890-е годы или в 1905 году при Оахаке де Хуаресе. Государство следило за каждым их шагом, регулярно подвергало их тщательному медицинскому обследованию и все равно считало их отбросами городского общества. Но затем государство приравнило проституцию к остальным видам наемного труда и постаралось обеспечить представительницам данной профессии безопасные условия для жизни. В частности, бордели и их содержательницы были объявлены вне закона, а публичным женщинам предписывалось работать исключительно на самих себя и запрещалось жить совместно в количестве более двух человек.

В итоге работа Смита предстает перед нами как довольно грустное повествование, если смотреть на проблему сверху вниз. Несомненно, Альварадо и Каррильо Пуэрто придерживались прогрессивных взглядов, но в конце концов их попытки предоставить женщинам больше свободы оказались неудачными, так как они все равно смот-

рели на данный вопрос с гендерной точки зрения, который оставлял женщин на вторых ролях, определяя их главную ценность в качестве жен и матерей. Лидеры феминистского движения также не смогли сколь-нибудь значительно улучшить жизнь женщин Юкатана. Женская честь по-прежнему значительно добавляла шансов выиграть дело в суде. В конечном итоге, для многих женщин жизнь на революционном Юкатане не особенно отличалась от жизни в порфирианской Мексике. Глядя на проблему снизу вверх, можно найти больше положительных моментов. Юкатанские женщины, как и их предшественники, не были просто обывателями. Они научились использовать революционные аргументы и отстаивали свои права перед государственной системой, участвуя в военных трибуналах или в собраниях феминисток. Но это явление не следует считать уникальным для данного периода. Женщины использовали такие же стратегические приемы и в колониальной Мексике, и в Мексике девятнадцатого века. Исследование Смит доказывает, что женщины на самом деле были очень изобретательны: они прислушивались к политическому дискурсу вокруг них и могли использовать те же самые приемы для достижения собственных целей. Смит также удается достичь и еще одной цели. Она развенчивает миф о якобы героическом прошлом феминисток и доказывает, что весьма долгое время положение женщин на Юкатане не изменялось в лучшую сторону сколь-нибудь значительно.

В целом, работа Смит на тему гендерных отношений и мексиканской революции – это захватывающее повествование о жизни женщин, которые боролись за свои революционные идеалы, но были поставлены в тупик вековой традицией гендерного неравенства, которая и затормозила их эмансипацию. Книга будет интересна не только специалистам, так как увлекательный стиль и ясность аналитической мысли автора делают эту работу прекрасным выбором и для работы в аудитории.

СОВРЕМЕННАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТИКА:

**«второе издание»
русского неомарксизма**

Давыдов В.М., Бобровников А.В. Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном изменении) / В.М. Давыдов, А.В. Бобровников. – М.: ИЛА РАН, 2009. – 234 с. ISBN 5-201-05454-4

В классическом марксизме использовался термин «второе издание крепостничества», призванный проиллюстрировать особенности социально-экономического развития поздней средневековой Германии. Крепостничество не является единственным социальным, экономическим и культурным феноменом, которое возникало не столько исторически, сколько подвергалось государственно направляемой институционализации. В своей интеллектуальной и культурной биографии марксизм и связанный с ним неомарксизм прошли не только этапы рождения, развития, кризиса, но и своеобразного «второго издания». В качестве «второго издания» марксизма, вероятно, мы можем определить интеллектуальные искания европейских и американских интеллектуалов 1920 – 1940-х годов, которые после завершения второй мировой войны привели к появлению внешне немарксистских, но генетически связанных с ним, структуралистских, (нео)модернистских, микроисторических и других методик гуманитарного (экономического, литературного, социального, политического, культурного, исторического) исследования.

Неомарксизм генетически связан со своими классическими марксистскими «материнскими» теориями. «Первым изданием» неомарксизма стали классические, основанные на мир-системном анализе и теории центра / периферии, труды И. Валлерстайна, С. Амина, Р. Кокса. «Второе издание» неомарксизма пережил во второй половине 1990-х – в 2000-е годы, что связано с динамичным развитием журнала «Journal of World-Systems Research», на страницах которого интеллектуальной ревизии и переосмыслению подвергается неомарксистская классика. Вопрос о «первом издании» русского неомарксизма является дискуссионным. Если на Западе неомарксизм генетически был связан с научным сообществом, то в России 1990-х годов неомарксизм подвергся значительной политизации. Поэтому «первое издание» русского неомарксизма по причине его политизированности осталось

почти незамеченным. «Второе издание» российского неомарксизма состоялось на излете «нулевых», будучи связанным с активизацией научного сообщества, часть представителей которого, предприняла попытку переноса западных методов исследования на российскую почву, в том числе – и в латиноамериканистику.

На протяжении длительного времени отечественная латиноамериканистика развивалась в рамках методологической модели, основанной на принципах вульгарного марксизма, который воспринимался не как «вульгарный», но как единственно верный и правильный принцип изучения и научного описания как истории, так и современных политических, социальных и культурных процессов в странах Латинской Америки. Распад СССР привел к кризису советской методологии, что поставило перед российским исследовательским латиноамериканистским сообществом новые задачи, связанные с формированием и выработкой новых принципов научного исследования. Российская латиноамериканистика упустила исторический шанс методологической трансформации.

Поэтому, на протяжении 1990 – 2000-х годов латиноамериканские исследования в значительной степени проводились «по инерции», унаследованной от советского периода. Проявлением методологического кризиса стало доминирование т.н. нормативной историографии. Тексты, выдержанные в соответствии с канонами и духом нормативизма, доминируют на страницах журнала «Латинская Америка», статус которого в контексте аналогичных англоязычных изданий близок к маргинальному по причине политизированности и полного отсутствия попыток реализации принципов междисциплинарности. В условиях доминирования столь негативных тенденций в России, тем не менее, выходят оригинальные и новаторские исследования, которые по своему методологическому уровню близки работам западных латиноамериканистов, что, например, относится к монографии директора ИЛА РАН, профессора, доктора экономических наук В.М. Давыдова и доктора экономических наук, ведущего научного сотрудника ИЛА РАН А.В. Бобровникова «Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении)».

Анализируя политические и экономические процессы в Мексике и Бразилии, В.М. Давыдов и А.В. Бобровников отталкиваются от концепта, согласно которому современная мировая политика определяется не только признанными лидерами, но и т.н. «восходящими странами-гигантами». По мнению российских исследователей на протяжении последних трех – четырех столетий в мировой политике и экономике сложился особый тип динамики: на ранних этапах модернизации Запада потенциальными лидерами «мирового» развития могли стать страны со скромными политическими и экономическими потенциалами в то время как современность отмечена возникновением и развитием

интеграционной модели развития, основанной на интеграции как политических акторов, так и национальных экономик.

Подобные интеграционные процессы формируют облик современной мировой политики и экономике, предлагая развивающимся странам возможность выбора между ассоциативными и автономными моделями развития. Среди подобных стран, которые переживают динамичные процессы развития и перемен, находятся Бразилия и Мексика. В.М. Давыдов и А.В. Бобровников полагают, что эти государства «бесспорно являются региональными державами и все в большей степени определяют региональную ситуацию в Латинской Америке». Эти две страны, как полагают российские исследователи, имеют немало общего: на протяжении XIX – XX веков они выработали свою модель политической нации, которая не только смогла выработать потенциал реагирования на внешние вызовы, но и оказалась в значительной степени адаптивной.

Российские исследователи подчеркивают, что Бразилия и Мексика «имеют демографический, территориальный и производственный потенциал, который резко выделяется не только на региональном, но и на общемировом фоне». Важнейший фактор, который дает возможность анализировать их в рамках одного исследования, не только принадлежность в прошлом к периферии процессов мирового развития, но и сочетание на современном этапе мощных центров роста с периферийными регионами. Комментируя подобные трансформации, российские латиноамериканисты констатируют, что Бразилия и Мексика «превращаются в центры инновационного роста, обладая для этого определенным потенциалом».

С другой стороны, важным фактором трансформации Мексики и Бразилии является участие этих стран в интеграционных проектах регионального уровня. Мексика является одной из стран-создательниц НАФТА в то время как политические элиты Бразилии стремятся трансформировать страну в интеграционный центр в Южной Америке. Активное участие в интеграционных процессах способствует росту политического влияния латиноамериканских гигантов, что ведет к появлению с их стороны «претензий на формальное или неформальное представительство в некоторых ключевых структурах глобального регулирования».

Подводя итоги настоящего обзора, во внимание следует принимать ряд факторов. Выделенности рецензируемой монографии из массива современных российских публикаций по латиноамериканистике способствует то, что она написана в рамках парадигмы, которая в значительной степени может быть определена как неомарксистская. Современный неомарксизм играет одну из ведущих ролей в изучении международных отношений, мировой политики, а также в региональных и политических исследованиях. Залогом успешного развития неомарксизма является не только творческое и новаторское переосмысление марксистской классики, работ основоположников неомарксиз-

ма, но и то, что современные неомарксистские исследования опираются на фундамент междисциплинарного синтеза.

Это в полной мере относится к работе В.М. Давыдова и А.В. Бобровникова. В этом отношении неомарксистские интерпретации международных отношений, мировой политики и регионального развития не страдают недостатками классического марксизма, связанными с излишней абсолютизацией экономического фактора и родовыми травмами современной постсоветской российской латиноамериканистики, выдержанной в традициях нормативистского канона. Активное использование методов культурного и социального анализа, социальной и культурной антропологии, экономической антропологии способствует динамичному развитию неомарксизма, превращая исследовательские методы и приемы, предлагаемые неомарксистами, в значительной степени применимыми для изучения как мировой политики и международных отношений, так и феноменов развивающихся обществ, политических модернизаций, националистических и внесистемных движений, в том числе – и в регионе Латинской Америки.

С другой стороны, автор обзора вынужден констатировать и то, что число подобных оригинальных и междисциплинарных работ, издаваемых в России, продолжает оставаться крайне незначительным. Это способствует консервации, закрытости российского латиноамериканского сообщества, его отрыву от магистральных трендов в развитии англоязычных *Latin American Studies* и национальных исследовательских школ в странах Латинской Америки.

СИСТЕМЫ И ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ОБЩИН КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ*

José Antonio Lucero. *Struggles of Voice: The Politics of Indigenous Representation in the Andes*. Pitt Latin American Studies Series. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press, 2008. 224 pp. \$65.00 (cloth), ISBN 978-0-8229-4352-5; \$25.95 (paper), ISBN 978-0-8229-5998-4.

Этот захватывающий анализ становления и эффективности Андских организаций коренного населения в Эквадоре и Боливии объединяет теорию и «уже существующую» практику поддержки концепции, которая утверждает, что движение коренного населения представляет демократически настроенные массы Латинской Америки. Основанная на построениях Бенедикта Андерсона о «воображаемых сообществах» и представлении Альберта Хиршмана о «голосе» как о попытке изменить существующее положение вещей, эта работа ставит под вопрос теории коллективного действия и представительства и предлагает свою собственную схему анализа и оценки активизации коренного населения в конце двадцатого века.

В первых двух главах своей работы, политолог Хосе Антонио Люсеро борется с теориями артикуляции, организации и представительства. В своем тщательном исследовании проблемы, автор признает значимость рационалистической и структурной концепций коллективного действия, которые подчеркивают все элементы индивидуальной мотивации и создают возможность для конкретных действий. Тем не менее, Люсеро называет данные подходы «статичными» по отношению к общественным группам, таким, как сообщества коренного населения, и настаивает на применении культурологического подхода. Одобряя использование «бриколажной» аналитической модели, успешно примененной Элизабет Клеменс, Люсеро вводит в оборот «прагматично-конструктивистскую схему», как он сам ее называет, подчеркивая важность исторического и компаративного подходов к анализу элементов культурного дискурса и конструкции идентично-

* Печатается по: Davis R.P. Review of Lucero, José Antonio, *Struggles of Voice: The Politics of Indigenous Representation in the Andes* / R.P. Davis // H-LatAm, H-Net Reviews. November, 2009 // <http://www.h-net.org/reviews/showrev.php?id=25194> Перевод с англ. А.А. Болдырихина

сти. Пересматривая теории представительства Томаса Гоббса и Мишеля Фуко, Люсеро подчеркивает, что в любом анализе доминируют представительские формы популизма, корпоративизма и клиентализма, называемые в данном контексте «фильтрами» или «зеркалами». Люсеро вновь делает исключение из правил и вводит концепцию «ассоциативных сетей» как наиболее эффективного аналитического инструмента. Эти неиерархические структуры, которые обладают большой разветвленностью и гибкостью, предоставляют больше возможностей для изучения культурного взаимодействия и системы социальной организации. Обрисовав таким образом аналитическую траекторию своего исследования, Люсеро затем представляет исторический анализ взаимоотношений коренного населения в Эквадоре и Боливии с момента получения независимости до современного этапа.

Историческая дискуссия, представленная в главах с третьей по шестую, разделена на три составляющих. Первая изучает взаимоотношения коренного населения с первых дней независимости до 1960 года. Вторая исследует эпоху укрепления позиций коренного населения с 1960-х по 1990-е. Третья секция фокусирует внимание на неолиберальных тенденциях с начала 1990-х и до современности.

На первом этапе исторического анализа Люсеро выделяет элементы «этнической администрации» и корпоративизма в качестве отличительных признаков данного периода. Согласно исследованиям Андре Герреро, этническая администрация относится к местной или полужакрытой системе «репрессивного подспудного представительства» (стр. 51). В этом отношении такие институты, как католическая церковь, землевладельцы, государство и различные чиновники представляли мнение коренного населения Анд. Корпоративные государственные структуры признавали общины коренных жителей, но доминировали над ними. Эти общины были представлены региональными элитами и были связаны с нацией путем создания государством корпоративных структур. В Боливии сообщества коренного населения, или «аюлус» (ayllus), вполне вписывались в систему экспортно-ориентированной экономики и поэтому оставались нетронутыми. В Эквадоре, система аюлусов была в основном вытеснена гасиендами. К середине двадцатого века, когда государство уже стало устойчивой системой и легализовало коллективное имущество, реформы коснулись лишь небольшой части населения, которая не была задействована на гасиендах и так или иначе не контролировалась правящей элитой. В обеих странах, индейский вопрос затрагивал преимущественно горные поселения коренных жителей, а те, которые населяли равнинные местности бассейна Амазонки, были объявлены «примитивными» и оставлены на попечение церковных миссий.

В Боливии, за исключением изначального периода, революция 1952 года содержала элементы этнической администрации и корпоративизма. Новое революционное государство ухватило за идею аюлусов, переименовало их в «союзы», а людей, населявших их, в сель-

хозрабочих, или *campesinos*, и провозгласило себя «голосом» рабочего движения. Люсеро характеризует аграрные реформы 1960-х годов как начало становления движения коренного населения. Изначально базировавшиеся на коммунистической идеологии, группы коренных жителей стали бороться против доминирования крупных землевладельцев (*haciendado*) и государственного контроля. Начиная с ранних форм организации на основе классового принципа, к 1990-м годам группы коренного населения успешно трансформировались в новые типы организованных движений и перешли от классового дискурса к этническому. Здесь Люсеро тщательно прорисовывает резкие контрасты между Эквадором и Боливией, которая, тем не менее, основывается на общей динамике и тенденциях. В Боливии смена дискурса еще более явно обнажила контраст между коренными жителями горных и равнинных районов. Горцы сводили свою концепцию к защите традиционных аюлуфов и даже предлагали вернуть доминирование индейцам аймара. Тем временем, жители равнин под предводительством выходцев из племен гуарани в городе Кочабамба и под влиянием динамично развивающейся группы населения, занятой в производстве коки (*cocaleros*), смогли снискать больше поддержки как среди широких народных масс, так и в политических кругах. В Эквадоре успешное становление организаций коренного населения и переход к этническому дискурсу был характерен для всей территории страны. На основе этнической и экологической концепции «национальностей» большинство групп коренных жителей вошло в состав национальной федерации, которая пользовалась широкой политической поддержкой. Люсеро отмечает, что, несмотря на значительные контрасты, становление концепции «голоса» коренного населения и поддержка властных структур в его адрес были характерны для обоих государств.

В третьей части исторического анализа Люсеро подчеркивает удивительную сопоставимость неолиберальных реформ и мультикультурализма, которые создали возможность для дальнейшего развития концепции «голоса» коренного населения. В Боливии неолиберализм играл большую роль, так как был официально утвержден в качестве государственной политики. В Эквадоре он зародился как не очень перспективный политический курс и стал катализатором для развития национальной оппозиции. В Боливии правительства Паза Эстенсоро и Гонсальо Санчеса де Лозады полностью реструктурировали государственную систему путем приватизации национальных производственных мощностей, снижения расходов и децентрализации государства, передав 20 процентов национального бюджета в ведение муниципальной ветви власти, развитие которой шло ускоренными темпами. Наряду с этими изменениями, государство легализовало территории проживания коренного населения, усилило контроль на местах в сфере образования и оказало поддержку развитию билингвистики и мультикультурализма как составным элементами локализации. Эти действия придали уверенности действиям сообществ коренного

населения по формированию своих муниципалитетов и расширению их участия в политической жизни, которое, в свою очередь, усилило влияние движения *cocalero*, в результате чего Эво Моралес был избран на пост президента. В Эквадоре, где объединенное движение коренных народов было уже успешным в масштабе всей страны, его оппозиционность по отношению к неолиберальным реформам практически свела их на нет, но успех движения в целом способствовал продвижению федерации коренных народов в правительство и развитию политики взаимодействия с другими группами, что само по себе могло поставить под вопрос аутентичность «голоса» коренного населения в данной организации. Одновременно с этим, периферийные группы коренного населения смогли удачно перенять успешный стратегический опыт и языковые программы федерации и также получили признание.

В итоговой главе Люсеро утверждает, что причиной, по которой он написал данную работу, было «создать базу для прагматичного, исторически обоснованного конструктивистского анализа», и что его обзор «отдельных историй сообществ коренного населения, регионов и политических институтов раскрыл важные особенности «голоса» коренного населения в политической жизни» (стр. 177, 178). В этом отношении данное исследование представляет собой немного больше, чем просто предположение. Впечатляющий анализ деятельности организаций коренного населения, представительства и «голоса» коренных народов является убедительным, но не хватает анализа демократической теории и практики в Латинской Америке и представления в этом контексте динамики, которая представлена в рассматриваемой работе.

Так же, как и со многими диссертациями, которые затем переросли в книги, конструкция и общий стиль написания данной работы представляются немного угловатыми и натянутыми, и некоторые вещи повторяются без видимой на то необходимости. Первые главы содержат характерные для данной дисциплины узкоспециальные термины, которые представляют трудность для широкой аудитории. Тем не менее, в целом, это отличная презентация важного исследования и анализа, которая переносит дискуссию о современном опыте коренных народов на новый уровень. Данная работа заслуживает того, чтобы стать основой для работы в аспирантуре с возможным расширением масштаба исследования и изучения других регионов Анд. В итоге хочу заметить, что я с нетерпением ожидаю работы, которая будет посвящена дискуссии о демократической практике в Латинской Америке.

Ксения Беденко

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О БРАЗИЛИИ

Окунева Л.С. Бразилия: особенности демократического проекта: Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е гг. – 2006 г.) / Л.С. Окунева. – М.: МГИМО-Университет, 2008. – 823 с. ISBN 978-5-9228-0378-6

«Сегодняшняя Бразилия – современное демократическое государство, идущее по пути обновления, экономического и социального реформирования. Бразилия по праву превратилась в региональную державу; она проводит активную внешнюю политику, играет весомую и все возрастающую роль на мировой арене, в ООН, других международных организациях». С таких слов начинается недавно изданная книга «Бразилия: особенности демократического проекта (1960-е гг. – 2006 г.)», автором которой является Людмила Семеновна Окунева.

Ведущая страна латиноамериканского региона постоянно привлекает внимание как отечественных, так и зарубежных исследователей-латиноамериканистов. Тем не менее, ни в России, ни за рубежом до последнего времени не было комплексного исследования, посвященного особенностям бразильского демократического проекта и подводящего итоги двух десятилетий успешного продвижения страны по пути рыночной экономики, решения острейших социальных проблем и укрепления политической демократии. Этот пробел в значительной мере восполняет фундаментальная монография Л.С. Окуновой, доктора исторических наук, профессора кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО (У) и ведущего научного сотрудника Института Латинской Америки РАН.

Хронологические рамки монографии достаточно широки и охватывают период с 1960-х годов (установление военно-диктаторского режима и одновременно начало идейных поисков бразильских обществоведов) до 2006 г. (окончание первого президентского мандата Л. И. Лулы да Силвы), однако основное внимание автора сосредоточено на этапе поставторитарного развития. Тем не менее, Л.С. Окунева не ограничивается указанным историческим периодом и – в случае необходимости – делает пространные исторические экскурсы, позволяющие понять истоки того или иного явления или процесса.

Книга состоит из трех крупных разделов, включающих в себя девять глав. Она начинается с раздела, анализирующего долгий, сложный путь вызревания концепции демократии. В первом разделе «В

преддверии «демократического прорыва». Интеллектуальная элита Бразилии и ее роль в процессах политического обновления(1960-е – начало 1990-х гг.)» исследования автор проводит мысль о том, что бразильская демократия выросла не на пустом месте: политическим изменениям предшествовала длительная интеллектуальная подготовка. Начиная с 60-х годов, в стране сложился ряд идеологических направлений, в той или иной мере определивших векторы интеллектуального поиска дальнейших путей развития. Второй раздел «На старте демократизации (вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг.). Противоречивость демократического проекта: что показал опыт Бразилии» посвящен правлению президента Ф. Колора, «который провозгласил стратегию всесторонней модернизации страны с целью ее вхождения в «клуб развитых держав». Это важнейший период в новейшей истории Бразилии – «период старта демократизации», «демократического прорыва». И, наконец, третий раздел «От старта демократизации к демократической консолидации: особенности и противоречия, парадоксы и достижения Бразилии(первая половина 1990-х-2006)» описывает сложный комплекс проблем современного развития Бразилии, дан анализ становления и эволюции демократического проекта в этой стране.

Автор также говорит о тенденциях внешней политики Бразилии, делая особый упор на 1990-х – начале 2000-х годов (лозунги "конструктивной умеренности" и "конструктивной сдержанности", подспудная цель которых - "ограничить притязания "политики силы"). Особо характеризуется внешняя политика нынешнего Президента Бразилии Луиса Инасиу Лулы да Силвы, хорошо знакомого нам по его встречам с российскими руководителями. Автор справедливо замечает, что правительство страны "демонстрирует континуитет и традиционную для бразильской внешней политики предсказуемость, хотя и подчеркивает серьезные амбиции страны, перерастающие масштабы континента". Каковы же главные направления этой политики? Это "партнерство с латиноамериканскими соседями, наращивание усилий по линии Юг – Юг, борьба за установление справедливого мирового экономического порядка" - и все это является этапами "на пути продвижения Бразилии к обретению роли глобального актора международных отношений". Эти специфические особенности связаны, что не без оснований подмечает автор, с принадлежностью Бразилии к группе БРИК. Неслучайно поэтому Президент Бразилии Лула да Силва придает особое значение идее сотрудничества "восходящих стран-гигантов". Его дипломатическая команда предприняла немало усилий для активизации взаимодействия этих государств.

Активно развиваются российско-бразильские отношения. Этому вопросу отводится отдельное место. Говорится о созвучности внешней политики Бразилии, ее экономических целей сегодняшней России. "Важной ценностью российско-бразильского взаимодействия, - говорится в книге, - является неоднократно подтвержденное на высшем

уровне достижение стратегического партнерства между обеими странами во взаимоотношениях на мировой арене". Это положение проиллюстрировано результатами встреч В.В. Путина и Л.И. Лулы да Силвы в 2004 – 2005 годах. Тогда В.В. Путин (октябрь 2005 г.) заявил, что "мы смотрим на Бразилию как на нашего самого перспективного партнера в Латинской Америке". Как бы продолжая его мысль, бразильский лидер выдвинул идею соединения технологических знаний России с познаниями Бразилии в области науки и техники, опыта бразильской промышленности, заявил о желании Бразилии и России строить справедливый мир. Официальный визит Д. А. Медведева в Бразилию в ноябре 2008 года (книга Окуновой вышла до этой поездки) подтвердил намерение обеих стран продолжать и развивать плодотворное сотрудничество.

Вышедшая в прошлом году фундаментальная монография доктора исторических наук профессора МГИМО (У) Л.С. Окуновой дает возможность в полной мере увидеть современную Бразилию, многоплановые процессы ее развития, в том числе и особенности ее внешней политики, роль и место этой страны в современной международной жизни. Автор с полным основанием подчеркивает, что в наши дни Бразилия по праву превратилась в региональную державу, проводит активную внешнюю политику, играет весомую и все возрастающую роль на мировой арене, в ООН. В то же время автор резонно отмечает, что в системе международных отношений Бразилия занимает "особое место". И это далеко не случайно. Эта, как пишет автор, "страна-гигант", "страна-континент" фокусирует в себе специфику как той группы государств, которые принято называть "крупными странами с нарождающимися рынками", так и несет в себе некоторые особенности развитых индустриальных государств.

ЛАТИНОАМЕРИКАНИСТСКОЕ СООБЩЕСТВО

Кристина Бельвебер

ЛАТИНОАМЕРИКАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ФАКУЛЬТЕТЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ВГУ

Латиноамериканистика принадлежит к числу наиболее динамично развивающихся направлений отечественной науки, основанной на принципах междисциплинарности. В дореволюционной России история народов Латинской Америки фактически не изучалась. Это было во многом следствием слабого развития политических, экономических и культурных отношений между Россией и государствами далекого континента. Глобализация обострила проблему культурного многообразия и сосуществования разноплановых культурных традиций в условиях нового мирового порядка. В настоящее время международные связи России и Латинской Америки всё больше укрепляются. Таким образом, актуальность латиноамериканистики обусловлена, прежде всего, растущим интересом мировой общественности к латиноамериканской культуре в целом и мифологическому наследию народов Латинской Америки, в частности. На современном этапе латиноамериканистика является формой развития науки международных отношений и зарубежного регионоведения

Латиноамериканистика, как самостоятельное направление исследовательской деятельности, на факультете международных отношений ВГУ развивается с 2006 года. Исследования в области латиноамериканистики осуществляются под руководством проф. д.полит.н., заведующего кафедрой международных отношений и регионоведения А.А. Слинько. На факультете международных отношений действует Воронежское отделение Российской Ассоциации исследователей Иbero-Американского мира (руководитель – проф. А.А. Слинько, секретарь – к.и.н., преп. М.В. Кирчанов). Факультет сотрудничает с ИЛА РАН на основе соглашения (заключено в 2005, продлено в 2010 году). В рамках сотрудничества между факультетом международных отношений ВГУ и ИЛА РАН факультет посещали: директор ИЛА РАН, проф. д.э.н. В.М. Давыдов, заместитель директора ИЛА РАН, проф.

д.полит.н. Б.Ф. Мартынов, ведущий научный сотрудник ИЛА РАН проф. д.и.н. А.И. Сизоненко, главный редактор журнала «Латинская Америка» В.Е.Травкин; ИЛА РАН – декан факультета международных отношений, проф. д.э.н. О.Н. Беленов, проф. А.А. Слинко.

21 - 24 ноября 2005 года факультет посетил профессор, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН Александр Иванович Сизоненко. Он прочитал лекции для студентов третьего курса, которые были посвящены проблемам истории латиноамерикано-российских отношений. Институт Латинской Америки РАН является крупнейшим в России специализированным центром по изучению Латино-Карибской Америки, в сферу его исследовательской работы также входят страны Иберийского полуострова – Испания и Португалия. В исследованиях ИЛА РАН основное внимание уделяется изучению латиноамериканского опыта в реализации экономических моделей и проведении структурных реформ, в модификации политических и социальных систем, в разрешении межгосударственных конфликтов. Было заявлено, что сотрудничество между факультетом международных отношений и ИЛА будет продолжено и в дальнейшем, к тому же лекции А.И. Сизоненко будут способствовать росту интереса среди студентов к истории стран Латинской Америки.

Факультет международных отношений ВГУ является одним из региональных научных центров, которые публикуют специализированную литературу, посвященные проблемам политического, исторического и экономического развития стран Латинской Америки.

В 2005 году в издательстве ВГУ вышла книга профессора, доктора политических наук, заведующего кафедрой международных отношений и регионоведения А.А. Слинко «Переход к демократии в условиях террористической войны и политической нестабильности (политические процессы в Перу)». Предлагаемая монография изначально предназначалась для узкого круга специалистов, однако проблемы, освещенные в ней в настоящее время очень актуальны. Александр Анатольевич большое внимание уделяет анализу Перуанской апристской партии (ПАП), которая была преобразована из общеконтинентального движения силами АПРА. АПРА - Американский народно-революционный альянс, основными целями которого были борьба «за политическое единство Латинской Америки, за национализацию земли и промышленности, за интернационализацию Панамского канала и за солидарность со всеми угнетенными народами и классами мира», а также борьба против американского империализма. Также автор отмечает этапы формирования перуанской нации и национальной элиты, которые породили сначала военный каудильизм (социальный феномен в Латинской Америке, связанный с выдвижением на политической арене каудильо), а затем – сивилистскую диктатуру, основой которой являлась политика исключения масс, прежде всего индейских, из политической жизни. А.А. Слинко провел глубокий анализ либерально-авторитарного режима, который был приспособлен к борьбе с

терроризмом. Движение к демократии в Перу постоянно сопровождается стремлением демократической оппозиции и правящих военно-олигархических кругов опираться на широкие народные массы. В заключении автор отмечает, что кризис в развитии демократического процесса в Перу привел сначала к постепенному преодолению системы «военная диктатура – псевдодемократия», а затем и системы неэффективной демократии. Эта монография представляет собой колоссальный труд, потребовавший огромных затрат времени, глубоких знаний и усердной работы. Было проанализировано 200 источников на русском и испанском языках. Книга А.А. Слинько имеет важное значение для развития латиноамериканистики в Воронеже.

Факультет международных отношений с 2006 года издает ежегодный сборник статей «Политические изменения в Латинской Америке» - единственное региональное научное издание, посвященное изучению Латинской Америки в политической, экономической, культурологической и исторической перспективе. К 2010 году опубликовано 5 выпусков. Среди авторов сборника российские (ВГУ, ИЛА РАН) и зарубежные ученые (Гарвардский Университет, Университет штата Небраска, Трумэнский Университет, Университет Сан-Паулу), статьи и рецензии публикуются на русском, английском и португальском языке. С 2006 года (Вып. 1 – 5) опубликовано 33 статьи, 6 рецензий, а так же источники, относящиеся к военному перевороту 1964 года в Бразилии (Вып. 2. 2007. С. 56 – 64). В целом, к марту 2010 года сотрудниками факультета международных отношений опубликовано 10 изданий объемом более 10 п.л., посвященных латиноамериканской проблематике

На факультете международных отношений преподается ряд учебных курсов, связанных с изучением Латинской Америки. Часть студентов в качестве второго иностранного языка изучает испанский язык. В 2009 году студенты факультета международных отношений (направление «Регионоведение») Н.А. Коротких принимала участие в работе Конференции молодых ученых (ИЛА РАН, 21 апреля 2009 г.). Н.А. Коротких, М.В. Емельянова, соискательница О. Крутинь принимали участие в VII Российско-Испанском симпозиуме «*Rusia y España en los tiempos de turbulencia*» (СПб., 1 – 3 июля 2009 г.). Студенты проходят включенное обучение в Леонском Университете (Испания).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Афанасьева Инна** – аспирантка факультета международных отношений Воронежского государственного университета, научный руководитель – проф., д.полит.н. А.А. Слинко
- Беденко Ксения Васильевна** – студентка факультета международных отношений ВГУ, направление «Регионоведение», научный руководитель – проф., д.полит.н. А.А. Слинко
- Бельвебер Кристина Юрьевна** – студентка факультета международных отношений ВГУ, направление «Регионоведение», научный руководитель – доц., к.и.н. О.В. Шаталов
- Болдырихин Александр Александрович** – аспирант факультета международных отношений Воронежского государственного университета, научный руководитель – проф., д.полит.н. А.А. Слинко
- Иммануил Валлерстайн (Immanuel Maurice Wallerstein)** – Д-р Философии, ведущий исследователь (Senior Research Scholar) Факультета социологии Йельского Университета (Yale University)
- Воротникова Татьяна Александровна** – к.полит.н., ИЛА РАН
- Роджер П. Дэвис (Roger P. Davis)** – Д-р Философии, Университет Небраска-Керни (University of Nebraska-Kearney), США
- Кирчанов Максим Валерьевич** – к.и.н., преп., факультет международных отношений, Воронежский государственный университет (Воронеж, РФ)
- Коротких Наталья Алексеевна** – бакалавр регионоведения, выпускница Факультета международных отношений Воронежского государственного университета (2010)
- Джэймс Петрас (James Petras)** – Д-р Философии, профессор-эмеритус Бингхэмптонского Университета, адъюнкт-профессор Университета св. Марии, Галифакс, Нова Скотия, Канада
- Погорельский Александр Валерьевич** – к.и.н., старший преподаватель Воронежского Государственного Архитектурно-Строительного Университета
- Пулькин Максим Викторович** – к.и.н., с.н.с. Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск, Республика Карелия, РФ)
- Кэтрин А. Слоан (Kathryn A. Sloan)** – Д-р Философии, Университет Арканзаса (University of Arkansas), США
- Щеблыкина Елена Александровна** – бакалавр регионоведения, выпускница Факультета международных отношений Воронежского государственного университета (2010)

Научное издание

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКЕ:
ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник статей памяти С.И. Семенова

Составители: А.А. Слинко, М.В. Кирчанов

Выпуск 7

На русском языке
Публикуется в авторской редакции

Подписано в печать _____.____.2010 г.
Тираж 100

394000, г. Воронеж,
Воронежский государственный университет
Московский пр-т, 88, корпус № 8
Факультет международных отношений
8 (4732) 39-29-31, 24-74-02

ISBN 1104201007 -3

